

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2017

Выпуск изображений

Ванда Хотомская. Фото: Э. Лемпп

Содержание

1. Международный порядок: в поисках новых правил
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Экономическая жизнь
4. Сны о дымящих трубах
5. Поля
6. Стихотворения
7. «Сосланная в себя»
8. Письмо другу (Михаилу Геллеру)
9. Рядом с «Культурой»
10. Выписки из культурной периодики
11. Тайны сталинских чисток
12. Цена доброты
13. Лем — причудливый гений
14. Культурная хроника
15. Вершалин
16. Ванда Хотомская
17. Сто предрассудков
18. Благословенное насилие

Международный порядок: в поисках новых правил

Сила права вместо права силы

Фундаментом системы — которая сформировалась после окончания холодной войны и строилась по принципам прямо противоположным миропорядку, основанному на взаимном устрашении — стали такие либерально-демократические ценности и нормы, как демократический строй, верховенство права, политический плюрализм, рыночная экономика, свобода слова, соблюдение гражданских прав и свобод, толерантность, уважение достоинства и прав человека во всех сферах его деятельности. Было принято положение, что вместо биполяризма, основанного на равновесии сил и философии «исключительности» (exclusiveness), появится новый порядок, базирующийся на взаимозависимости, гармонизации интересов и «включении» (inclusiveness). Решающим фактором должны были стать не столько военная сила и экономическая мощь, сколько морально-этические ценности и верховенство права. Другими словами, новый международный порядок должен был основываться — иначе, нежели в период биполяризма — не столько на праве силы, сколько на силе права.

В девяностые годы в глобальной стратегии США получила популярность концепция продвижения в мировом масштабе демократии и «смены режимов» (regime change) — с диктаторских и деспотических на демократические, опирающиеся на нормы и процедуры правового государства. Принятый во время варшавской встречи 108 министров иностранных дел документ, озаглавленный «К сообществу демократий», формулировал программу действий для стран, правление в которых должно осуществляться с уважением принципов демократии, а также для стран, декларировавших свое стремление к демократической форме власти^[1].

Более чем пятнадцатилетний опыт функционирования институции под названием «Сообщество демократий» — свободной структуры, созданной во время учредительной конференции в Варшаве — вызывает обоснованный скептицизм. Это касается как идеалистических предпосылок ее инициаторов, так и реального воздействия такого рода многосторонних встреч и дебатов на решение жизненно

важных мировых проблем. После Варшавы дискуссии были продолжены в Сеуле (2002), Сантьяго (2005), Бамако (Мали, 2007), Лиссабоне (2009), Кракове (2010), Вильнюсе (2011), Улан-Баторе (2013) и Сан-Сальвадоре (2015).

Институционализация поддержки развития демократии имеет определенное значение. Однако ее важность состоит не столько в словесных декларациях и очередных согласованиях, сколько в применении на практике принятых принципов и норм^[2]. В кругах либерально-демократических мыслителей и руководителей порой господствует убеждение, что договоренностей и нормативных согласований достаточно, чтобы на их основе сформировался новый международный порядок.

Это не так.

Новые идеи и старая политика

Конфликты в Афганистане и Ираке, а также волнения в арабском мире красноречиво свидетельствуют о том, что во многих регионах мира либеральные ценности западных демократий не воспринимаются в качестве фундамента глобальной системы безопасности^[3]. Отсюда следует научное и практическое требование, чтобы — с учетом гетерогенного характера современного мира — западные государства, принадлежащие к трансатлантическому сообществу (Европа, США и Канада), предприняли усилия и совместно с другими странами — в том числе недемократическими — выработали нормативный консенсус, на котором основывались бы новые правила международного порядка.

В этом направлении устремлялись инициативы различных групп мыслителей, ученых и бывших политиков, как, например, Aspen Ministers Forum (AMF), которым руководит Мадлен Олбрайт; Euro-Atlantic Security Initiative (EASI), под разработками которой подписываются бывшие политики из США, России и Германии (сенатор Сэм Нанн, Игорь Иванов — бывший министр иностранных дел Российской Федерации и Вольфганг Ишингер — бывший статс-секретарь немецкого МИДа), или, наконец, European Leadership Network (ELN), институт, созданный по инициативе бывшего министра обороны Великобритании Дезмонда Брауна — с участием исследователей и экспертов из стран Европейского союза, а также России и Турции^[4].

В интеллектуальных дискуссиях мыслителей Запада постепенно созревает осознание того, что в основах новой глобальной системы и мирового порядка должно учитываться, что либеральную демократию, а также ее ценности и

принципы признает лишь часть высокоразвитых государств, в особенности, трансатлантическое сообщество.

Всего, при общем числе 193 стран-членов ООН, едва ли одна треть признает и применяет на практике либерально-демократический способ осуществления власти. Иными словами, требование согласования новых правил и кодекса поведения государств в делах, связанных с международной безопасностью, полностью обосновано. В любом случае, следует принять допущение, что не все члены такой системы будут руководствоваться ценностями либерально-демократического сообщества.

Востребованная нами кооперативная система безопасности, в которой учитывалась бы сложность и взаимозависимость современного мира, должна предполагать необходимость и потребность в непрерывной мирной трансформации. На практике это означает адаптацию к новым условиям и согласие с уменьшением значения старых сил, а также принятие растущей роли «восходящих держав».

«Сама переменность силы является ее постоянной чертой, тогда как изменяется ритм изменений — доказывает французский политолог и дипломат Пьер Бюлер. — Резкий разрыв с прошлым контрастирует с постепенной эволюцией, поддерживающей видимость стабильности, в соответствии с классической схемой периодов мира, перемежаемых войнами, после которых мирные договоры санкционируют новый расклад сил»^[5].

Мы являемся свидетелями и участниками именно такого исторического этапа. Мы живем в мире, не соответствующем концепциям полярности, на которые часто ссылаются как политики, так и исследователи. Мы не живем в мире, в котором международным порядком управляет один гегемон (однополярная модель). Но это и не тот порядок, при котором мировые державы имеют право обладать «зонами влияния» либо «зонами привилегированных интересов» (многополярная модель). Разрушение биполярной системы привело к ситуации, в которой формируется порядок нового типа. А именно — сила и могущество носят распределенный, полицентрический характер. Тогда как согласованные в прошлом правила и нормы частично относятся к миру, который безвозвратно исчез. И хотя этого мира уже нет, а его принципы и нормы требуют срочной адаптации к новой действительности и иным условиям, попытки согласования новых норм и правил сталкиваются с сопротивлением материала. Своеобразный «вакуум» пытаются использовать некоторые из держав — глобальных игроков на мировой сцене. Они стараются в одностороннем порядке навязать свои правила поведения.

Иллюстрацией такой «новой игры без правил» является попытка подчинить Украину нормам «русского мира»^[6].

Приоритетной задачей, стоящей перед трансатлантическим сообществом демократических государств, является разработка нового кодекса и системы норм и процедур, которые эффективно защищали бы основы их либерально-демократического строя. Ведь только международный уклад, основанный на ценностях демократии, является гарантией мира, свободы и благосостояния.

Итоговые замечания

31 октября 1958 года в своей инаугурационной речи в Оксфордском университете Исая Берлин привел высказывание столетней давности, в котором Генрих Гейне предостерегал французов от недооценки силы идей: «философские концепции, лелеемые в тишине профессорских кабинетов, могут уничтожить цивилизацию». Он говорил о «Критике чистого разума» Канта как о мече, которым отрубили голову европейскому деизму, а труды Руссо описал как окровавленное оружие, послужившее Робеспьеру для уничтожения старого порядка: он предсказал, что романтическая вера Фихте и Шеллинга — со страшными последствиями благодаря их фанатичным немецким ученикам — когда-нибудь обернется против либеральной культуры Запада^[7].

Исая Берлин иронично подытожил этот вывод замечанием, что «факты не вполне подтвердили это предсказание. Однако, если — продолжал Берлин — профессора, действительно, обладают столь поразительной властью, то не означает ли это, что лишь другие профессора или, по крайней мере, другие мыслители (а не правительства или парламентские комиссии) способны их разоружить?»^[8].

В Польше Лешек Колаковский, Бронислав Геремек и Зигмунт Бауман, без сомнения, принадлежали к числу тех мыслителей, которые вовремя заметили угрозу. Они также взяли на себя труд теоретической и практической разработки концепции «человеческой безопасности» (human security). Своим мышлением они опередили эпоху.

Выводы

Размышления на тему принципов и ценностей приводят нас к нескольким выводам:

— Ценности, а также морально-этические принципы имеют в политике существенное значение. Взгляды людей, их

убеждения, столь же важны, как то, каким образом люди ведут себя и как поступают⁹. Человеческие эмоции — а не только взгляды — так же оказывают влияние на процессы принятия политиками определенных решений^[9].

— Мы живем в то время, когда стираются границы между внутренней и внешней политикой; то, что является внутренним, пронизано тем, что внешнее. Важны не одни концепции и стратегии, но и способы осуществления власти внутри государств. Одна из причин слабости глобального порядка состоит в слабости управления в современном мире. При этом внешняя политика теряет свое значение; она перестает быть функцией внутренней политики, но все чаще становится ее инструментом и орудием.

— В политике демократических государств ключевое значение имеют ценности, существенные для человеческого достоинства и свободы. Это требует переоценки нашего способа мышления о внешней политике и изменения подхода к самому процессу формулирования цели, а также к тому, какие средства можно использовать для достижения этих целей, для их реализации.

В этом контексте следует искать ответа на вопрос: в чем должна состоять сущность нового международного порядка? Исходной точкой для таких новых согласований могло бы стать принятие следующих общих положений:

1. Великие державы должны отказаться от права на исключительность в определении нового порядка. Ведь новый порядок не может быть навязан; он должен стать результатом переговоров, либо — что важно и наиболее вероятно — сформироваться в процессе взаимного приспособления стран, которые совместно отвечают на новые региональные вызовы и риски.

2. Основной целью и смыслом востребованного международного порядка в период ускоренных изменений является не столько поддержание статус-кво и стабилизация, сколько управление переменами. На повестке дня стоят вопросы: Как управлять переменами? Как создать условия, дающие возможность эффективного предотвращения новой большой войны с участием ядерных держав? Для практических действий, направленных на исключение глобальной катастрофы, знание истории полезно, но новый мировой порядок, в поиске которого мы находимся, не будет функциональным, если мы примем предпосылку, что его рамки и механизмы будут определяться прошлым, а не настоящим и будущим.

3. В задачи академических кругов не входит формулировка

политических стратегий. Однако они могут предложить минимальные «рамочные» критерии. Такие, которые можно применять на переговорах с участием главных актеров региональной и глобальной сцены. Модели, предлагаемые учеными и мыслителями, в большинстве своем рациональны, связны, логичны и в изложении выглядят весьма привлекательно. Дело в том, что исторический процесс часто внутренне противоречив, иррационален, не слишком логичен и далек от изящных построений теоретиков. Новый мировой порядок не обязан быть эффективным, но он должен быть эффективным.

Во втором десятилетии XXI века главные угрозы для международной безопасности носят неконвенционный характер. Они зарождаются внутри стран, а не между ними. Источником этих угроз являются социальные неравенства мирового, а не только регионального, локального и внутригосударственного масштаба. Есть и проблемы, связанные с напряженностью между бедным Югом и богатым Севером. Серьезным вызовом стали нерешенные проблемы беженцев с охваченных войнами территорий, а также многомиллионная миграция, связанная с изменением климата, нехваткой питьевой воды и борьбой за выживание. На повестку дня возвращаются проблемы, порождающие национальный эгоизм, ксенофобию и — не в последнюю очередь — диктатуры, деспотизм, а также другие недемократические способы правления и попрания универсальных ценностей. Поэтому поиски неконвенционных стратегий не могут быть направлены на построение земного рая. Не станут они и реализацией концепции философа из Кенигсберга, провозгласившего идею Вечного мира.

Новые правила международного порядка должны адекватно отвечать жизненным потребностям и ожиданиям нынешнего и следующих поколений.

Polskie Bractwo Kawalerów Gutenberga, Warszawa 2017

Перевод Владимира Окуня

-
1. 1 Конференция в Варшаве (май 2000 г.), созванная по инициативе государственного секретаря США Мадлен Олбрайт и министра иностранных дел РП Бронислава

- Геремека, должна была документировать волю к формированию международной системы безопасности, опирающейся на демократические основы. Ее результаты в форме принятой Варшавской декларации «К сообществу демократий» (Towards Community of Democracies) были опубликованы в специальном номере ежеквартальника «Справы мендзынародове» 2000, №2, а также (в оригинальной английской версии) в «Polish Quarterly of International Affairs» 2000, т.9, №2 — Supplement.
2. Одним из следствий Варшавской декларации было создание в рамках подготовки к конференции министров в Сантьяго в сентябре 2014 г. Демократического клуба ООН. Позже возник Неправительственный процесс сообщества демократий (Non-Governmental Process for the Community of Democracies) с Международным руководящим комитетом (International Steering Committee), состоящим из 21 представителя общественных организаций, представляющих все регионы мира, с Международным секретариатом в Варшаве. Был также создан Международный консультативный комитет (International Advisory Committee).
 3. См. подробнее: T.Flockhart и др., „Liberal Order in a Post-Western World”, Washington 2014.
 4. Совместные отчеты и постулаты этих групп — хотя и получили некоторую известность и стимулировали международную дискуссию — всё же не повлияли на позицию государств. Ср., например, опубликованное на страницах «Газеты wyborчей» (28 ноября 2013) совместное письмо «Давайте расширим понятие Европы», авторами которого были Дез Браун, Игорь Иванов и Адам Д. Ротфельд.
 5. Pierre Buhler, *La Puissance au XXIe siècle. Les nouvelles définitions du monde*. CNRS Editions, Paris 2011. Цит. по переводу на польский: *O potędze w XXI wieku*, tłum. G. Majcher, Warszawa 2014, s. 494.
 6. Понятие «русский мир» предполагает, что это духовное сообщество стран, для которых ключевое значение имеют язык, религия, традиция. Ее политическое измерение должно определяться тем, что центром притяжения для «русского мира» является Россия. Название этого мира отсылает к Руси, а не к России.
 7. Isaiah Berlin, *Cztery eseje o wolności*, tłum. D. Grinberg, D. Lachowska, J. Łoziński, wyd. „Zysk i S-ka”, Poznań 2000, s. 184.
 8. Там же.
 9. Ср. John Lewis Gaddis, *On Moral Equivalency and Cold War*

History, "Ethics and International Affairs" 1996, vol.10, p. 147-148.

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Ярослав Качинский в бело-красной накидке с изображенным на груди орлом в короне сфотографировался на вершине горы Козяж в Сондецких Бескидах». («Тыгодник повшехны», 27 авг.)
- «Фото председателя ПИС в патриотическом плаще произвели фурор. Качинский стал самой настоящей звездой интернета. Благодаря дождевику в цветах национального флага Ярослав Качинский завоевал интернет. Снимки (...) стали безусловным хитом во всемирной сети. Такой волны пародий не удастаивался, кажется, еще ни один польский политик! Председатель правящей партии в бело-красном дождевике пополнил ряды супергероев комиксов, появился на картине «Грюнвальдская битва», вместе с еще двумя коллегами, одетыми в такие же плащи, покорил вершину неприступной горы... (...) Председатель ПИС достиг не только вершины горы Козяж, но и вершины популярности». («Супер экспресс», 23 авг.)
- «Многие рекламные агентства молятся день и ночь, чтобы повернуть хотя бы одну такую гениальную кампанию, каких у Ярослава Качинского насчитывается уже несколько десятков», — Петр Велгуцкий. («Газета польска», 30 авг. — 5 сент.)
- «Господин председатель, я помню ваши частые визиты в Гданьск, в штаб-квартиру “Солидарности”, когда вы старались заручиться поддержкой Леха Валенсы, на которую, впрочем, вы всегда могли рассчитывать. Вы фотографировались с ним (...) во время первых свободных выборов в Сенат. Я неоднократно слышала из Ваших уст, что “Валенса, наряду с Папой — это самый известный в мире поляк”, “настоящий лидер, наделенный гениальной интуицией” и “самый реальный кандидат в президенты Польши”. (...) После того, как президент Лех Валенса уволил Вас из своей канцелярии, Вы начали предъявлять ему те же самые обвинения, которыми ранее шантажировал Валенсу генерал Чеслав Кищак. Вы и Ваши сотрудники годами ведете беспрецедентную травлю Валенсы, называя его “агентом госбезопасности”. Вы сжигали его куклу перед Бельведерским дворцом, кричали “Болек, убирайся в Москву!”. (...) Я была на Гданьской судоверфи на протяжении всей забастовки, но никогда Вас там не видела. (...) Пытаясь обесславить имя Валенсы и вычеркнуть его из истории, извращая историю “Солидарности”, Вы вредите Польше и сеете

сомнения среди нас, поляков. У меня много друзей по всему миру, и они недоумевают — неужели поляки сошли с ума? Зачем они собственными руками ниспровергают свои же авторитеты? Почему сводят на нет международные позиции своей страны? Я призываю Вас прекратить свои нападки на Леха Валенсу и проявить по отношению к нему уважение, которого он заслуживает как герой “Солидарности” и создатель свободной Польши», — профессор медицины Иоанна Мушковская-Пенсон (р. 1921). («Газета выборча», 26–27 авг.)

• «Стоит только бывшему лидеру забастовок 1980 года открыть рот, как нас тут же охватывает чувство стыда за его простецкие высказывания. Но мы практически ничего не делаем для того, чтобы на Западе “Солидарность” ассоциировалась с 10-миллионным движением, а не с простоватым гданьским электриком». «Леха Валенсу представляют как лидера, многолетнего борца за права человека. (...) Этот миф был не только высосан из пальца, но и, по всей видимости, сконструирован защитниками тогдашнего коммунистического “статус кво”. (...) Мировые СМИ (...) вещают голосом секретного сотрудника службы безопасности “Болека”, который перед каждой видеокамерой повторяет, что это он победил коммунизм и перехитрил спецслужбы. (...) Мы знаем о печальной роли Леха Валенсы, возмущаемся его фальшивой легендой и... ничего не можем с этим поделать. (...) Любой вариант лучше, чем тайный сотрудник госбезопасности, (...) чем усатый осведомитель», — Якуб Августин Мацеевский. («Газета Польска цодзенне», 31 авг.)

• «В Польше разыгрывается классическая драма об отмщении. А это всегда заканчивается горой трупов. Если сюжет “Гамлета” можно свести к истории мести за отца, то в нашем случае происходит месть за брата, и этому подчинены все интересы Польши. (...) Когда с Ярослава Качинского во время его выступления в Сейме слетела маска, явив нам лик мстителя, стало окончательно ясно, что он, играя в своей драме об отмщении, не отступит ни на шаг. (...) Выход Польши из ЕС станет символическим наказанием Туска, исключением Польши из его сферы влияния. (...) А самое грустное во всем этом то, что люди так легко дают себя одурачить», — Ян Клата, теперь уже бывший директор Старого театра в Кракове. («Ньюсуик Польска», 28 авг. — 3 сент.)

• «Отступление ПИС от политического завещания президента Леха Качинского сопровождается тем, что правящая партия постепенно избавляется от его людей, причем во многих сферах. (...) Самые близкие его соратники либо погибли вместе с президентом, либо были исключены из ПИС. (...) В армии не оказалось места для бывшего сподвижника президента, генерала Романа Полько. (...) Не осталось людей Леха Качинского

в министерствах, государственных СМИ, компаниях, принадлежащих государственному казначейству, спецслужбах и государственных агентствах. (...) Председатель ПИС, используя свою властную монополию, объявил войну государству, которое он обвиняет в смерти своего брата. Таким образом покойный президент стал покровителем правящих сил, которые во многом действуют наперекор его идеям. В книге “Последнее интервью”, сборнике бесед с публицистом Лукашем Важехной, (...) рассказывая о своем идейном выборе, он обозначил четкие границы: “Любая единоличная власть несет в себе смертельные бациллы, которые могли бы заразить меня”». (Анджей Станкевич, «Тыгодник повшехны», 20 авг.)

- «22 июля 2017 г. (...) Польское телевиденье впервые передало заявление премьер-министра Беаты Шидло до выступления президента Польши Анджея Дуды. Тем самым акционерное общество Государственного казначейства нарушило собственные, предусмотренные регламентом принципы достоверности, объективности и добросовестности вещания. (...) Выступление избранного народом представителя верховной власти было расценено как менее важное, как второстепенное по сравнению с заявлением чиновника, назначенного этим самым президентом». (Павел Лепковский, «Жечпосполита», 26 июля)
- «Без внесения изменений в конституцию был совершен общественно-политический переворот. Страной управляет внеконституционная структура, всё более раздираемая конфликтами, но в то же время преисполненная всё большей решимости удержаться у власти любой ценой. Они зашли так далеко, нарушили такое множество законов, что уже просто боятся», — Томаш Липинский. («Ньюсуик Польска», 28 авг. — 3 сент.)
- «Я сейчас читаю книги по истории Германии 20-х и 30-х годов прошлого века и наблюдаю пугающие параллели. Диктатура устанавливается шаг за шагом», — проф. Ян Кубик. («Ньюсуик Польска», 31 июля — 6 авг.)
- «“За последние месяцы нами отмечены усиление антисемитской риторики в Польше, огрубление языка, а также эскалация поведения, направленного против нашего сообщества”, — говорится в письме, с которым к Ярославу Качинскому обратились Анна Хипчинская, глава Еврейской религиозной общины в Варшаве, и Леслав Пишевский, председатель Союза еврейских религиозных общин Польши. (...) Хотя председатель правящей партии не ответил на письмо, он все-таки решил встретиться с евреями. Однако не с теми, кто подписал это письмо. (...) Артур Хоффман, председатель Социально-культурной ассоциации евреев в Польше (...) назвал письмо еврейских общин “глупым”, обвинив в “нагнетании

проблемы антисемитизма”». (Анна Пшевроцкая-Адерет, «Тыгодник повшехны», 27 авг.)

• «Насилие в отношении украинцев стало в Польше повсеместным явлением. (...) В этом году антиукраинские марши прошли, в частности, в Варшаве, Перемышле, Кутно. (...) В Перемышле и его окрестностях к украинцам относятся так же, как относились к евреям в период между двумя мировыми войнами. Интернет буквально кипит: дескать, украинцы скупают землю и дома, ведут свой бизнес, фактически руководят городом. В связи с таким отношением уже год назад бил тревогу Петр Тыма, председатель Союза украинцев в Польше. Атмосферу подогревают и действия властей. Летом прошлого года в Польше должна была выступить украинская рок-группа “От винта”, однако музыкантов (...) остановили на границе. В июле прошлого года Сейм принял резолюцию об украинском геноциде в отношении поляков. В марте этого года правительство отказало в дополнительном финансировании памятных мероприятий, посвященных годовщине акции “Висла” (принудительного переселения украинцев — В.К.). (...) Согласно опубликованному в апреле отчету Национальной прокуратуры, в прошлом году нападений на украинцев было в три раза больше, чем в предыдущем: в 2015 г. было зафиксировано 37 таких нападений, а в 2016 г. — 92». (Кацпер Суловский, «Газета wyborcza», 31 авг.)

• «Средь бела дня по Варшаве “Маршем победы Речи Посполитой” прошли националисты. Манифестантов, состоявших в основном из членов “Молодежи всея Польши”, было около 150 человек. (...) Марш пытались блокировать активисты “Граждан Речи Посполитой” и “Всепольской забастовки женщин”. Полицейские по одному выхватывали активистов, блокирующих марш, и оттесняли их на соседнюю улицу. Через несколько сотен метров полиция силой устранила очередную блокаду. Участники протеста были оштрафованы, два человека задержаны». (Агата Кондзинская, Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 16 авг.)

• «Европейская комиссия возбудила процедуру в отношении Польши в связи с неисполнением последних обязанностей члена ЕС, сообщила в субботу Европейская комиссия в специальном пресс-релизе. (...) В закон о судах общей юрисдикции введена норма, предусматривающая разный возраст для выхода судей на пенсию, 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин, что является дискриминацией. Комиссия также отметила, что новое законодательство предоставляет министру юстиции слишком широкие полномочия, позволяющие оказывать влияние на судей». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 31 июля)

• «“Законотворческая деятельность, направленная на

реформирование системы правосудия, осуществляется в соответствии с европейскими стандартами”, — этими словами польский МИД подытожил свой ответ в адрес Европейской комиссии. (...) 12-страничное письмо польского правительства явилось ответом на третье по счету предписание Европейской комиссии, изданное в рамках возбужденной в отношении Польши процедуры охраны законности. (...) Кроме этой процедуры, Европейская комиссия в конце июля также запустила рассмотрение дела в связи с противоречием нового закона о судах общей юрисдикции законодательству ЕС». (Лукаш Возьницкий, «Газета wyborcza», 29 авг.)

• «“Мы получили ответ польского правительства. (...) Слова о том, что не в нашей компетенции проверять состояние законности в Польше, я вынуждена решительно опровергнуть”, — заявила во вторник в Брюсселе пресс-секретарь Европейской комиссии Ванесса Мок. “Регламент процедуры по проверке законности четко указывает, как именно комиссия должна реагировать, если в стране, состоящей в ЕС, появляется явная угроза режиму законности. Европейская комиссия считает, что такая угроза в Польше есть”, — добавила пресс-секретарь». (Лукаш Возьницкий, «Газета wyborcza», 30 авг.)

• «“Я должен без обиняков заявить о своей поддержке Европейской комиссии, считающей, что правительство одной из стран, входящих в ЕС, проводит политику, противоречащую фундаментальным принципам Европейского союза. Это правительство хочет провести реформу правосудия, грубо нарушающую принципы ЕС», — президент Франции Эммануэль Макрон. («Газета wyborcza», 30 авг.)

• «“Условием сотрудничества с Европейским советом является соблюдение принципов законности”, — заявила на вчерашней пресс-конференции Ангела Меркель в ответ на вопрос о Польше». («Жечпосполита», 30 авг.)

• «В четверг в Европейском парламенте состоялись дебаты о ситуации в Польше, организованные Комиссией гражданских свобод. Франц Тиммерманс подчеркнул, что ответ польских властей на рекомендации относительно состояния законности не развеял сомнений комиссии и что дальнейшие действия в отношении Польши будут зависеть от решения коллегии комиссаров ЕС». (Из Брюсселя Анна Словеская, «Жечпосполита», 1 сент.)

• «Форум сотрудничества судей (...) опубликовал содержание резолюции, которая в действительности оказалась воззванием. (...) “Мы не согласны с передачей должностей и полномочий в режиме, предусмотренном новым законом о судах общей юрисдикции от 12 июля с.г., поскольку такие действия, будучи зафиксированы, смогут впоследствии быть расценены как

соучастие в нарушениях правопорядка”». (Гжегож Бронский, «Газета польска цодзенне», 17 авг.)

• «С обращением выступила Ассоциация польских судей “Юстиция”. “Чрезвычайная процедура смещения председателей судов напрямую нарушает конституционный принцип разделения властей. Абсолютно доминирующую позицию в судах теперь занимает политик — министр юстиции и генеральный прокурор в одном лице, — говорится в обращении. — В этой связи мы призываем не занимать освобождающиеся в соответствии с новой процедурой должности председателей судов. За каждым таким решением стоит лишение наших коллег их полномочий, совершенное с демонстративным пренебрежением всеми принципами и нормами”». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 30 авг.)

• «Крупнейшая ассоциация судей “Юстиция” представила Анджею Дуде проект изменений законов о Национальном совете правосудия, Верховном суде и судах общей юрисдикции. (...) “Юстиция” предлагает, чтобы не Сейм, а сами судьи выбирали 15 представителей своего профессионального сообщества в Национальный совет правосудия. Также предложено, чтобы министр юстиции назначал председателя суда не по собственному усмотрению, а выбирая его из двух кандидатур, выдвинутых судьями». («Жечпосполита», 17 авг.)

• «В новом году судей Конституционного трибунала ожидает солидная прибавка к зарплате. (...) Оклад судьи трибунала вырастет на 1 209,66 злотых и составит 24 324 злотых. (...) Председатель Конституционного трибунала получит на 1 451,58 злотых больше и станет зарабатывать (...) 30 388,96 злотых. (...) Его заместитель будет ежемесячно получать на 1 219,33 злотых больше, и его зарплата составит 25 526,73 злотых. (...) В отличие от большинства поляков, судьи освобождены от уплаты пенсионных взносов. (...) Последний раз судьи Конституционного трибунала собирались 28 июня, а очередное заседание суда состоится только 11 сентября». (Дариуш Гжедзинский, «Факт», 19–20 авг.)

• «В соответствии с решением председателя Конституционного трибунала Юлии Пшилембской, трибунал вышел из соглашения об обязательности в Польше решений Европейского суда по правам человека». «Решение председателя Конституционного трибунала — это звено всей цепочки событий. Польское правительство уже пренебрегло мнением Венецианской комиссии, Совета Европы, а недавно отказалось признавать постановления Европейского суда, распорядившегося остановить вырубку Беловежской пуши». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 24 авг.)

• «Лицемерной, но в то же время опасной для нас является политика, проводимая структурами ЕС в интересах стран,

заинтересованных в ослаблении Польши. (...) Если бы только Евросоюз мог, он прислал бы нам десятки тысяч иммигрантов, и в Польше появились бы настоящие исламские гетто. Наша страна столкнулась бы с реальной террористической угрозой и другими проблемами, связанными с этим», — Збигнев Жёбро, министр юстиции и генеральный прокурор. («Наш дзенник», 31 июля)

- «16 апреля 1996 г. судья Анджей Захута дал характеристику личности Збигнева Жёбро и его следственных навыков. Он, в частности, отметил иррациональный образ мышления Жёбро, его склонность придавать расследуемому уголовному делу политические и идеологические акценты без всяких на то оснований, упомянул об инсинуации покушения на кражу со взломом, что в совокупности говорит “об ослаблении рационального мышления”. Это диагноз двадцатилетней давности». (Лешек Конарский, «Пшеглёнд», 21-27 авг.)

- «Не соглашаясь на принудительное перемещение мигрантов, мы выигрываем в плане безопасности собственных граждан. Люди в Польше (...) чувствуют себя в безопасности. Во всяком случае, в большей безопасности, нежели на западе Европы», — премьер-министр Беата Шидло. («В сети», 4-10 сент.)

- «Развернута абсурдная пропаганда, напрямую связывающая появление беженцев с терроризмом и распространением различных заболеваний. В Европе сейчас смотрят на нас и думают: а надо ли было принимать Польшу в Евросоюз?», — Рышард Бугай. («Жечпосполита», 10 авг.)

- «Западная демократия особенно остро реагирует на разгром Конституционного трибунала и посягательства на независимость правосудия. Твердое “нет” по вопросу приема беженцев, приправленное расистскими высказываниями Качинского, превращает колыбель “Солидарности” в самую эгоистичную и всеми нелюбимую страну в ЕС. Вырубка Беловежской пуши носит печать нового варварства, которое уже сравнивают с уничтожением древних храмов талибами. (...) Польша стала заложником одержимости человека, который не понимает современного мира, зато отлично умеет вызывать отрицательные эмоции», — Януш Левандовский, депутат Европарламента.

- «Европейский суд обязал Польшу прекратить вырубку деревьев в Беловежской пуше». (Кшиштоф Лаш, «Наш дзенник», 29-30 июля)

- «Решение, принятое 27 июля вице-председателем Европейского суда Антонио Тиззано, в тот же день было доведено до сведения польских властей. (...) Оно подлежит немедленному исполнению. (...) Впервые с момента создания суда в 1952 году решение люксембургских судей осталось невыполненным: вырубка продолжается». (Енджей Белецкий,

«Жечпосполита», 3 авг.)

• «Ради незаконной — как утверждается, в частности, в решении Европейского суда — вырубки, проводимой в Беловежской пуще, министр Шишко мобилизовал значительные силы в виде лесорубов, лесной охраны, полиции и оборудования с группой больших “харвестеров” во главе, способные вырубить и остругать до 200 деревьев в день. Не говоря уже о бригадах грузчиков и тягачах, вывозящих из пущи древесину. А вот на территории, где бушевали вихрь и смерч, мы никогда не видели ни “харвестеров” Шишко, ни самого министра, ни тем более мобилизации специалистов и оборудования, необходимой для того, чтобы быстро взять ситуацию под контроль», — Хуберт Янушевский.

(«Жечпосполита», 21 авг.)

• «По всей стране ветер повредил либо сорвал крыши почти с 4 тыс. домов, из которых 2,8 тыс. были жилыми. (...) Буря уничтожила 44,6 тыс. гектаров леса. Около 8,5 млн кубометров древесины легло вповалку. (...) “Государственные леса” добывают в год 38 млн кубометров древесины. (...) В результате бури 150 тыс. домов остались без электричества». (Иоанна Бликковская, Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 17 авг.)

• «Вот уже почти десять лет рынок древесины переживает самый настоящий бум, и спрос только растет. (...) “Государственные леса” вырубают всё больше деревьев и всё больше на этом зарабатывают, их доход за прошлый год составил около полумиллиарда злотых. (...) Зарплаты в “Государственных лесах” считаются одними из самых высоких в стране. Среднее вознаграждение там составляет почти 8 тыс. злотых, а генеральная дирекция получает свыше 12 тыс. злотых. Добавим к этому служебные автомобили, пайки, и всё это при совершенно раздутых кадрах: в Польше на один гектар леса приходится 13 лесников, тогда как в Швеции — всего 4. (...) Административные расходы “Государственных лесов” (главным образом на зарплату сотрудников) составляют более 43% их совокупных расходов. И лишь 13% идет на охрану лесов и их выращивание, то есть на основную деятельность». (Милош Венглевский, «Ньюсуик Польска», 7-13 авг.)

• «Экологи из “Greenpeace” призывают к бойкоту продукции, изготовленной из древесины, росшей в Беловежской пуще. Еще в июне шведский мебельный гигант “ИКЕА” сообщил, что не будет покупать древесину из Бровска, Хайнувки и Беловежи. В 2010 году до сведения поставщиков были доведены подробные инструкции. В 2017 года “ИКЕА” вновь направил поставщикам эти инструкции, говорится в заявлении концерна». (Паулина Новицкая, Мартин Батуг, Михалина Беднарек, Эва Фуртак, «Газета wyborcza», 18 авг.)

• «По данным опроса, проведенного агентством “SW Research”,

почти 60% респондентов считают, что из-за нашествия жука-короеда вырубать деревья в Беловежской пуще не нужно. (...) Каждый пятый участник опроса полагает, что такая вырубка необходима. Примерно такое же количество респондентов (21%) не смогли определиться с ответом на этот вопрос».

(«Жечпосполита», 10 авг.)

• «11 августа директорам национальных парков была разослана рекомендация министерства окружающей среды о “сокращении” слишком большой популяции кабанов в парках. (...) Больше всего кабанов планируется уничтожить в Дравенском национальном парке (1500 особей), Кампиносском (1113), Велкопольском (918), Столовых Гурах (762), Магурском (581), Уйсьце-Варты (546). В парках должно остаться от нескольких особей до нескольких сотен кабанов: к примеру, в Бабигурском парке — только три, в Пенинском — четыре, в Магурском — 19, в Дравенском — 60, в Кампиносском — 338. (...) Отстрел затронет также парки, охота в которых раньше была запрещена. (...) В письме природоохранного ведомства директорам национальных парков говорится, что “сокращение чрезмерной популяции кабанов” является мерой по охране природы». (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 23 авг.)

• «Министр окружающей среды только что разрешил ночную охоту на кабанов с использованием приборов ночного видения, а также одновременную индивидуальную и коллективную охоту в границах одного охотничьего участка. На консультации направлено очередное распоряжение, допускающее отстрел кабанов на протяжении всего года, а это означает, что можно будет стрелять в беременных свиноматок и самок с потомством. (...) Эти же нововведения предусматривают увеличение срока охоты на оленей и ланей». (Агнешка Сова, «Политика», 23-29 авг.)

• «Состояние польских вооруженных сил внушает серьезное беспокойство! В настоящий момент они не готовы дать отпор какому-либо противнику. (...) Подразделения Территориальной обороны не сформированы. Программы по модернизации буксуют. (...) Оперативные войска серьезно ослаблены, поскольку огромная часть их командного кадрового потенциала оказалась передана войскам Территориальной обороны», — генерал Вальдемар Скушпчак. («Пшеглэнд», 14-20 авг.)

• «Территориальная оборона господина Мацеревича преследует политические, а не оборонительные цели. Кажется, никто уже не верит, что это “харцерское движение для взрослых” обладает реальным военным потенциалом. Недавнее использование сил Территориальной обороны для символической провокации, обращенной против православного меньшинства, отлично демонстрирует, для чего

нужны эти войска Мацеревича. (...) Связи этих кругов с пропутински настроенными крайне правыми (...) необходимо предать огласке», — Адриан Зандберг, лидер партии «Вместе». («Жечпосполита», 18 авг.)

• «Из польских вооруженных сил уволились генералы, обучавшиеся в американских, британских, немецких военных академиях и получившие боевой опыт в Ираке и Афганистане. Объяснить это можно только тем, что Мацеревич сознательно пытается ослабить польскую армию», — Энн Аппельбаум. «Кому было выгодно опубликование в так называемом отчете о ситуации в Военных информационных службах фамилий тех, кто из патриотических соображений сотрудничал со спецслужбой, созданной в свободной Польше? Кому было выгодно обнародование персональных данных офицеров этой спецслужбы и деконспирация нашей агентуры? Кому был выгоден перевод этого документа на русский язык? (...) То, что министр польского правительства уже столько лет совершает действия, выгодные недружественной по отношению к нам стране, вряд ли можно назвать случайностью», — Радослав Сикорский. («Газета выборча», 12-13 авг.)

• «По данным опроса, проведенного институтом “Pollster” (...) 62% респондентов не хотят видеть Мацеревича на посту министра. (...) Противоположного мнения придерживаются 15% опрошенных. (...) Опрос проведен 16-17 августа». («Супер экспресс», 23 авг.)

• «Президент решил, что 15 августа, в День польских вооруженных сил, лучше будет обойтись без награждений и назначений генералитета. Список назначений представил Мацеревич, но Дуда его не утвердил. Это связано с тем, что Служба военной контрразведки, ранее подчинявшаяся Мацеревичу, начала расследование (и тем самым приостановила действие сертификата доступа к государственной тайне — В.К.) в отношении генерала Ярослава Крашевского, который в канцелярии президента отвечал за оценку новых назначений среди генералитета. (...) Во вторник, в ходе торжественных мероприятий, посвященных Дню польских вооруженных сил, Анджей Дуда заявил: “Мы должны противостоять негативным тенденциям, поскольку и так совершенно немало ошибок. (...) Это не чья-то частная армия. Это армия Республики Польша”». (Данута Веловейская, «Газета выборча», 16 авг.)

• «Для Мацеревича каждый, кто получал повышение по службе от его предшественника, (...) по определению становился подозрительным. А уж те, кто начал службу до 1989 года, оказывались подозрительными вдвойне. Последние два года можно вкратце охарактеризовать как время хаоса и мести. В руководстве у нас царит хаос, а в отношении широкого круга

офицеров и генералов осуществляется политика мести». (Януш Земке, депутат Европарламента, бывший вице-министр обороны. («Пшеглэнд», 14-20 авг.)

• «72-летний генерал Громослав Чемпинский и 84-летний полковник Анджей Маронде с 1 октября будут получать пенсию в размере 1290 злотых на руки. Это следует из содержания нового закона. (...) Он предусматривает снижение пенсий и пособий тем сотрудникам спецслужб, которые хотя бы один день прослужили в органах госбезопасности ПНР. (...) После операции “Самум” в 1990 году, когда из Ирака были вывезены шесть агентов ЦРУ, Чемпинский и его люди проводили международную операцию “Мост”, в ходе которой из СССР в Израиль перевозились евреи. Заслуги польских силовиков высоко оценили американцы. Чемпинский получил награду от президента Джорджа Буша. (...) В 1993-96 годах Чемпинский был начальником Департамента государственной охраны. (...) Анджей Маронде преподавал в школе контрразведки». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 2-3 сент.)

• «Министерство внутренних дел и администрации отобрало более половины семейной пенсии у матери генерала Мариана Яницкого, начальника Департамента государственной охраны во время правления “Гражданской платформы”». «Лидия Яницкая ежемесячно получала 2031 злотых брутто. Это пенсия ее мужа, который в 1980-87 годах работал в Департаменте государственной охраны. (...) Ее ежемесячный доход был снижен до установленного минимума, который составляет 850 злотых брутто плюс 213 злотых патронажного пособия. (...) В соответствии с “античекистским” законом всем бывшим сотрудникам спецслужб, хотя бы один день прослужившим в “органах тоталитарного государства”, пенсии снижены до 1700 злотых, а тем, кто, подобно отцу генерала Яницкого, закончили службу до 1990 года, до минимума. Это касается также вдов сотрудников спецслужб, даже если их мужья погибли во время исполнения своих обязанностей». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 16 авг.)

• «“Античекистский” закон коснулся более 50 тыс. пенсионеров. (...) По данным Федерации ассоциаций силовых структур, после получения письменного решения о снижении пенсии три человека покончили с собой, а пятеро умерло от инфаркта или инсульта непосредственно сразу после получения письма из министерства внутренних дел и администрации. В пятницу федерация сообщила об очередном трагическом случае. (...) Антоний Войтович после получения письма из департамента пенсионного обеспечения (...) умер в больнице. (...) Войтович вместе с женой воспитывал ребенка-инвалида. Его пенсия также была снижена до установленного минимума». («Газета wyborcza», 16 авг.)

- «В защиту генералов, служивших коммунистическому режиму, выступил высокопоставленный представитель польской католической Церкви, архиепископ Славой Лешек Глудзь. “Те, кого с нами уже нет, пусть покоятся с миром. Следует закрыть эту тему (посмертного разжалования Ярузельского и Кищака — В.К.). Она провоцирует горячую дискуссию, толку от которой будет немного”, — говорит архиепископ, отслуживший мессу за упокой души генерала, который в свое время установил в Польше режим военного положения. “Я вверяю его бурную жизнь Божьему Милосердию”, — писал архиепископ Глудзь». («Супер экспресс», 19–20 авг.)
- «У элит, пришедших на смену деятелям “Солидарности”, с самого начала трансформации был огромный комплекс по отношению к “коммунистам”. В Народной Польше они видят только диктатуру, советское господство, историческую пробуксовку — и ничего более», — проф. Мирослав Карват, заведующий кафедрой философии и теории политики Института политических наук Варшавского университета. («Пшеглэнд православны», №9, сентябрь)
- «Российский МИД во вторник обвинил польские власти в “возмутительной провокации” в связи с внесением изменений в закон о запрете коммунистической пропаганды, предусматривающих (...) снос памятников советским солдатам». («Жечпосполита», 19 июля)
- «В новой редакции закона о декоммунизации ничего не говорится о памятниках советским солдатам, в ней просто содержится общий запрет пропаганды тоталитарного режима. Достаточно признать, что эти памятники — не пропаганда коммунизма, а знак благодарности солдатам, которые здесь погибли и благодаря которым жива Польша. (...) В ходе освобождения Польши в ее нынешних границах погибли 600 тыс. советских солдат, это 55% общих человеческих потерь Красной Армии в Европе за пределами СССР в 1945 году. Так что в Польше тогда погибло больше наших солдат, чем в Германии и во всех европейских странах вместе взятых. (...) Если за год будут снесены сотни памятников, (...) российская общественность воспримет это (...) как жестокое надругательство над памятью наших предков», — Сергей Андреев, посол Российской Федерации в Польше. («Жечпосполита», 10 авг.)
- «В понедельник в интервью “Коммерсанту” министр иностранных дел Польши Витольд Ващиковский посетовал, что его российский коллега Сергей Лавров не отвечает на миролюбивые жесты и не желает общаться с ним напрямую. (...) Эта риторика, а также слова Ващиковского о том, что Польша не хочет видеть на своей территории очередные

подразделения американских военных, вызвало в Польше волну беспокойства — не совершает ли ПИС украдкой крен в сторону России». (Бартош Т. Виленский, «Газета wyborcza», 9 авг.)

• «Польша становится всё более одинокой и без всякого резона портит свои отношения с очередными странами. Плохие отношения с Россией, во многом ставшие следствием российской агрессии в Украине, становятся еще хуже благодаря агрессивным жестам вроде ликвидации памятников несчастным солдатам Красной Армии, погибшим на территории Польши. С Германией мы ссоримся из-за репараций. С Францией — из-за вертолетов “Caracal” и нашей глупой, инфантильной политики. С Литвой нас вот-вот поссорит изображение вильнюсской “Острой Браны” на новых польских загранпаспортах. С Украиной отношения осложнились из-за агрессивных резолюций Сейма и мемориала “львовских орлят” на тех же загранпаспортах. (...) Поскольку погоду будут делать экономические процессы в сфере евро, мы уже по определению остаемся в стороне. Правительство ПИС не понимает, к каким последствиям всё это может привести, и потому относится к ситуации легкомысленно. И мы заплатим за это ужасно большую цену», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и министр юстиции. («Ньюсуик Польска», 14–20 авг.)

• «Инициатива министерства внутренних дел и администрации “Разработай вместе с нами польский загранпаспорт-2018”. (...) На страницах нового документа появятся иллюстрации. Среди них — так называемое “кладбище львовских орлят” (уже отобранное специальной группой, созданной министерством) и ворота “Остра Брана” в Вильнюсе (за нее идет голосование интернет-пользователей). Этот почин уже вызвал сопротивление украинских и литовских властей. (...) Профессор Российской академии наук, историк Юрий Петров комментирует: “Вильно и Львов когда-то принадлежали Польше, однако это не означает, что виды этих городов должны оказаться в польских загранпаспортах. (...) Мы могли бы разместить в наших паспортах виды Варшавы и Хельсинки, городов, которые входили в Российскую империю, однако не делаем этого”». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 18 авг.)

• «Правительство ПИС обзывает немцев “детьми и внуками вырожденцев” и требует солидных военных репараций. (...) Нынешняя антинемецкая кампания — это очередной шаг к выходу Польши из ЕС. (...) Мы уже оскорбили и унизили Францию. Оскорбляя и унижая Германию, мы рвем последние дружеские связи с Европой», — Ярослав Курский, главный

редактор. («Газета wyborcza», 5–6 авг.)

- «1 июля в ходе своего выступления на конгрессе ПИС Ярослав Качинский вновь набросился с обвинениями на Германию, затронув, в частности, тему репараций. (...) Сдержанный комментарий Ульрики Деммер, заместителя пресс-секретаря немецкого правительства, о том, что “Германия осознает свою политическую, моральную и финансовую ответственность за Вторую мировую войну, однако вопрос немецких репараций для Польши уже был окончательно урегулирован как на юридическом, так и на политическом уровнях” — это всё, на что может рассчитывать ПИС». (Цезарий Михальский, «Ньюсуик Польска», 14–20 авг.)

- «Тема военных репараций — это всего лишь инструмент внутренней политики ПИС. (...) Этим правящая партия хочет убедить самую наивную часть избирателей, что ПИС борется за полагающиеся нам деньги. (...) Германия за последние четверть века сделала для Польши в сотни раз больше, чем Россия, которая пальцем о палец не ударила, чтобы как-то возместить Польше вред, нанесенный советскими преступлениями. (...) Антинемецкая политика ПИС ни к чему хорошему для Польши не приведет, тем более сейчас, когда у нас такие плохие отношения с Россией. В результате мы рискуем оказаться в ситуации, напоминающей предвоенные годы», — проф. Анджей Дудек. («Жечпосполита», 31 авг.)

- «В глазах европейцев мы перестаем выглядеть как люди успеха, экономика успеха, страна успеха. (...) Сегодня к Польше относятся как к политическому авантюристу. (...) На наших глазах Европейский союз начинает возводить границы вокруг сферы евро, к которой мы не принадлежим. Мы можем даже не заметить, как эта сфера начнет формировать собственный бюджет и парламент, назначит министров иностранных дел и финансов, как свободное пересечение границ станет для поляков иллюзией. Разве что мы хотим этого, продолжая видеть в переходе на евро утрату суверенитета», — Марек Голишевский, основатель и президент “Business Centre Club”. («Жечпосполита», 28 авг.)

- «“Европа — это регион, созданный с опорой на ценности демократии и права человека, а Польша с этими ценностями сейчас конфликтует”, — заявил Эммануэль Макрон. (...) “Сегодня Польша не определяет будущего Европы, не будет она определять его и завтра”, — добавил французский президент». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 28 авг.)

- «Необходимо руководствоваться определенными ценностями и принципами. Благодаря такой позиции Польша сегодня развивается очень динамично и является безопасной страной», — премьер-министр Беата Шидло. («Газета Польска», 30 авг. — 5 сент.)

- «Всё чаще западноевропейские политики и комментаторы отчетливо и сознательно проводят различие между польским правительством и Польшей, и это немного снижает риск того, что безнадежная репутация правительства распространится на образ всей страны и воскресит старые антипольские стереотипы в Западной Европе», — Клаус Бахман. («Тыгодник повшехны», 3 сент.)

- «Сегодня членство Польши в ЕС поддерживает 88% опрошенных. Более того, в последнее время число тех, кто поддерживает евроинтеграцию, растет. (...) Выросло также количество поляков, выступающих за укрепление и углубление интеграции — с 19% в 2015 году до сегодняшних 48%. Значительная часть электората ПИС (41%) также поддерживает дальнейшее углубление интеграции. Находящейся у власти партии Качинского пока что не удалось ослабить поддержку интеграции со стороны польского общественного мнения — более того, политика ПИС привела к обратному эффекту. (...) Об отношении правительства к европейской интеграции респонденты осведомлены — значительная группа опрошенных полагает, что правящая партия добивается либо выхода Польши из ЕС (17%), либо ограничения интеграции (32%). Таковы данные опроса, проведенного ЦИОМом». (Лена Колярская-Бобинская, «Политика», 26 июля — 1 авг.)

- «Марши, проводимые Комитетом защиты демократии, в первую очередь напомнили, что такое гражданское сопротивление. (...) Люди, которые в 1982 году выступали против режима военного положения (...) вновь вышли на улицы. Но эти марши были инициативой поколения “Солидарности”, а мы живем в другую эпоху. У молодежи нет опыта, связанного с той, бывшей системой. (...) Марши Комитета защиты демократии не стали их реальностью. Сегодня они вышли, потому что возникла угроза важным для них ценностям (...): экологические проблемы, загрязнение воздуха в польских городах, политика министра Шишко, заключающаяся в вырубке всего, что можно, в отстреле животных; равенство полов, а особенно политика по ограничению прав в области репродукции человека, то есть вопросы аборт и контрацепции, (...) а также проблемы дискриминации меньшинств, жестокого обращения с более слабыми, (...) проблемы трудоустройства молодых людей, которые после учебы в основном получают предложения, связанные с бесплатной стажировкой либо мытьем посуды в Лондоне, не могут устроиться на постоянную работу и, как следствие, получить кредит и создать семью, а потому живут в постоянной неуверенности. И если ко всему этому еще добавляется грубая националистическая риторика, терпению приходит конец. (...) То, что 50% поляков не ходят на выборы,

совершенно закономерно». (Анджей Ледер, «Ньюсуик Польша», 31 июля — 6 авг.)

- «Мы публикуем сегодня запись, неопровержимо доказывающую, что полиция следит за активистами ассоциации “Граждане Речи Посполитой” и лидером партии “Современная” Рышардом Петру», — Ярослав Курский, главный редактор. («Газета wyborcza», 27 июля)

- «В период с 15 по 25 июля против оппозиции были использованы все доступные силы, предназначенные для осуществления наблюдения. (...) Полиция создала базу портретов наиболее активных участников манифестаций. Их фотографии размещаются в системе распознавания лиц, которой пользуется Антитеррористический центр Агентства внутренней безопасности. Работа системы опирается на сравнительную базу, полученную от подразделений министерства внутренних дел и администрации, занимающихся выдачей удостоверений личности и загранпаспортов. (...) Наши источники также сообщают о широком применении пятидневного прослушивания, которое закон позволяет осуществлять без согласия суда лишь в случае чрезвычайной угрозы. (...) Против оппозиции используются также автомобили для скрытого наблюдения. (...) Эти машины оставляют перед жилыми помещениями и офисами организаций для “беспилотного” сбора информации». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 21 авг.)

- «Национальная прокуратура рекомендовала отозвать обвинительное заключение в отношении бывшего священника Яцека М., которое в июле направили в суд вроцлавские следователи. М. обвинялся в возбуждении ненависти против евреев и украинцев. (...) За свое выступление, которое по закону наказывается лишением свободы на срок до двух лет, М. не предстанет перед судом». («Газета wyborcza», 8 сент.)

- «Апелляционный суд вернул в первую инстанцию дело Петра Рыбака, который ходатайствовал о замене тюремного заключения за сожжение куклы, представляющей еврея, на электронный надзор. Осужденный обещает, что продолжит сжигать куклы». «“В кои-то веки суд вынес решение в интересах Польши”, — сказал он. Рыбак также пригрозил (...) подать в суд на “всех евреев”, назвавших его “антисемитом”». (Из Вроцлава Матеуш Кокошкевич, «Газета wyborcza», 6 сент.)

- «Согласно Конституции, президент Польши стоит на страже Основного закона. Это ключевой элемент самого понятия “президент”. Господин Анджей Дуда был избран законно, однако потом делал всё, чтобы убедить нас в том, что никакой он не президент. (...) Подписывая закон о судах общей юрисдикции, он тем самым продолжил нарушать Конституцию», — проф. Радослав Марковский. («Газета

выборча», 27 июля)

- «По данным опроса, проведенного 26–27 июля Институтом рыночных и социологических исследований, 77,6% респондентов положительно оценивают президентское вето в отношении законов о Национальном совете правосудия и Верховном суде. Противоположного мнения придерживаются 8,9% опрошенных, а 13,5% не определились с ответом. Подписание президентом закона о судах общей юрисдикции положительно оценивают 34,6% респондентов, отрицательно — 49,7%, не смогли дать оценку 15,7%». («Жечпосполита», 1 авг.)

- «Согласно опросу ЦИОМа президент Анджей Дуда пользуется рекордным (71%) доверием поляков». (Агата Кондзинская, Павел Вроньский, «Газета выборча», 6 сент.)

- «Президент Анджей Дуда с супругой, премьер-министр Беата Шидло, маршалы Сейма (...) и Сената (...), члены правительства и парламентарии (...). Всего более 100 тыс. человек в субботу на Ясной Гуре приняли участие в празднике Ченстоховской Богородицы. (...) Примас Польши, архиепископ Войцех Поляк заявил (...), что мы должны “уважать порядок и основы общественного устройства, а не крушить его бессмысленно ради тех или иных идей. Мы должны уважать конституционный порядок, который является гарантом нашего совместного существования, а не испытывать его на прочность либо игнорировать». (Томаш Кшижак, «Жеспосполита», 28 авг.)

- «39 млн 957 тыс. злотых — такой суммой правительство ПИС собиралось поддержать организации о. Тадеуша Рыдзыка, подсчитала депутат от “Гражданской платформы” Иоанна Муха, которая вот уже несколько месяцев предаёт огласке финансовые схемы директора “Радио Мария”. (...) “Это может быть только верхушка айсберга. Скорее всего, с момента падения ПНР никто не получал от правительства такого гигантского финансирования”, — говорит Станислав Нитрас из “Гражданской платформы”». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 10 авг.)

- «Согласно августовскому опросу ЦИОМа, политику правительства поддерживает 41% респондентов, против выступают 34%. О своем безразличии заявляют 24% участников опроса. Работой премьер-министра Беаты Шидло довольны 46% опрошенных, недовольны 39%. По сравнению с июльским опросом, количество сторонников правительства увеличилось (с 38% до 41%), равно как и его противников (с 31% до 34%), зато сократилось количество равнодушных (с 28% до 24%)». («Жечпосполита», 31 авг.)

- Под-держ-ка пар-тий: «Право и справедливость» — 36%, «Граж-дан-ская платфор-ма» — 22%, Кукиз'15 — 12%,

«Современная» — 11%, Союз демократических левых сил — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Вместе» — 4%, «Свобода» (бывшая КОРВиН — «Коалиция обновления Республики — воля и надежда») — 3%. Опрос исследовательского института «Pollster», 16-17 августа. («Супер экспресс», 19-20 авг.)

- «По данным ЦИОМа, если бы выборы состоялись в августе, за партию Ярослава Качинского проголосовали бы 42% поляков» («Тыгодник повшехны», 3 сент.). (Более подробных результатов опросов, проведенных главными исследовательскими центрами, ведущие газеты страны в последнее время не публикуют — В.К.)

- «А ведь еще сто лет назад как минимум 80% жителей Польши чувствовали, что они не принадлежат к сообществу поляков. Это были не поляки, а жившие в Польше белые рабы и наемные рабочие. Очень многие из нас — это потомки рабов, унаследовавшие от своих предков терпеливость и покорность. Это наследие по-прежнему определяет коллективное поведение поляков, наши политические и идеологические пристрастия, а также результаты выборов», — Войцех Эйхельбергер, психолог и психотерапевт. («Ньюсуик Польша», 28 авг. — 3 сент.)

- «Представьте себе, что было бы, если Ангела Меркель (...) решила бы угробить Федеральный верховный суд, как это попытались сделать в Польше. В одном лишь Берлине на улицы вышел бы миллион человек. А то и больше. (...) Посмотрите на французов после терактов в Париже — разве кто-то из политиков, включая крайне правых популистов вроде Марин ле Пен, призывал сжигать мечети? Нет! (...)

Среднестатистический сторонник ПИС не видит разницы между террористами, иммигрантами, беженцами и мусульманами. И никто не реагирует! Вы когда-нибудь слышали о реакции премьера или министра внутренних дел на подобное вранье, на возбуждение ненависти?», — Павел Адамович, мэр Гданьска. («Газета выборча», 9-10 сент.)

- «Наступает опасная эпоха людей, которые не желают разбираться в прошлом и не собираются нести ответственность за будущее», — Геннадий Бурбулис. («Жечпосполита», 5-6 авг.)

Экономическая жизнь

За первые четыре месяца 2017 года польский экспорт фармацевтической продукции превысил миллиард евро. Нынешний год складывается более успешно, чем предыдущий, по итогам которого стоимость экспорта составила почти 2,7 млрд евро. По прогнозу консалтинговой фирмы «McKinsky and Company», который приводит Рафал Войский в газете «Жечпосполита», Польша может стать европейским и даже мировым центром фармацевтической промышленности, а также важным контрактным производителем, обслуживающим европейские фармацевтические концерны. Среди козырей польской фармацевтики — современная производственная база и высококвалифицированные кадры. Издержки ниже, чем в странах Западной Европы, при аналогичной технологии производства. В отрасли производства лекарств и фармацевтических изделий занято около 100 тыс. работников. В данном секторе действует свыше ста фирм; практически каждый второй лекарственный препарат, покупаемый в Польше, отечественного производства. Почти 80% польского производства — это дженерики, более дешевые аналоги оригинальных лекарств, содержащие те же самые субстанции. Цены на них относятся к самым низким в Евросоюзе. Сегодня польская фармацевтическая промышленность становится заметным игроком на рынках «третьего мира» — прежде всего, Востока. Там требуются дешевые лекарства, и Польша может ими обеспечить. Увеличению экспорта способствует рост инновационности польских фармацевтических фирм. На научно-исследовательскую работу в отрасли приходится 8% ассигнований, что значительно больше, чем в других сферах польской экономики.

В Свентокшишском регионе (окрестности города Кельце) побывал Сауд аль-Сехали, директор Торговой палаты из Эр-Рияда. Он изучал возможности инвестиций и сотрудничества для фирм Саудовской Аравии. Интересовался коневодческими фермами, молочной и мясной промышленностью, производством кормов и соков (особенно яблочного) и птицеводством. Это был уже не первый визит представителя саудовского бизнеса в регионе. Ранее, в апреле, здесь побывал другой гость из Саудовской Аравии, Мохаммед Эзз, который намеревается построить в этих местах завод алюминиевых изделий. Что касается Сауда аль-Сехали, то это важная фигура в

Эр-Рияде. Палата, которой он руководит, объединяет торговые и строительные фирмы, но активна практически во всех отраслях. Как сказал Сауд аль-Сехали в интервью газете «Жечпосполита», у саудовцев есть деньги и они хотят инвестировать, чтобы в большей мере стать независимыми от экспорта нефти. Контакты в молочной промышленности и производстве кормов, а также коневодстве предприниматели из Саудовской Аравии ищут не впервые, благодаря привлечению зарубежных (в том числе польских) технологий, у них уже имеются значительные достижения в этих областях.

Как сообщает газета «Жечпосполита», продажа молока за рубеж принесла польским производителям в первом полугодии 2017 года почти наполовину больший доход, чем в прошлом году. Стоимость годового экспорта всех молочных продуктов может достичь даже 2 млрд евро, что означало бы очередной рекорд после наиболее удачного до сих пор 2014 года. На успешный результат повлияла благоприятная мировая конъюнктура: высокие цены на молоко и совершенно астрономические — на масло. Высокие мировые цены радуют экспортеров (например, такие фирмы, как «Млековита» или «Лович», которые зарабатывают за рубежом), в то же время подорожание сырья тревожит менее крупных производителей, работающих главным образом на отечественном рынке. Причины успеха полькой молочной промышленности за границей понятны: продукция отменного качества, сырье для которой — что особенно важно для западноевропейских потребителей — по-прежнему производится в незагрязненной, относительно мало затронутой индустриализацией природной среде. Все чаще польскую молочную продукцию покупают азиатские страны, в которых потребители по большей части не переносят лактозу, так что молочные изделия, кроме как растительного происхождения (соевое, рисовое или миндальное молоко), для них ранее не существовали. Но в течение уже нескольких лет растет популярность продуктов из животного молока, в значительной доле поступающих из Польши.

Поляки — страстные автолюбители. В 2015 году автомашинами владели шесть из десяти поляков (десятью годами раньше — четыре из десяти). «Это один из самых высоких показателей в Евросоюзе», — заявил в интервью «Газете выборчей» представитель банка «BGŻ BNP Paribas» Артур Гай. Польские граждане готовы отдать на автомобиль все свои сбережения. Машина — одно из самых неудачных вложений денег, но, несмотря на это, желающих приобрести автомобиль прибывает. Чтобы купить машину стоимостью 25 тыс. евро, средний поляк должен отдать 25 месячных зарплат, итальянец

— десять, а житель Германии — восемь. Однако же 62% водителей в Польше выражают желание потратить сбережения на приобретение автомобиля. Чаще, чем жители других стран, поляки хотят приобрести машины новейших моделей. Поразительный итог исследования мнения покупателей: хотя на приобретение нового автомобиля приходится копить так долго, поляки не считают, что машины слишком дорогие. И в то же время огромное внимание уделяют вопросу расхода топлива. Это один из ключевых критериев при выборе модели. При том что в Польше бензин — самый дешевый в Евросоюзе, на топливо идет большая часть семейного бюджета, чем, например, в Германии. Авторы доклада «L'Observatoire Cetelem» полагали, что в 2016 году продажа новых автомобилей в Польше возрастет на 8,5%, однако недооценили настроений поляков: продажи выросли на 17% (в Евросоюзе в среднем на 6,8%). Откуда эта страсть к новым машинам? Психологи говорят, что автомобиль как одежда: выражает нас. Покупая хорошие автомобили, поляки словно бы стирают делящие их различия и создают иллюзию, что живут на том же уровне, как общества высокоразвитых стран.

Большинство польских граждан в возрасте 18—30 лет считают, что обладают необходимой квалификацией для того, чтобы найти себя на рынке труда. Более 80% полагают, что работодатель предложит им место. Таковы результаты опроса, проведенного агентством по труду «Adesso Poland» и службой «Inforpasa», о чем сообщает газета «Жечпосполита». Почти 70% опрошенных считают, что найдут работу менее чем за год по окончании профессионального учебного заведения. Оптимизм молодого поколения неудивителен: все больше становится отраслей, где существует рынок работника, что облегчает молодым людям профессиональный старт. В течение трех лет заметно сокращается число безработных выпускников школ и училищ (тех, кто не трудоустроился в течение 12 месяцев после окончания учебы). Доля безработных выпускников среди общего числа безработных снизилась до рекордного уровня 2,8%. Несмотря на это улучшение, молодые поляки не рекордсмены оптимизма. Как в оценке собственных умений, так и по сроку поиска первого места работы они располагаются ниже среднего мирового показателя.

В течение года удвоилось количество курсов по подготовке водителей. Однако до сих пор отсутствует система обучения водителей грузовиков, — пишет Анджей Кублик в «Газете выборчей». В прошлом году, после тридцатилетнего перерыва, Министерство образования вернуло в список профессиональной подготовки специальность «механик-

водитель», было создано около полусотни соответствующих курсов. В текущем учебном году организовано еще 60 таких автошкол. Заинтересованных в получении профессии механика-водителя больше, чем ожидалось, — заявил министр инфраструктуры и развития Анджей Адамчик. Действующая программная база позволяет, однако, осуществлять подготовку водителей только с правом управления легковыми автомобилями и пикапами. Лишь в следующем году, как сказал министр, может начать действовать система подготовки водителей более высоких категорий. Организаторы автоперевозок уже несколько лет обращались к правительству по вопросу воссоздания системы подготовки профессиональных водителей для поддержки развития отрасли. В настоящее время польские автоперевозчики — лидеры в Европе. Около 25% международных перевозок на континенте выполняется грузовиками с польской регистрацией. Дальнейшее развитие отрасли, однако, сдерживается по причине нехватки соответствующего количества квалифицированных водителей.

Е.Р.

СНЫ О ДЫМЯЩИХ ТРУБАХ

Мечта о возвращении в Польшу заводов и фабрик, которые дадут стране много хороших и стабильных рабочих мест, — это не более чем пустая и несбыточная греза. На серьезный камбэк промышленности рассчитывать нечего, а в будущем нам необходимо крепко-накрепко вбить себе в голову, что не каждому заводу следует радоваться.

У этой мечты есть даже свое название: реиндустриализация.

Слово, мода на которое вспыхнула после не очень давнего финансового кризиса, когда на Западе появилась тоска по «реальной» экономике, создающей конкретно осязаемые, реальные ценности и являющейся вместе с тем антитезой скомпрометированного финансового сектора, который оперирует виртуальными деньгами.

Сама идея реиндустриализации отнюдь не плоха.

Промышленность оказывает благотворное воздействие на всю экономику — хотя бы самым только фактом выделения огромных средств на исследования и развитие. Нет нужды искать доказательств этого где-то далеко: Европейская комиссия ежегодно публикует подробный отчет, посвященный затратам бизнеса на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (см. «EU Industrial R&D Investment Scoreboard»). Напрасно было бы искать там в перечне полусотни фирм, предназначенных на указанные цели наибольшие суммы, какие-нибудь банки или гостиничные сети. Зато там присутствуют всевозможные концерны: автомобильные, фармацевтические либо действующие, скажем, в электромашиностроительной промышленности, — а также фирмы, которые создают программное обеспечение.

Более того, производственным предприятиям требуются сырье и разнообразные компоненты, в связи с чем каждое рабочее место где-то на фабрике или на заводе создает много рабочих мест вне самих этих объектов. Таким путем возникают — внимание, еще одно модное слово — так называемые экосистемы, которые после превышения определенной критической массы становятся мотором развития своей отрасли. Ну а коль скоро в данном месте вокруг фирмы А из отрасли Б выросла уже целая обойма кооперирующихся с ней предприятий-партнеров, то почему бы этой ситуацией не смогла воспользоваться еще и некая фирма В, тоже действующая в секторе Б?

Но на самом-то деле мечта о реиндустриализации в ее

общепринятом, обыденном понимании — это мечта о возвращении к такому рынку труда, который в состоянии поглотить достаточно большое число умеренно образованных и обученных лиц, предложив им относительно хорошие зарплаты. Именно к этому апеллировал во время своей избирательной кампании нынешний президент США Дональд Трамп, говоривший о необходимости создания в американской промышленности миллионов рабочих мест. К этому же призывала и лидер Национального фронта Марин Ле Пен, встречаясь перед недавними президентскими выборами во Франции с работниками завода «Вирпуль» в Амьене, который планировалось закрыть.

Эта мечта сильна, потому что мир, который она имеет в виду, существовал совсем недавно, а его демонтаж начался всего лишь четыре десятилетия назад. Только в Соединенных Штатах за период с 1980-го по 2015 гг. в промышленности испарилось 6 млн рабочих мест. Лозунг «реиндустриализация» молчаливо предполагает, что заводы и фабрики вернутся туда, откуда они исчезли. Проблема заключается в том, что они не вернутся, поскольку на самом деле никогда не исчезали, а попросту претерпели за истекшее время радикальную и часто необратимую трансформацию.

Быстрее, короче, меньше (людей)

У истоков указанной выше мечты лежит технический прогресс, который сделал возможным более эффективный и производительный выпуск продукции. Слова «более производительный» представляют собой удобное сокращение целой фразы: «столько же, но за более короткое время и с привлечением меньшего количества работающих». Странно и необычно наблюдать, как с перспективы проживающих по обе стороны Вислы легко забывается, что на Западе такие перемены происходили еще перед исчезновением железного занавеса — и задолго до того, как мы тут начали говорить, что благодаря средствам из Евросоюза у нашего бизнеса появится шанс догнать Запад.

Вот пример из автомобильной индустрии. Уже в 1983 г. газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что новый завод «Мазды» в японском городе Хофу (открытый годом ранее) в состоянии производить за месяц 20 тыс. полнокомплектных автомобилей (плюс к этому еще 7 тыс. недоукомплектованных) при общей численности персонала 1,8 тыс. человек, которые работают в две смены по 900 человек. Газета сравнила эти цифры с производительностью среднего автомобильного завода в США, к примеру, такого, как принадлежащее «Крайслеру» (и разрушенное в 1990 г.) предприятие на Джефферсон-авеню в Детройте, где производство такого же количества автомашин

требовало в два с лишним раза большего числа работающих — 4,7 тыс. человек. Японский производитель достиг таких замечательных показателей, в частности, благодаря нигде не встречавшимся в те времена масштабам роботизации. Фирме «Мазда» удалось практически полностью автоматизировать весь процесс изготовления и сборки кузова. В «Нью-Йорк таймс» отмечалось, что вмешательство человека требовалось там только на начальном и конечном этапах процесса. Штамповка элементов кузова, их сборка и сварка — всё это целиком возлагалось на станки и прочее оборудование. Но прогресс — это не только роботы. Столь же важны так называемые «процессуальные» инновации, иными словами, такая организация производственной линии, чтобы сборка протекала наиболее оптимальным способом. Вот как писал об этом же самом заводе Джозеф Фучини в своей книге «Работая для японцев»: «Движения работников напоминали скрупулезно продуманную и отрепетированную хореографию, цель которой — исключение лишних движений и экономия времени. У рабочих на "Мазде" никогда не возникала потребность искать инструменты, потому что каждое приспособление лежало в строго определенном месте поблизости от производственной линии. Японским сборщикам не приходится также дожидаться следующего занятия, как это происходит у их коллег в США. Когда рабочий заканчивал, скажем, монтаж топливного бака, он сразу же принимался за нанесение на поверхность шасси особой пены, изолирующей кабину от шума; причем завершал эту операцию ровно в тот момент, когда появлялся следующий подлежащий сборке автомобиль».

В противоположность американским заводам, где автомобили перемещались между очередными этапами сборки по конвейерной ленте, на заводе в Хофу кузова с помощью специального подъемника буквально летали над головами монтажников. Благодаря этому на полу указанного завода царил полный порядок, а рабочим обеспечивалась свобода движений и легкий доступ к шасси. Вдобавок на стадии установки топливного бака подъемник наклонял автомобили на 30 градусов, чтобы тем самым еще больше облегчить людям работу. Инженерам «Мазды» пришла также в голову мысль, чтобы двери монтировались на как можно более позднем этапе, благодаря чему рабочие избавились от необходимости вертеться вокруг них в ходе установки внутреннего оснащения кузова. Этим минимизировался также риск того, что двери будут поцарапаны.

Если мы ищем такие примеры, которые были бы чуть ближе к нам в географическом смысле, то рассмотрим, каким образом сочетание многих значимых технологических и

процессуальных нововведений, внедряемых на протяжении двадцати с лишним лет, увеличило производительность в польской горнодобывающей промышленности при извлечении угля открытым способом. По данным, собранным Бюро анализа при сейме, в 1991 г. буроугольный карьер в Белхатове давал работу 11,2 тыс. человек, а добыча составляла 35,2 млн тонн. В 2015 г. там в открытом карьере на вскрышных и иных работах трудилось уже только 5,2 тыс. человек, но добыча достигла 42,1 млн тонн. Таким образом, инновации обеспечили значительное увеличение производительности труда — иными словами, ощутимый прирост добычи при более чем двукратном снижении занятости.

Технология изменила потребность промышленности в рабочей силе, но есть смысл упомянуть, что не везде и не всегда в идентичной степени. Даже в рамках аналогичных производственных предприятий разные заводы и цехи характеризуются разной степенью автоматизации — в зависимости от потребностей конкретной фирмы и затрат. К примеру, если на заводах «Мазды» в Японии все этапы сборки кузова практически полностью автоматизированы, то на новейшем заводе того же концерна в Мексике роботами на этой стадии производства реализуется только половина операций. Остальное делают люди.

Кто-либо, возможно, обратит внимание на то обстоятельство, что конечные эффекты подобных процессов оптимизации бывают скрытыми, так как данная фирма может и далее продолжать развитие, а, следовательно, нуждаться в сотрудниках, только на других рабочих местах. Великолепным примером — причем на сей раз отнюдь не из промышленной сферы — является внедрение американской фирмой AT&T автоматических телефонных станций, что революционизировало всю телекоммуникационную отрасль: уже не было нужды ручным способом соединять разговоры на центральном коммутаторе, что требовало нанимать множество людей. Однако, тем не менее, этот американский гигант в течение весьма продолжительного времени не уменьшал численность персонала, а лишь перенаправлял сотрудников на выполнение других задач. Потеря рабочих мест может быть также связана с затягивающимся плохим состоянием какой-либо отрасли, как в случае американского автомобилестроения, — восстановление таких рабочих мест представляется вполне возможным.

Неумолимая статистика говорит, однако, что в промежутке с 1980-го до 2015 гг. из промышленности США улетучилось 6 млн рабочих мест, и экономисты придерживаются мнения, что за большую часть этих потерь ответственны именно технологические изменения. Такую интерпретацию

подсказывает хотя бы тот факт, что за указанный период стоимость товаров, изготавливаемых американской промышленностью, увеличилась в три раза. Подобный рост производительности наталкивает на мысль о том, что спасти упомянутые рабочие места не удастся.

Вернуться на родные берега

Отдельные экономисты (среди них, в частности, Дэвид Оутор) придерживаются мнения, что $\frac{1}{4}$ вышеуказанной величины можно объяснить перенесением рабочих мест за границу, иначе говоря, офшорингом. Из соображений растущей стоимости труда, а также по результатам некоторых аналитических исследований — например, проводимых Бостонской консалтинговой группой и говорящих о сближении затрат на производство ряда товаров в Китае и США — по другую сторону Атлантики появилась надежда на противоположный процесс, иными словами, на оншоринг (который может фактически представлять собой иную форму реиндустриализации). Так что ж, означает ли это, что те рабочие места, которые исчезли, могут вернуться?

В этом вопросе тоже следует оставаться скептиком, но скорее из практических соображений. Ведь технический прогресс изменил промышленность еще и во многих других отношениях — начиная с того, что производство перестало быть четко локализованным. Доступность глобальной связи и развитие транспорта привели к тому, что администрирование цепочкой поставок немыслимого прежде масштаба и на невообразимые ранее расстояния стало достаточно простым. Если это окупается, то у фирм фактически нет причин изо всех сил искать сырье, материалы и партнеров по кооперации непременно у себя на родине.

Более того, такой поиск может оказаться очень трудным делом, так как после многих лет деятельности за рубежом фирмы становятся настолько тесно связанными с тамошними местными сетями субпоставщиков и субподрядчиков, что им потом трудно выйти из подобного сотрудничества.

Перенесение производства в свою страну означало бы для них необходимость пересаживать туда всю экосистему (речь идет как о предприятиях-партнерах, так и о рабочей силе, обладающей необходимой квалификацией), которой в их родной стране почти наверняка уже нет (если ее ранее не перенесли за границу), а воспроизведение всех указанных элементов по прошествии нескольких десятилетий попросту невозможно — такие компетенции нужно выстраивать заново, едва ли не на пустом месте. Попробуйте только представить, как выглядела бы ситуация, если бы в Польше кто-нибудь всерьез захотел сегодня взяться за электронику, — ему никак

не хватило бы того, что когда-то на берегах Вислы действовало объединение «Унитра» ^[1]. С того момента прошло столько времени, что людей, которых сегодня можно было бы взять на работу, пришлось бы обучать практически с нуля.

Кстати, об этом открыто говорил в октябре минувшего года генеральный директор компании «Адидас» Каспер Рорштед. «Наше производство на 90% опирается на Азию. Лично я не верю в то — и такая вера представляет собой полнейшую иллюзию, — что производство может в массовых масштабах возвратиться в Европу. (...) В свою очередь, единственная потенциальная польза от запуска нашего производства в США видится в политической заинтересованности, так как это не окупается с точки зрения финансовых соображений и даже более того: тамошний рынок не располагает соответствующими компетенциями. То же самое касается всей нашей отрасли — в данном случае я говорю не только от имени фирмы "Адидас"». Далее г-н Рорштед констатировал — и это любопытно отметить, — что автоматизация производства тоже не является стимулом для возвращения на старый континент. «Адидас», правда, планирует запуск двух всесторонне роботизированных фабрик в Германии и США, но они будут производить всего лишь по миллиону пар обуви в год — капля в море по сравнению с 360 млн пар, которые шьются всей фирмой в целом. «Полная автоматизация — это вопрос 5–10 лет. Несколько из тех приблизительно 120 операций, которые необходимы для производства одной кроссовки, упорно не хотят поддаваться автоматизации. Самым трудным вызовом является создание робота, который будет зашнуровывать обувь. Я не шучу. Сегодня это исключительно ручная работа. Нужной технологии до сих пор еще не существует», — добавил Рорштед. Другой причиной, по которой фирмы могут с неприязнью смотреть на решоринг, является близость расположения производственных предприятий по отношению к новым рынкам сбыта. Какой-нибудь завод или фабрика могли, правда, когда-то перевести производство в Китай, чтобы сэкономить на оплате труда, но в данный момент эта страна, насчитывающая 1,3 млрд жителей, способна стать весьма значимым потребителем любых изделий. Именно так обстоят дела в случае «Адидаса», спрос на продукцию которого за 2015 г. вырос в Срединном царстве на 28%.

Препятствием на пути к возвращению рабочих мест может оказаться еще одно изменение в способе функционирования промышленности, причем довольно-таки фундаментальное. Речь идет о том, на каком этапе изготовления того или иного товара к нему добавляется наибольшая стоимость. К сожалению, во многих отраслях она возникает не в заводском

цехе, а в конструкторских или технологических бюро, при работе проектировщиков либо инженеров, в отделах рекламы и службах или точках продажи. Тайваньская фирма Foxconn зарабатывает очень серьезные деньги на сборке изделий марки Apple, но ценность и реальная стоимость этих изделий — кардинальным образом воздействующая на цену, которую упомянутый американский концерн из калифорнийского Купертино может требовать за свои продукты, — ни в коей мере не возникает в южном Китае. Надежные оценки говорили, что в случае первых моделей iPad'а расходы на их производство составляли около 1,6% финальной продажной цены. Очень похоже обстоят дела с мировыми брендами готового платья, создатели которых заказывают пошив своих моделей одежды где-нибудь в Марокко, Турции или Бангладеш. Стоимость их изделий возникает не в швейных мастерских или цехах, а выковывается в рекламных кампаниях, во внешнем облике салонов продаж и магазинных витрин, а также на чертежных досках проектантов.

Особенно отрезвляющим выглядит последний из перечисленных пунктов, поскольку он заставляет задуматься, а какую, собственно говоря, промышленность нам хочется иметь. Мы можем достичь великолепных показателей по занятости в промышленности или же по стоимости, добавленной к нашему ВВП, но всё равно не почувствовать, что у нас наступила реиндустриализация, причем именно в таком варианте, к которому мы стремились.

Индустриальная Польша

С птичьего полета промышленность в Польше смотрится совсем неплохо. Если измерять ее состояние только участием в добавленной стоимости — иными словами, в общей стоимости товаров и услуг, производимых в экономике нашей страны, после вычитания затрат на их производство, — то в Польше промышленность генерирует больший ее процент, нежели в среднем промышленность по всему Евросоюзу. Долевое участие польской промышленности в добавленной стоимости брутто — это без малого 25%, тогда как среднее значения для ЕС (по состоянию на 2013 г.) лишь немногим превышает 19%. И благодаря этому промышленность в Польше не ощутила на себе последствий недавнего финансового кризиса в такой сильной степени, как это происходило в других странах; где на протяжении 10 лет (2003–2013) средняя доля участия промышленности в добавленной стоимости брутто упала. А у нас она выросла. В период кризиса был лишь один год, когда добавленная стоимость в польской промышленности оказалась ниже, чем годом ранее (так произошло в 2009 г.); но за исключением этого спада на протяжении почти всего

указанного времени данный показатель рос быстрее, нежели ВВП. А участие промышленности в стоимости, добавленной всей польской экономикой, колебалось где-то в районе 25%. Однако упомянутый индикатор можно трактовать и несколько иначе — как показатель хозяйственно-экономической отсталости. Еще пару десятков лет назад большое участие промышленности в экономике интерпретировалось именно таким образом — ведь в начале 90-х годов прошлого века доля промышленности в добавленной стоимости достигала 40% и даже 50%, если приплюсовать к ней строительство. Эксперты называли данное явление структурным расстройством: дело в том, что западные экономики всё сильнее опирались на услуги, и процесс деиндустриализации шел там полным ходом, а у нас главным мотором выступали технологически устаревшие предприятия тяжелой промышленности. Такую структуру называли искаженной: промышленность была излишне разросшейся, тогда как услуги и торговля — недоразвитыми. Подобный дисбаланс никоим образом не соответствовал модели, которая признавалась оптимальной, — а именно, экономики, основанной на знаниях, где главенствующую роль в создании ВВП играют как раз услуги и именно они ответственны за большинство рабочих мест.

Трансформация общественного строя Польши вынудила внести изменения в указанную структуру, причем довольно болезненным способом. Но только это были такие изменения, которые навязывались институционально, а не вытекали из естественных процессов. Деиндустриализация в нашей стране произошла искусственным путем. У нас никто не переносил заводы и фабрики на другие рынки, а уменьшение количества рабочих мест происходило вовсе не потому, что людей заменяли машины. На начальной стадии трансформации у нас предоставили свободу рынку — что способствовало, например, развитию торговли, — но одновременно убрали защитный зонтик, простиравшийся ранее над государственными фирмами. Примером служит придание реального характера затратам на обслуживание кредитов (в том числе и тех, которые уже были предоставлены ранее) посредством весьма резкого повышения процентных ставок. Главной целью выступала тогда борьба с гиперинфляцией, вследствие чего пытались ограничить увеличение зарплат, устанавливая специальный налог на рост вознаграждений, а также ограничить публичные расходы, — что автоматически означало отключение предприятий от государственных казначейств. Фирмы лишались бюджетного финансирования. Производство той продукции, на которую не было рыночного спроса, вынужденным образом приходилось сокращать или даже сворачивать — промышленные предприятия почти

мгновенно, не успев даже ахнуть, обнаружили себя брошенными в глубокие рыночные воды.

В статистических данных за тот период осязаемое падение долевого участия промышленности в добавленной стоимости действительно наблюдается почти каждый год; так, в 1990 г. ее доля достигала 53% (считая вместе со строительством), год спустя она составляла уже неполных 42%, а на исходе того десятилетия — лишь 31%. Одновременно росла роль услуг: в 1990 г. их участие в экономике составляло 38,4%, зато на протяжении последующих 10 лет оно возросло до 55%.

Однако ограничение роли промышленности в экономике и увеличение значимости услуг не шло в ногу с их качественным изменением. Мы имели дело скорее с гашением пожара простейшими средствами. Коль скоро в стране высокая безработица, то давайте привлечем капитал, который создаст рабочие места, причем как можно скорее и как можно больше. Лучше всего в тех регионах, которые сильнее всего пострадали от всевозможных попыток приспособиться к переменам. И нечего привередничать насчет того, что собой представляет этот капитал и какие у него планы применительно к нам. Дадим ему разные стимулы и преференции, лучше всего — освободим от налогов, так как это относительно простое дело. Таким вот образом в 1994 г. возникли специальные экономические зоны (СЭЗ).

СЭЗ, или Место в цепочке ценности

При формулировании основных положений по созданию специальных экономических зон все звучало красиво: они должны были стать не только лекарством против скачкообразно растущей в некоторых регионах структурной безработицы, но еще и способом, который бы позволил вырвать их из цивилизационного коллапса. В указанные зоны должен был попадать определенный тип инвестиций — таким образом, чтобы там развивались конкретные сферы хозяйственно-экономической деятельности. По замыслу — те, которые подтолкнут экономику в желательном направлении, иначе говоря, на путь современных технологий, инновационности, знаний и прочего подобного.

Зоны стартовали в 1994 г. и постепенно приобретали популярность среди инвесторов. За первые 10 лет их функционирования было выдано почти 700 разрешений на деятельность в рамках СЭЗ, по истечении очередного десятилетия таковых стало уже 1700. Согласно охватывающему несколько лет отчету KPMG, в 2004 г. накопленная стоимость инвестиций на территории вышеуказанных зон составила 19,9 млрд злотых, чтобы в течение следующего десятилетия вырасти до уровня 93,1 млрд злотых. За это же самое время

количество рабочих мест выросло там в три с лишним раза — с примерно 74,6 тыс. человек до почти 270 тыс. С этой точки зрения специальные экономические зоны добились успеха. Это подтверждается разными исследованиями, к примеру, отчетом известнейшей консалтинговой фирмы Ernst & Young, который посвящен функционированию указанных зон в Польше. Там сообщается, что действие фирм в этих специальных зонах нашло свое выражение в пониженной безработице на территории соответствующего региона по сравнению с местами, где подобные зоны отсутствуют. Да и материальная обеспеченность жителей при этом тоже возросла. В соответствии с данным отчетом там, где функционируют специальные экономические зоны, уровень безработицы в среднем ниже на 1,5–2,8 процентных пункта в случае субрегионов и на 2,3–2,9 процентных пункта в случае поветов. А вот сумма ВВП, приходящегося на одного жителя, оказывается выше в среднем примерно на 1300 злотых (доходя до 2500 злотых) по сравнению с остальными субрегионами, что означает более высокий показатель ВВП на душу населения, нежели в остальных субрегионах, — примерно на 3,9% (доходя до 7,5%) от среднего ВВП на душу населения для всей Польши. Однако со временем функционирование специальных экономических зон порождало все больше споров и разногласий, в том числе среди предпринимателей. Потому что, коль скоро оказалась достигнутой основная цель их создания — а таковой было предотвращение социальной и хозяйственно-экономической деградации конкретных регионов, — то вообще есть ли смысл поддерживать в последующие годы дальнейшее существование специальных экономических зон? Целый ряд экспертов, в частности, Иереми Мордасевич из Конфедерации частных работодателей «Левиафан» говорили даже, что сама формула СЭЗ полностью изжила себя. И что эти зоны составляют сейчас нечестную — ибо дотируемую государством — конкуренцию для остальной страны.

Спор разразился с максимальной силой в 2013 г., когда в коалиционном правительстве «Гражданской платформы» и «Польской народной (крестьянской) партии» столкнулись между собой два ведомства: экономики и финансов. Первое поддерживало мнение, что специальные экономические зоны продолжают выполнять свою функцию и есть смысл субсидировать их, так как там успешно создаются новые рабочие места. Кроме того, в стране нет разумной идеи, каким образом можно поддерживать инвестиционные процессы иначе, чем посредством предоставления налоговых льгот. Ликвидация специальных зон? Об этом не может быть и речи. «Их нечем заменить», — писал министр экономики в ответ на

критические замечания со стороны финансового ведомства, глава которого беспощадно наносил удары по специальным экономическим зонам, используя против них самую тяжелую артиллерию. Раз за разом он настаивал, что в действительности неизвестно, каков все-таки баланс функционирования специальных зон. А значит, неизвестно, во сколько они на самом деле обходятся и какие полезные результаты приносят. Главный финансист страны упрекал оппонентов в том, что налоговые льготы получают такие «инновационные» предприятия, как, например, действующие в Тарнобжегской СЭЗ фирмы «Магелёк», «Магель» и «Пральня», которые занимаются химчисткой одежды, или ООО «Триумф» — изготовитель медалей и кубков ко всяким подходящим событиям, датам и мероприятиям. «В Слупской специальной экономической зоне одним из действующих инвесторов является фирма "Иеронимо Мартенс, дистрибуция", которая является владельцем сети дешевых супермаркетов "Бедронка"», — гремело финансовое ведомство и упрекало сторонников специальных экономических зон, что такие зоны стали уже учреждаться в крупных городах, где уровень безработицы и без того самый низкий в стране, а также в регионах с хорошо развитой инфраструктурой. А сам министр финансов указывал, что и намерения, которыми руководствовались 20 лет назад авторы концепции специальных экономических зон, и выдвигавшиеся тогда условия перестали иметь место, поскольку доля предоставляемых разрешений, которые бы отвечали критериям инновационности или перспективной научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, «не вызывает удовлетворенности». Как всё это закончилось? Зоны по-прежнему действуют. И будут действовать по меньшей мере до 2026 г.

Висленский low-tech

Ну хорошо, но, может быть, в польской экономике все-таки произошли какие-нибудь процессы, которые приближают нас к модели, основанной на знаниях? Может, при всех возражениях специальные экономические зоны и климат, благоприятствующий инновационности, принесли хоть немного чего-нибудь хорошего?

К сожалению, если придерживаться тех критериев, которые характеризуют экономику, основанную на знаниях, то до подлинной современности нам еще далеко. Обратимся к Питеру Ф. Друкеру, одному из крупнейших авторитетов в области управления. Согласно Друкеру экономика, основанная на знаниях, — это такой экономический порядок, в котором наиболее важным ресурсом являются знания, а не труд или

капитал. В экономике, основанной на знаниях, движущей силой в принципе выступает индустрия высоких технологий с доминирующим участием услуг информационного общества, где знания и образование играют ключевую роль и обеспечивают конкурентные преимущества. Профессор Эльжбета Скшипек из люблинского Университета им. Марии Кюри-Склодовской в своих проведенных несколько лет назад исследованиях привлекает ряд синтетических измерителей, которые в этом отношении выставляют польскую экономику далеко не в самом лучшем свете. Первый из таких измерителей — это матрица доступности знаний (Knowledge Assessment Matrix, или КАМ) — нечто вроде индекса, который складывается из целых 33-х частичных показателей, показывающих насыщение экономики знаниями. Максимальное значение КАМ может составить 10 баллов, — а чтобы экономику могли признать основанной на знаниях, она должна набрать минимум 7 баллов. Польша получила 5,7. Дабы сравнить себя с другими странами, можно еще воспользоваться индексом экономики знаний (Knowledge Economy Index). Из сводных данных, которые готовит Всемирный банк, вытекает, что по указанному индексу мы располагаемся где-то далеко внизу, причем позади не только стран Западной Европы, но и государств нашего региона. Нас опережают Чехия, Венгрия, Эстония, Литва и Латвия. Иной, более простой способ определения своего уровня современности — это исследование того, какая доля занятых трудится в различных секторах экономики знаний. Проф. Скшипек сообщает, что для экономики, основанной на знаниях, типично 12-процентное участие работников таких секторов в общей занятости населения. В Польше оно составляет 9,3%.

Но даже без обращения к таким усложненным измерителям можно в достаточной мере просто показать, что наша промышленность не предлагает каких-либо слишком изощренных или утонченных продуктов. Об этом свидетельствуют данные Главного статистического управления Польши. Так, реализация новых или существенно усовершенствованных продуктов давала в последние 7-8 лет около 10% суммарного объема поступлений от продаж. Еще непригляднее выглядит отчетность, которая показывает структуру продаваемой продукции. В 2015 г. (к которому относятся последние доступные данные) высокотехнологичные продукты занимали в структуре продаж всего лишь 5,3%. Хуже того, на протяжении последних 5 лет этот процент отчетливо упал, так как еще в 2010 г. он составлял 6,8%. Преобладает продажа техники умеренно низкого и низкого уровней, поскольку на продукты, принадлежащие к указанным категориям, приходится 66-процентная доля

участия в общей сумме продаж. Из этих данных вытекает, что в польской промышленности первую скрипку играет производство продуктов питания, доля которых превышает 17%. А они являются классическим примером низкотехнологичной продукции.

Всё это показывает, что за годы трансформации польская экономика деиндустриализировалась в таком же темпе, как на Западе. Но за этим не последовали изменения, характерные для развитых стран, в частности, такие, как технологический прогресс. Поэтому реиндустриализация в польском варианте должна пониматься скорее в ее классическом смысле, а именно — как постепенный переход от капиталоемкой модели с присущей ей большой потребностью в рабочей силе к модели, основанной на знаниях. Иначе мы можем не только забыть о восстановлении своей промышленной мощи, но и столкнуться с необходимостью исходить из предположения, что в нашей экономике будет все меньше и меньше промышленности. Ведь ей станет трудно всё время конкурировать за счет низкой стоимости труда. Разве что мы согласимся на вечно низкие зарплаты.

DZIENNIK
GAZETA PRAWNA

-
1. «Унитра» — образованное в 1961 г. и не существующее теперь Объединение электронной и телекоммуникационной промышленности, куда вошло около 30 предприятий-учредителей. В результате преобразований общественного строя в 1989 г. оно было ликвидировано.

Поля

Перевод Ксении Старосельской

1.

Плебанки не были ни поселком, ни выселками, ни хутором, ни деревней. Просто местом, не существовавшим ни на одной карте.

В Плебанках были два дома. На опушке леса — небольшая усадьба, дом крыт красной черепицей. На лесной поляне — бревенчатая деревенская хата. При усадьбе под козырьком колодец с воротом.

Вокруг простирался лес. В лесу росли лиственницы, березы, липы и старый дуб, памятник природы. У дуба был толстый приземистый ствол и корявые ревматические ветви.

В Плебанки вели две дороги.

Одна, удобная, по липовой аллее, неподалеку от дуба. Вторая — напрямик, по берегу рыбного ручья, проезжая и летом, и в морозы.

В доме с красной черепичной крышей жил Хенрик

Махчинский, владелец окрестных лесов и имения в Коцке.

Тут проводила каникулы Поля, его дочка. Когда Поля выросла, приезжали ее сыновья. Всегда было много детей, собак и веселого гомона.

В хате жила няня.

Хенрик Махчинский собирался построить в Плебанках новый большой дом. Привез кирпичи, доски и вырыл яму под фундамент.

Говаривал:

— В Плебанках жизнь будет бить ключом.

Кому б не хотелось, чтобы жизнь была ключом, но Плебанки жизнь обходила стороной.

2.

Поля Махчинская была женщина статная, рослая. У нее были золотисто-рыжие волосы, карие глаза и сильные руки.

У себя в Коцке, на окраине города, во время войны она спрятала в подклети двадцать пять евреев.

Полины сыновья углядели их в щели между досками.

Испугались:

— У нас под полом сидят какие-то люди ...

— Ничего страшного, — успокоила их мать. — Это наши гости.

Только никому не говорите, даже дедушке.

Дедушка Хенрик Махчинский безвылазно жил в Плебанках, а Полин муж был в партизанском отряде. О гостях в подклети знали четверо: Поля, ее сыновья и одна женщина, еврейка, прятавшаяся с детьми в землянке.

На женщину донес поляк, который работал на немцев. Немцы пообещали, что сохранят жизнь ее детям, если она скажет, где другие евреи. Она сказала:

— У Махчинской.

3.

Мы немало знаем про немцев, которые застрелили еврейку, ее детей и пошли искать Махчинскую.

Американские историки — Кристофер Браунинг и Дэниэл Гольдхаген — написали о них обстоятельные книги.

Немцы служили в 101-м резервном полицейском батальоне. Их было пятьсот человек. Они были слишком стары, чтобы идти на фронт. До войны жили в Гамбурге. Работали в доках, мастерских, магазинах, в сельском хозяйстве и государственных учреждениях. Имели жен и детей. Верили в Бога. В сорок втором году приехали в Польшу, на Люблинщину. На рассвете их привезли в местечко Юзефов. Выстроили полукругом, и командир сказал, что они будут расстреливать евреев.

Он попросил их, стреляя, помнить о немецких женщинах и детях, убитых союзническими бомбами.

Спросил, чувствуют ли они себя в силах справиться с этой задачей. Один полицейский сил в себе не почувствовал и вышел из шеренги. За ним вышли еще одиннадцать.

Батальонный врач нарисовал прутиком на земле человеческую фигуру и показал место на затылке, куда нужно целиться.

Завязалась дискуссия: стрелять из винтовки с примкнутым штыком или без штыка?

Евреев на грузовиках привезли на опушку леса. Каждый полицейский подходил, указывал на одного из них и уводил за деревья. Прицеливался в затылок и стрелял. Возвращался, указывал на следующего и вел за деревья. Совместный путь занимал пару минут. За это время полицейский мог увидеть лицо жертвы, услышать просьбу, плач или молитву.

Был долгий июльский день. Стреляли до вечера. Во время этой, первой, акции в Юзефове убивали семнадцать часов кряду. С перерывами на перекур. Мундиры покрылись ошметками мозгов и кровью. Полицейским кусок в горло не лез, ночью их мучили кошмары. Командир участия в расстреле не принимал, он остался в штабе и плакал. Если так происходит повсюду, — повторял, — немцам нечего рассчитывать на пощаду.

Полицейские 101-го батальона вначале расстреливали сами, потом вывозили евреев в лагерь уничтожения, потом опять

сами стреляли...

Они все реже плакали.

Аппетит у них становился все лучше.

Спали они все спокойнее.

Ходили в кино.

Позировали для фото.

Посещали концерты артистических бригад, которые с развлекательными программами приезжали из Германии.

Артисты берлинской бригады спросили, можно ли им поехать с полицейскими на акцию. Вместе поехали в Луков. Евреев отвели за город, на песчаную, поросшую редким кустарником поляну. Велели раздеться и лечь лицом на землю. Полицейские стреляли как всегда, в затылок. Артисты пригляделись и спросили, можно ли им тоже пострелять. Полицейские вручили им оружие. Артисты концертной бригады застрелили в Лукове несколько сотен евреев.

Полицейские 101-го батальона были расквартированы в Радзыне. Им разрешалось приглашать к себе родных из Германии. Обер-лейтенант Бранд вызвал жену Луцию, а капитан Волауф с женой Верой провели в Радзыне медовый месяц. Обе женщины любили общество. Стол с едой выставлялся в сад, один из полицейских играл на скрипке, а батальонный врач аккомпанировал на аккордеоне.

Юлиус Волауф взял жену на акцию в Мендзыжец. Он был честолюбив и энергичен. Любил ездить на автомобиле — стоя, как генерал, принимающий парад. Его называли Маленьким Роммелем. Вера Волауф появилась в Мендзыжеце в наброшенной на плечи шинели. На рыночную площадь стогнали евреев. Они несли узелки, подушки, сухари; на руках — детей. Их подгоняли выстрелами и криком. Это продолжалось несколько часов. Жара все усиливалась. Вера сняла шинель и осталась в ярком летнем платье. Платье туго обтягивало ей живот — жена капитана была беременна. Она простояла до самого конца. Пока всех евреев не загнали в вагоны. Пока от них не остались только узелки, сухари и трупы детей на брусчатке, а в воздухе — пух из разорванных подушек.

В ноябре 1942 года в Треблинку отправляли евреев из Коцка.

Обер-лейтенант Бранд распорядился, чтобы на железнодорожную станцию их отвезли на крестьянских подводах.

Подводы эти ехали целый день...

Ехал Герш Бучко, тот, у которого была крупорушка.

Ехал Шломо Рот, который делал самое вкусное мороженое.

Ехал Яков Мархевка, который продавал лимонад.

Ехали: Цирля Опельман, которая привозила самые шикарные шелка, и ее конкурент Абрам Гжебень.

Цирля Верник — та, у которой на рыночной площади был

магазин с басонными изделиями, и Шломо Розенблат, ее сосед, торговавший дамской галантереей.

Ехал Хенох Маданес, торговец скобяными изделиями...

...и Лейб Закалик, владелец мельницы, с братом, детьми и внуками...

Полицейские 101-го батальона вернулись в Германию в конце войны.

Вернулись к прежней, обычной жизни. В доки, магазины, мастерские и конторы. К женам и детям. К Господу Богу.

Почему обыкновенные жители Гамбурга, слишком старые, чтобы идти на фронт, стали убийцами?

Потому что они были немцами, а в Германии ненависти к евреям учили сотни лет, — ответил в своей книге Дэниэл Голдхаген^[1].

Потому что они были людьми, а из каждого человека можно сделать убийцу, — ответил Кристофер Браунинг^[2].

4.

Один из полицейских сообщил Поле, что немцы узнали про укрытие.

Она подняла откидную крышку в полу.

Крикнула: «Немцы!»

Побежала к соседям. Те ее непустили, она побежала к другим.

Оставила у них детей, но они велели детей забрать.

Поля с годовалой дочкой и два маленьких мальчика стучались во все двери подряд. Жители Коцка смотрели на них из-за занавесок. Они уже знали про евреев в подклети и знали, что сейчас нагрянут немцы. Позакрывали окна и двери и смотрели из-за занавесок.

Поля шла все медленнее, на одном ботинке у нее развязался шнурок и волочился по снегу. Она вернулась домой. Запрягла сани.

5.

Евреи открыли огонь из подклети. Полицейские принесли пулемет, стрельба продолжалась несколько часов. Погибли двадцать четыре еврея. Одни на месте, другие на поле за домом. Спасся только Ицек Закалик, внук мельника. Добежал до леса — и исчез. Потом он из этого леса выходил и стрелял.

Приговаривал к смерти тех, кто доносил на евреев. Кажется, Ицек тоже погиб, но некоторые говорят, что это неправда. Что он еще живет, один-одинешенек, где-то в лесу...

6.

Поля ехала в Плебанки короткой дорогой, по берегу пруда.

Пробирались с трудом, снег был лошадям по колено.

В доме с красной черепичной крышей Поля сказала: «Нас

ищут», — и ее отец, Хенрик Махчинский, сел в сани. Остановились на поляне, перед хатой. Дети стали играть в снежки. Поля сняла козух. Платье сильно обтягивало живот, Поля была беременна. Она сняла платье, попросила у няни ночную рубашку и легла в кровать. Немцы тоже приехали на санях. Привезли трех евреев, четвертого волокли по снегу на толстой веревке. Немецкий офицер вошел в хату. Поля встала с кровати и надела козух. Офицер велел ей остаться в комнате. Началось следствие. Привели Хенрика Махчинского, Полиного отца. Офицер спросил: — Кто прятал евреев? Поля ответила за отца: — Я. Только я прятала, он ничего не знал... Привели няню. Офицер спросил: — Кто прятал евреев? Поля сказала: — Я. Только я прятала. Привели Войтека, старшего, семилетнего Полиного сына. — Кто прятал?.. Поля сказала... Офицер велел Поле залезть в сани. Она села рядом с тремя евреями. Четвертый, которого волокли на веревке, уже был неживой. Его отрезали и оставили на снегу. Сани поехали в соседнюю деревню, Аннополь. За первым же овином евреи вырыли могилу для себя и Поли Махчинской.

7.
Еврея, отрезанного от саней, похоронили на берегу пруда. Троиш из-под овина — на еврейском кладбище. Полю — на католическом. Сыновья запомнили, что, когда ее хоронили, был лютый январский мороз. Муж Поли приехал из своего партизанского отряда прямо на кладбище. Постоял над могилой, помолился, обнял сыновей — и снова исчез. В апреле похоронили отца Поли, Хенрика Махчинского. Полины сыновья запомнили, что было тепло, светило весеннее солнце. После похорон они с ребятами побежали на пруд. Всю зиму на прудах держалась толстая ледяная корка. Теперь лед таял, и на воде, брюхом вверх, лежали задохшиеся рыбы. На берегу стоял рыбак. Он вытаскивал рыб багром и клал в мешок. Вырыл яму. Ребята стояли в сосновом молодняке, между деревцами, и

наблюдали за его работой. Увидели в яме часть туловища.
— Это ребра, — сказал рыбак.
Рядом лежало что-то сизое, продолговатое, похожее на две сложенные вместе человеческие ладони.
— Это сердце, — сказал рыбак. — Интересно, чье?
— Еврея, — догадался кто-то из мальчиков. — Этого, которого от саней отрезали.
— Еврея сердце, — повторил рыбак, подтащил мешок к яме и бросил туда дохлых рыб.

8.

Один из полицейских рассказал историю Поли на процессе по делу батальона в Гамбурге.
Эта история упомянута в книге Кристофера Браунинга.
«Немецкая полиция, — пишет Браунинг, — бросилась на поиски хозяйки дома, которой удалось убежать. Женщина отправилась к своему отцу в соседнюю деревню. Лейтенант Бранд поставил отца перед выбором: его жизнь или жизнь дочери. Мужчина отдал дочь, которую застрелили...»
Лейтенант поставил отца перед выбором: его жизнь или жизнь дочери... — показал полицейский, свидетель произошедшего.
Лейтенант поставил отца перед выбором...

9.

После войны землю Махчинских раздали крестьянам. Лес оставили Полиным детям.
Дом с красной черепичной крышей кто-то купил, разобрал и перенес в другую деревню.
Кто-то другой забрал козырек и ворот с колодца. Над землей осталось серое бетонное колодезное кольцо.
Полины сыновья, Войтек и Славек, приезжали в Плебанки каждое лето. Жили в няниной хате. Они очень любили это место, которого не было ни на одной карте. Поляну среди деревьев, куст сирени около хаты, две одичавшие яблоньки...
Войтек не раз говорил, что по лесу блуждают добрые заботливые духи.
Войтек приезжал с собакой по кличке Дриф. Это был серый, почти серебряный шпиц. Второй шпиц в семье, после Полиного Фифрека — желтого с белыми подпалинами. У Поли было много животных: лошади, кошки, собаки, — но Фифрек был самый любимый. После ее смерти он перестал есть и через две недели сдох.
Пару лет назад Войтек пошел гулять с Дрифом. Пес убежал вперед и исчез. Войтек прочесал лес, собаки нигде не было. Вернулся на опушку и вспомнил про колодец около дома, крытого красной черепицей. Нашел этот колодец. Кто-то украл бетонное кольцо, в земле зияла чернотой четырехметровая

дыра. Из черноты доносился собачий визг...
Войтек нагнулся...
Трупы Дрифа и Войтека с немалым трудом вытащили из
колодца местные крестьяне.

10.

Есть лес: золотисто-красные осенние березы.
Есть поляна в лесу.
Есть старая бревенчатая хата на поляне.
Есть Плебанки.
Гражина, внучка Поли, высокая, кареглазая, с золотисто-
рыжими волосами, не подходит к колодцу, в котором утонул ее
отец. Не заходит в хату, в которой допрашивали бабушку. Не
спускает с рук сына. Оберегает его от духов Плебанок.
— Мама стояла вот здесь, — показывает в бревенчатой хате
Славек, младший сын Поли. — Лицом к окну.
У окна стоял немецкий офицер. (Благодаря книге Кристофера
Браунинга мы знаем, что это был лейтенант Бранд.) Из той
двери, из кухни, входили по очереди...
— Кто прятал евреев? — спрашивал Бранд.
Полин отец мог сказать:
— Я прятал, дочка ничего не знала.
Но отец молчал, и Поля повторила свое:
— Только я...
— Она, да? — уточнил немец, с интересом глядя на старого
человека.
Отец Поли молчал.
Через четыре месяца он умер. Не болел, ни на что не жаловался.
Перестал есть и умер.
Полин муж снова приехал из партизанского отряда. Стоял в
саду, под апрельским солнцем, над тазом. Мыл шею и лицо,
кто-то поливал ему из кружки. Сыновья стояли рядом и
рассказывали новости: сперва Фифрек перестал есть — не ел,
пока не умер, потом дедушка перестал есть...
Пошли хоронить дедушку Махчинского. После похорон отец
исчез, а ребята побежали на пруд. Увидели задохшихся рыб на
воде, а на берегу рыбака с мешком.

11.

Незадолго до смерти Поля Махчинская дала Ривке, еврейской
девушке из Коцка, арийские документы. Дала варшавский адрес
родителей мужа. На железнодорожную станцию велела ехать
на крестьянской подводе.
Ривке было двадцать лет. Она была дочкой плотника Шмуля
Гольдфингера. У них была мастерская во флигеле, на
Броварной.
Девушка попросила соседа-поляка отвезти ее на вокзал.

— Убирайся! — крикнул сосед, и Ривка спросила у Поля, что делать.

— Подожди, — сказала Поля, побежала куда-то и вернулась с немецким полицейским.

— Отвезешь ее? — спросил полицейский соседа и взялся за пистолет.

Сосед запряг лошадь и отвез Ривку на станцию.

Она пережила войну. Ее мать Шпринца, пять ее сестер — Сара, Леа, Хава, Блюма и Цеся, и ее брат Лейзор погибли в Треблинке. Отца немцы убили в Лукове, во время массовой акции. Наверно, артисты застрелили, из концертной бригады. На песчаной, поросшей редким кустарником поляне.

12.

Полицейский сообщил Поле, что немцы уже знают про укрытие...

Полицейский заставил соседа поехать с Ривкой...

Полицейского этого видели с Полей, он время от времени приезжал в Плебанки. «Родом из Гамбурга, высокий блондин, лет пятидесяти...» — писала мне Ривка Гольдфингер из Израиля.

Он любил Полю?

Догадывался, что у нее в подклети гости?

Она ему про них сказала?

Верила, что в черный час он ее защитит?

13.

Когда в Аннополе, за овином, трое евреев из саней уже были убиты и осталось убить только Полю, лейтенант Бранд обратился к полицейскому, которого не раз с ней видели:

— Стреляй.

Полицейский поднял винтовку. Сказал:

— Ich kann nicht, — и опустил ствол.

Бранд ждал.

Полицейский поднял винтовку — и опустил.

— А теперь можешь? — спросил Бранд и приставил полицейскому к виску пистолет.

14.

Люди из Аннополя рассказали об этом Полиной двоюродной сестре. Двоюродная сестра живет за старым дубом, у дороги в Плебанки.

Говорит она громко, пронзительно — оттого что глухая, а может, от волнения.

— Поднял винтовку и не смог!

— Три раза пробовал!

— Аж пистолет ему приставили: ну а теперь?!

- В третий раз только!
- В третий раз смог!
- Аж ему пистолет приставили!
- С третьего раза!

Кричит из-за дуба, через забор, ревматическая и корявая.
Швыряя слова, выкрикивает последние минуты жизни
Аполонии Махчинской^[3]. Последние минуты истории любви
полицейского из Гамбурга.
Плебанки

Рассказ выходит осенью 2017 г. в книге Ханны Кралль «Портрет с пулей в челюсти и другие истории», издательство Corpus. Перевод Ксении Старосельской.

-
1. Дэниэл Голдхаген (р. 1959) — американский историк и публицист, автор книги «Добровольные палачи Гитлера: обычные немцы и Холокост» (1996). — Примеч. автора.
 2. Кристофер Браунинг (р. 1944) — американский историк, автор книги «Обычные люди: 101-й резервный полицейский батальон и «окончательное решение» в Польше» (1992) — Прим. автора.
 3. Национальный институт памяти Яд Вашем в Иерусалиме посмертно наградил Аполонию Махчинскую-Швёнтек медалью Праведника народов мира. (Прим. автора).

Стихотворения

Перевод Андрея Базилевского

Конец связи

У тебя лишь симптомы, болезнь поражает других.
Ты ревнуешь её. А всё, чем ты сам страдаешь,
излечимо, но ты хочешь быть умирающим — тем, кто чудом
спасся, чтобы потом трезвонить о голосах,
поведавших тебе, как возвратиться оттуда.
Между нами — никаких симптомов. Ты
не делишься со мной даже этим. Где ты, когда сидишь
рядом, эффектно прикрыв ладонью глаза?
Кого ты ищешь в этой темноте?

К столу

Хватать, хватать, не пускать, в глотку пихать.
Плоть, живая плоть; жизнь продолжается
и в тонком лепестке. К господскому
столу всё ближе толпа людоедов.
Хрупкая плоть без запаха и вкуса
исчезает у них во рту; им
всё равно, они пришли только
наскоро оглядеться, потом надо отсюда
бежать, уже гаснут свечи, ползёт сладкий
дым, голова раскалывается от боли.
Кто-то нарушил порядок, после трапезы встал на колени,
низко склонился, что-то бормочет.
Я больше его не услышу — я ухожу.
Голодная, в испуге прячусь за дверью.
Накормит меня кто-нибудь? Сотрёт кто-нибудь
с меня эту плесень, к которой так
липнет грязь? Я могу есть всё, могу есть
везде, я не привередлива, не прошу еды
про запас, мне всё равно, кто подаёт на стол
и какой ценой будет куплена сытость.
Одного не хочу: сгореть, пока не наемся
и не переварю до конца эту бесхозную тишину.

Не хочешь

Ты хочешь знать, как я сплю
с собой наедине? Закрыв глаза, я слышу:
никому не нужная ночная бабочка влетает в открытое

окно, — и мне неловко, что я её не вижу.
Мы обе, слепые, жалкие, мечемся в этом
едва освещённом бюро притворных
дел, но помочь друг другу не можем.
Открыв глаза, скорее чувствую, чем вижу:
тут борьбы не будет, мы обе отлично знаем,
чего нам не выиграть в этой войне.
Когда она, мёртвая, падает на пол,
я, коротко оплавав её, возвращаюсь в тыл
и дрожу до утра наедине с собой.
Не стоит говорить
«Брось эту фабрику метафор, скажи хоть слово
в простоте, ты, сука холодная. Опять спряталась
в этих рваных строфах, берёшь меня на мушку,
как снайпер, но на этот раз рука твоя дрогнет,
потому что ты знаешь: это не только твоя война».
День протёк сквозь неё, стёр все
следы, оставил в покое, в призрачной безопасности.
Ей-то эта война точно не впрок, даже если
случайно что-то можно спасти, — как забыть
о том, что не поднялось?
Никому нельзя говорить, как ему умирать
и как жить потом.

Не назову, не умею

Понемногу убегаю отсюда.

Глаза светлей, и посерела зелень;
и всё трудней найти на теле губы,
обрисовать помадой слабый контур.
Я — брошенный, остывший дом, где ничего
не держится на стенах, отпадают дверные ручки,
таинственный чердак наполнился мышами, облысел.
Там доски в засохших пятнах птичьего помёта,
остатки гнёзд, а птицы улетели.
Где спрятано то, что меня здесь держит,
закручивает гайки, в печь дрова
подкидывает? Вот сквозняк, досадно,
но это человеческий порыв.

«Сосланная в себя»

Мирослава Шиховяк (р. 1956) дебютировала как поэт сравнительно поздно — в 2005 году книгой «Шлёп-стори», однако до этого обозначила свое присутствие в литературе интернет-публикациями, у нее есть и свой литературный блог. Кроме того, она прозаик: в 2015 году у нее вышел сборник рассказов «Согнездие». Изданная в 2010 году книга стихов «я ещё тут покручусь» была номинирована на престижную литературную премию «Нике».

Мир ее поэзии — пространство кризиса, распада и повторного соединения. Поэтический язык выполняет здесь роль фактора, иницирующего процесс позитивной дезинтеграции, как определил это в свое время профессор Казимеж Домбровский. Иначе говоря, поэтический язык становится орудием такой деконструкции восприятия реальности, которая пробуждает способность к эмпатии, а значит — к освоению мира. Тем самым процесс распада личности не только остановлен, а как бы перенаправлен, что позволяет, пережив кризис, вновь прийти в себя: «То, что осталось, учится шлёпать посреди дороги,/ шлёпать от своего имени». И далее, в стихотворении «Лучше так»:

Я обязана быть
на своей стороне, слушать собственные шаги.
Однажды я остановлюсь, отрекусь, но ничего себе
не подскажу. Не хочу я знать всё.

Условие действия от своего имени — несогласие на навязанный язык, на готовые клише, стереотипные образы. Поэзия Мирославы Шиховяк преобразует материю мира, позволяя заметить необычайность обыденного, как в стихотворении «Грунт»:

Зайти на глубину и
в воде по шею хрупать звёзды,
плывущие по поверхности, как золотые шкварки.
Сила этих стихов — в оригинальности образов. Образная реконструкция мира позволяет найти в нем собственное место, безопасное, хотя и не свободное от перспективы смерти — с течением времени в поэзии Шиховяк этот мотив усиливается. При этом именно стихи можно считать оставленным навсегда

следом личного существования — быть может, ничтожным, но
несмотря на это прочным, как молитва:

Сосланная в себя,
лишённая зрения, молюсь на осязание.
(«Не заставляй»)

Спасая собственную целостность, героиня этих стихов
бесстрашно раскрывается новому опыту:

Есть ещё во мне место для чего-то, чего я не
знаю, для кого-то чужого, кто нас не свяжет.
Хочу опять удивляться, иметь для этого хороший повод
и пару слов под рукой.
(«Вот и всё»)

Без сомнения, можно признать эту поэзию манифестом
суверенного бытия — брэнного в его материальной ипостаси,
но (здесь важна духовно-материальная двойственность
человека) записанного в памяти космоса — особенно благодаря
спасающему идентичность языковому следу.

Юзеф Чапский

Письмо другу (Михаилу Геллеру)

Мезон-Лаффит, 27 мая 1985

Дорогой Миша!^[1]

Я испытываю огромную потребность написать тебе письмо. Я уже написал и отдал в «Культуру» статью, озаглавленную «Смерть Сезанна», и решил больше вообще не писать, так как мало того, что потерял зрение, начинаю терять и слова, порой целую ночь ищу одно слово, и если у меня еще остается потребность в *créativité*, то лишь в письмах. Одно из этих писем — к тебе. Сейчас объясню, почему. На том приемчике в книжном магазине Дмитриевича ты увел, чтобы поговорить, в маленькое пустое кафе меня, свою жену и еще нашего милого друга из Швейцарии, и я был с вами действительно очень счастлив. Мы заговорили о Норвиде, и для меня было в самом деле счастливым открытием, что ты читал его письма и расспрашивал о нем с таким вниманием и таким пониманием, какие мне редко доводилось встречать в жизни. Поэтому я хочу рассказать тебе о наших с Норвидом скитаниях. Собственно, я открыл его для себя в 1921 году благодаря моей приятельнице, которая была в него влюблена, и о жизни, а прежде всего о смерти которой я бы хотел тебе рассказать, поскольку они по-своему связаны с Норвидом. Она погибла, сгорела во время Варшавского восстания, не пожелав покинуть старушку-тетку, которой я не знал, и которая к тому времени уже совершенно «выжила из ума»^[2]. Она была учительницей музыки, всю жизнь самоотверженно трудилась. Музыка ее кормила. Моя приятельница всю жизнь терзалась угрызениями совести по отношению к любимой матери, которая всегда просила ее об одном: чтобы та была с ней в час кончины. А случилось так, что когда старушка умирала (это было во время Первой мировой войны), дочь находилась на фронте, в противотифозном отряде, которым руководил доктор Дадей^[3]

[4]

[5]. Видимо, она тогда была в него влюблена, потому что потом вышла за него замуж. И старушка умерла в полном одиночестве. Всю жизнь Халя Дадей носила в себе эту ужасную боль — что мать умерла одна. Во время восстания Мириам,

один из двух человек (первый, вторым был Юлиуш В. Гомулицкий), которые спасли Норвида от полного забвения, полностью посвятив ему жизнь^[6]. Когда началось восстание, первая «корова»^[7] (ты знаешь, что это такое) упала во дворе на Мазовецкой, где готовилась к бою группа мальчишек. Она ранила и убила несколько человек. Та же «корова» подожгла крышу, под которой жил Мириам, тогда уже тяжело больной. На чердаке этого дома находились сброшюрованные экземпляры последнего тома сочинений Норвида, который Мириам не хотел издавать во время немецкой оккупации. Разумеется, спасая дом, люди стали выбрасывать горящие книги, и те повисли на ветвях [деревьев] во дворе. Халя Дадей успела спрятать в корзину несколько экземпляров и принесла их моей сестре. Ведь именно Норвид говорил, что поляки в каждом поколении будут переживать избиение младенцев. Это избиение младенцев странным образом сплелось с сожжением его книг. А моя приятельница, словно бы желая расплатиться за то, что не присутствовала при смерти матери, не бросила старушку-тетку, сгорев с ней во время восстания на той же улице, где жила моя сестра, тетку, которая была в это время полностью поглощена одним — причесыванием своего рыжего паричка. В этом нет ничего особенного, так погибли тысячи варшавян, и если я тебе рассказываю, то лишь потому, что это оказалось странным образом связано со сгоревшим сброшюрованным томом (философских сочинений Норвида), с избиением младенцев и Халей, которой я обязан почти двадцатью годами, до 1939-го, жизни с Норвидом.

Но не об этом я хотел тебе написать, а скорее о проблеме Норвида. Здесь мои ближайшие друзья против меня. Раз в жизни я попросил Тересу прочитать мне стихотворение Норвида. Она прочитала его так плохо, ибо так неохотно, что я больше никогда с ней о Норвиде не заговаривал. Такими же были мои отношения с Войтеком Карпиньским, которым я восхищаюсь и которого люблю, но который к Норvidу питает едва ли не идиосинкразию. Однажды в одном из моих писем он уловил цитату или полуцитату из Норвида и написал мне или позвонил, скорее второе: «Ты обещал никогда больше не цитировать мне Норвида!» Я совершенно уверен, что никогда ему этого не обещал, потому что Норвида не предал бы даже ради него. Помню, как Тереса с раздражением заметила: «Зачем было придумывать новый польский язык?» Все это я, возможно, воспроизвожу неточно, потому что глазами уже ничего проверить не могу, но смысл таков. Для меня Тереса и Войтек — польские классики, скажем, псевдоклассики. И они глухи к иному языку, который, естественно, не был придуман Норвидом, а лишь являлся той единственной формой, в

которой мог выразиться его дух, и эта форма была бесконечно далека от «Пана Тадеуша» и от «Беневского». «Пласты земли разверстой озирая, я вижу кости, как полков былых знамена; и из-под слоев столетий о Боге говорят скелеты эти»^[8]; этот текст, принадлежащий и им, и мне, принадлежит также и Норвиду. Я размышляю об этом, потому и пишу тебе — а как это происходило в России; ведь, в сущности, от Пушкина, поэта непревзойденного, подобного Словацкому, ведет прямая линия к Ахматовой и, пожалуй, к Мандельштаму. Кто знает, в состоянии ли они были бы воспринять русского Норвида. Но ведь и там существовали разные языки. Я имею в виду, прежде всего, Розанова, не Ремизова, потому что язык Ремизова со вставками, например, русифицированного французского, эти «демоны, которые подадут эскалопы», — язык столь сознательно деформированный и обогащенный, каким никогда не был польский язык Норвида. Подозреваю, что Норвид обладал поразительной изобретательностью, которая иной раз сродни неловкости. Ничего подобного нет у Ремизова, который сам говорил, что, перенося азиатские легенды через Францию и Польшу в Белую Русь, трактует их как драгоценные иконы в окладах, украшенных драгоценными камнями, к которым он прибавляет еще несколько камешков. Мне кажется, в этом разница между Норвидом и Ремизовым, и мне вспоминается лишь обрывок обрывка стихотворения Норвида, в котором он пишет: «Мой голос — твой, не то б молчать мне...»^[9]. Он бился в полном одиночестве, десятилетиями живя в эмиграции и подолгу — в буквальном смысле в нищете, окруженный греческим, латынью, французским — таковы были условия, в которых творил Норвид, столь отличные от ситуации не только Розанова, существовавшего в самой сердцевине русской жизни, но и Ремизова, являвшегося сознательным гурманом русского языка, включая древнейший период, до влияния не только французского, но и немецкого. Я вспомнил, как с восторгом говорил ему о его текстах, посвященных русским печатникам, которые бежали из России в Польшу, и о мученической смерти того, кто в Москве был приговорен к смерти, фамилию я позабыл, и спросил: «Откуда у тебя подробности о печатниках, я понимаю, но откуда тебе известно о последних минутах смерти этого мученика?» И помню, как Ремизов, помолчав, ответил: «Это из далекой памяти»^[10].

Если я пишу столь подробно, то потому, что ищу аналогий в русской литературе, которая конечно бесконечно богаче, нежели то, что я успел подслушать. Но я пишу тебе также для того, чтобы ты знал, чем был и чем является для меня Норвид.

Взять, например, Красиньского, который писал столь ужасные стихи («Сходят тени — мир видений: Дай мне, дай его скорей!»^[11]), что это стихотворение стало, кажется, первым польским стихотворением, которым я восхитился, будучи едва ли десяти лет от роду, но не забываю, что Красиньский — это «Небожественная комедия» и огромный интеллект, безусловно превосходивший интеллект Мицкевича. Не знаю, известно ли тебе записанное Красиньским впечатление от первой встречи с Норвидом, где он назвал его «сто светлячков под алебастровым абажуром». Красиньский всегда ценил Норвида и навещал его в Париже. В одном из писем Норвид вспоминает: «Я пишу в том углу, где ты сидел». Если дочитать до конца огромные поэтические тексты Норвида у меня никогда не доставало сил, то в его несравненных стихах и письмах встречаются жемчужины, видимо, недоступные пониманию наших псевдоклассиков. Посылаю тебе маленькую книжечку, которую уже не могут одолеть мои глаза, я тщетно ищу там «Письмо Влодзимежу Лубеньскому».

Ты упрекнешь меня, что греческой колонны
в стекле соленых волн на берегу морском
так жалко мне, что я сонатой похоронной
готов ее в тоске оплакивать тайком.

Ты прав, а мне позволь в печали быть неправым (...)^[12]

Кроме того, есть другое стихотворение о химере дурного искусства: «Мне думалось, что Лира и что Стиль...»^[13] — дальше не помню, а заканчивается так: раскрашенное стекло — веришь, что это реальность, потому что там зеленые луга и синие реки, и бросаешься навстречу фантазии на это стекло, за которым пропасть.

28 мая 1985

Хотел тебе вчера написать письмо о Норвиде и так вдруг разошелся, что вышла из этого дурно выстроенная статья. Сегодня я хотел бы закончить тем, с чего следовало начать: почему эти тома писем Норвида, в которых есть письма, представляющиеся мне гениальными, и есть те, к которым я относительно равнодушен, почему я так к ним привязался, или скорее они ко мне? Попав в Старобельск, всего через пару недель или даже меньше, я получил эти две книги. Единственная посылка из Польши, которая до меня дошла. Прислал мне ее Адольф Рудницкий, писатель, с которым я дружил, но дружба с которым в Париже как-то расстроилась, а главной причиной стала, пожалуй, его новелла, напечатанная в уже коммунистической Польше, название я позабыл, но речь в ней от начала до конца шла, под вымышленным именем, обо мне.

Рудницкий осыпал меня суперкомплиментами как художника и коллегу, а заканчивал тем, что этот кто-то, то есть я, слишком любя Германию и будучи не в силах поверить, что Германия могла совершить катынское преступление, наивно поверил и распространял чудовищный пасквиль, будто это дело рук русских. Я встретил Рудницкого в Париже, вскоре после войны. Об этой его новелле я ничего не знал. Подарил ему свои «Старобельские рассказы». Поскольку я не читал его новеллу, то не понимал причин его странного смущения. Новелла не особенно меня впечатлила, однако Рудницкий, прочитав «Старобельск», сказал мне, что никогда не станет ее переиздавать. Тем не менее, через три дня состоялись литературные вечера польских писателей, в частности Ивашкевича и Рудницкого — в здании нашего посольства, уже перешедшего в руки коммунистической власти. И среди прочитанных там текстов был этот рассказик обо мне, Рудницкий его читал. К искреннему возмущению некоторых поляков, которые меня знали, присутствовали при этом и, конечно же, немедленно опознали.

Возвращаясь к книгам Норвида. Они прошли со мной весь старобельский лагерь, Россию и Ближний Восток. Уже покинув Россию, на каком-то завтраке у представителя нашего посольства в Каире я встретил симпатичного английского офицера, который только что приехал из Лондона. Я удивился, что он носит с собой очень толстую книгу, да еще польскую. Дело в том, что тогда, в период крупных боев в пустыне под Каиром, которые вели англичане, и в Тобруке, где участвовали польские части, транспортных самолетов настолько не хватало, что людей, подобно этому офицеру прибывавших из Англии, взвешивали, чтобы и грамма лишнего на борт не пронесли, а он вез толстенную польскую книгу. Книга оказалась Норвида!

Офицер признался мне, что вместе с другом-поляком переводит на английский сборник польской поэзии. Случилось так, что за несколько дней до битвы под Монте-Кассино, в небольшом кафе в Кампобассо, где встречались все солдаты и офицеры, английские и польские, пили и пели, я снова встретил этого офицера, и он буквально умолял меня одолжить ему на ночь эти два тома Норвида. На следующий день он возвратил их мне и признался, что впервые в жизни испытывал такое желание украсть — украсть эту книгу.

Значительно позже, уже после войны, я получил от него книгу «A Polish Anthology» с трогательной надписью: «Посылаю эту книгу майору Юзефу Чапскому — как выражение моей благодарности и как просьбу о помощи и сотрудничестве.

Морис Майкл, Рождество 1944 года». Но главное, что эта книга, до краев наполненная стихами, на одной странице английскими переводами, а на другой — польскими текстами,

открывается серьезным предисловием этого офицера по имени Майкл; его польского соавтора звали Т.М. Филип. Это книга в самом деле исключительная, потому что выдает подлинную очарованность польской поэзией, от Кохановского до наших дней. Не знаю, хорош ли перевод, но этот памятник польско-английской дружбы не должен быть предан забвению.

Прилагаю, для памяти, копию титула. Спустя годы я встретил этого симпатичного Майкла, но он уже отошел от занятий Польшей и переводил другое. Итак, он стал первым иностранцем, который с таким неслыханным энтузиазмом говорил мне о Норвиде. Второй иностранец, встреченный мною во время войны — сын известного римского букиниста, у которого среди выставленных на продажу книг был большой том, штабху некой светской польской дамы, возможно, Браницкой или кого-то еще, в котором гости делали записи, присовокупляя к этому стихи или рисунки. Я говорил ему о Норвиде и даже пытался перевести одно из его стихотворений. Этот молодой человек тоже увлекся Норвидом и в благодарность за наши норвидовские разговоры подарил мне красивую акварель (скорее лавис^[14]) Норвида, изображавшую надгробия, из-под одного из которых появляется женщина. Безусловно имелась в виду возрождающаяся Польша. Эта картинка была из штабху, молодой человек вырезал ее для меня. Когда у св. Казимежа^[15] оставили одну комнату памяти Норвида, поскольку в этой комнате он якобы умер, я подарил им эту картинку, чтобы ее там повесили. Этот итальянец, которому я обязан картинкой, был вторым иностранцем, зараженным Норвидом. Третий — ты. Эти два тома Норвида, которые добрались сюда со мной из Старобельска, через Каир и Рим, и с которыми я никогда не расстаюсь, заполненные сзади и спереди номерами страниц, наиболее для меня ценных, сегодня великолепно переплетены, так что им не грозит рассыпаться. Пока я еще мог читать, постоянно возвращался к этим текстам и могу сказать — что бы там ни говорили мои недоброжелательные к Норvidу друзья: эта книга сыграла в моей жизни большую роль. Потому что я действительно застал времена Норвида, читаемого весьма неохотно.

«„Прометидион” и другие андроны» — именовал его весьма известный польский писатель Юлиан Клячко, кстати, сыгравший немалую роль в «Ревю де Дё Монд». Потом я был свидетелем постепенного роста интереса к Норvidу и его внезапной, неожиданной популярности во время немецкой оккупации. Репутация Норвида началась с того, что его не читали и не понимали, а закончилась тем, что о нем презрительно говорили, будто это типичный автор для альбомов юных барышень. То, что ты, с такой чуткостью и

таким пониманием, чем является Норвид, говорил мне об этих книгах, глубоко меня тронуло. Прости, потому что у тебя на самом деле нет времени читать это письмо, длинное, словно солитер, но я ощущал потребность кому-нибудь рассказать о долгом скитании этих двух книг, которые, хотелось бы, не пропали после моей смерти. Точно так же я не хотел бы, чтобы после моей смерти пропал томик Майкла — неизвестно, сохранились ли другие экземпляры, кроме этого. Прилагаю к письму маленький сборник стихов Норвида, который моим глазам уже не осилить.

С самым сердечным приветом твой
Юзеф

Из книги «Wyrwane strony» (1993)

1. В оригинале — по-русски. — Примеч. пер.
2. В оригинале — по-русски. — Примеч. пер.
3. Это сплетение судеб и книг выглядит еще более поразительным, если вспомнить фрагмент «Старобельских рассказов» Юзефа Чапского, касающийся мужа упомянутой здесь Халины Дадей: «Из врачей я хотел бы назвать доктора Дадея. Известный педиатр из Закопане, он на протяжении многих лет руководил больницей в Быстре под патронатом Ягеллонского университета для больных туберкулезом детей бедняков. За несколько лет до войны один советский профессор, проезжая через Закопане, посетил эту больницу и, делая запись в книге посетителей, отметил: «Эту больницу вместе со всем персоналом хочется перевезти в Советскую Россию».
4. В 1931 г. я привез в Закопане одного известного историка современной Франции, Даниеля Алеви. Мы посетили также эту больницу. После посещения больницы Алеви сказал мне: «Располагайся такая больница в Советской России, мы бы все о ней знали. Почему нам так мало известно о ваших достижениях?!»
5. Доктор Дадей, душа этой больницы, был мобилизован и несколько недель, в октябре, работал в Тарнополе военным врачом, уже после оккупации города Советской армией. Однажды ему и его коллегам приказали собраться в одном месте, объясняя это необходимостью переписать точные личные данные, затем всех их отвели на станцию и отправили в Старобельск. Все они погибли. (...)» — Примеч. ред.

6. В оригинале — неоконченная фраза. — Примеч. пер.
7. Зажигательная бомба — Примеч. пер.
8. Пер. Б.Стахеева.
9. Пер. А.Шараповой.
10. В оригинале — по-русски. — Примеч. пер.
11. Пер. Н.Берга.
12. Пер. И. Белова.
13. Пер. С. Свяцкого.
14. Вид гравюры. Отпечатанные листы напоминают рисунок кистью — Примеч. ред.
15. Польский приют сирот и ветеранов им. Святого Казимежа на окраине Парижа — Примеч. пер.

Рядом с «Культурой»

С профессором Леонидом Геллером
беседовал Енджей Пекара

Леонид Геллер. Фото: Е. Пекара

— Господин профессор, спасибо, что согласились рассказать о жизни своего отца и немного о своей собственной. Она была — как у вас, так и у вашего отца — очень бурной, полной «неожиданных сюжетных поворотов». Ваш отец — историк, получивший

образование в СССР — дважды был вынужден бежать от национализированного счастья. Сперва он предпочел «родине пролетариата» польскую народную демократию, чтобы затем уехать во Францию, где оставался до самой смерти. Прежде всего, я хотел бы спросить о первом отъезде, о бегстве из СССР.

— В Польшу отец уехал вместе с моей матерью [Евгенией Хигрин — прим. Е.П.] и со мной на рубеже 1956–1957 годов. До этого он пять лет просидел в лагере, из которого вышел *de facto* благодаря жене. Она представила документы, подтверждающие плохое состояние его здоровья, что значительно ускорило — если не сделало возможным в принципе — освобождение по амнистии после смерти Сталина. Мама не только вытащила отца из лагеря, благодаря ей он смог также эмигрировать в Польшу. До 1939 года мама была гражданкой Второй Речи Посполитой. Она родилась и выросла в Слониме, потом уехала учиться в Москву, где познакомилась с отцом. Они очень быстро полюбили^[1] (смех) друг друга и связали свои судьбы. Когда отец вернулся из лагеря, мама воспользовалась возможностью, которую давал закон о репатриации в Польшу. Взяла мужа, и мы все вместе — совершенно легально — уехали в ПНР. В Варшаву мы прибыли на поезде в самом начале января 1957 года.

— Как бы вы определили позицию отца по отношению к коммунистической системе в тот период, когда он в ней функционировал?

— Судя по рассказам отца — сам я этого помнить не могу, поскольку родился в 1945 году, — он решительно отверг эту систему лишь в конце своего пребывания в СССР. Такой эволюции немало способствовал лагерь. Пятидесятые годы стали для отца периодом осмысления советского опыта. В Варшаве, в процессе общения с польской интеллигенцией, он, в конце концов, выработал весьма последовательную антикоммунистическую позицию. Варшавский, польский опыт позволил отцу взглянуть на СССР изнутри и снаружи одновременно. Польша была удивительной страной, которая вроде бы находилась в центре этого коммунистического блока, но на самом деле оставалась где-то на его периферии. Кроме того, отец был человеком идеологическим в том смысле, что испытывал потребность открыто выражать свои взгляды; в России он совсем не мог говорить того, что думал, в Польше мог лишь в частных разговорах, и только Франция дала ему возможность сказать все. И он ее не упустил. В Польше отец встречался с Ворошильскими, Дравичами, Вайдой, многими польскими интеллигентами, критически настроенными по отношению к коммунизму. Круг его знакомых — как поляков и старых знакомых из СССР, так и тех,

кто приезжал в ПНР с Запада — постоянно расширялся.

— *Чем ваши родители занимались в Польше? И что делали вы?*

— Отец работал в Польском пресс-агентстве, в редакции внутреннего бюллетеня о российских проблемах. Мать изучала историю и теорию кино, готовила диссертацию. Она много писала о кино в разные журналы, отвечала за программу кинотеатра «Иллюзион». Отец в Польше вел очень активную жизнь, я тогда знал об этом крайне мало. Он стал связующим звеном между советским, польским и европейским миром. Отец был одним из тех, через кого шел российский самиздат. Он часто ездил в Москву, встречался с людьми, передававшими ему подпольные издания, потом доставлял их в Польшу и распространял среди своих. Отсюда издания переправлялись на Запад. Так было, например, с рассказами Шаламова. Отец прекрасно чувствовал себя в новой реальности, не перечеркивая при этом своего прошлого. Он обладал даром посредника — go-between — мог легко настолько дистанцироваться по отношению к российско-советским проблемам, чтобы понимать проблемы польские или европейские.

Что касается меня, я изучал архитектуру в варшавском Политехническом институте, но эта моя учеба имела мало общего с серьезными занятиями. Кое-где пишут, что меня выгнали из университета за участие в студенческих забастовках. Да, я бастовал, но кто тогда не бастовал? Не знаю, может, у кого-то есть другая, более точная информация, но мне кажется, что меня отчислили за неуспеваемость. Я больше времени проводил перед кабинетом декана со всякими петициями, чем за учебниками.

В Польше я довольно близко видел студенческие движения, Куроня, Михника, даже принимал участие в каких-то небольших акциях, но так и не решился присоединиться к борьбе. Тогда она велась за социализм с человеческим лицом. Меня этот лозунг не убеждал, он казался мне иллюзией, я не верил, что социализм можно исправить.

— *В конце концов, всей вашей семье надоел этот «социализм с человеческим лицом» и вы решили покинуть ПНР. Насколько я знаю, это была довольно сложная операция, вашему отцу пришлось вводить в заблуждение польские службы безопасности, скрывать свои истинные намерения — в заявлениях в Гражданскую милицию он указывал, что едет во Францию лечиться.*

— Да, отец действительно скрывал, что намеревается бежать из ПНР. В 1968 году мы уже точно знали, что уедем, что покидаем Польшу навсегда. Происходившее вокруг не вселяло надежд на будущее. Однако на случай осложнений родители делали вид, что собираются вернуться. Аргумент с лечением был

прикрытием, отец старался уехать как можно более «легально», чтобы не осложнять отъезд мне, поскольку я еще ненадолго оставался в Польше. Думаю, это был мамин план, отец, по-моему, не сумел бы все сам спланировать.

Я еще некоторое время прожил в Польше: отец уехал в октябре 1968 года, я — лишь в марте 1969-го. У нас с родителями была договоренность — после их отъезда я должен был разобраться с варшавским имуществом. Я решал вопрос с квартирой, продавал и раздавал мебель, занимался пересылкой библиотеки за границу, пошлиной. Так что мы уезжали по отдельности, они вместе, я следом. Позже ко мне приехала моя девушка, мы поженились, чтобы она могла остаться. Хотя теперь мне кажется, что я не очень хотел уезжать — если бы жена тогда попросила, наверное, мы бы остались в Польше. А в Париж я ехал через Вену и Рим. Полтора месяца прожил в Риме. Потом я долго жалел, что не поселился в Италии и не начал там заниматься тем, чем занимался во Франции. Мне кажется, Италия была страной более естественной, более открытой. Из знакомых мне эмигрантов мало кто жаловался, что остался в Италии, а из тех, кто уехал во Францию — почти все.

— *Что вы первоначально предполагали делать во Франции? Не хотели продолжить образование, изучать архитектуру?*

— Нет, о возвращении на архитектурный я не помышлял. Я быстро нашел работу техническим переводчиком в фирме «Рено», где проработал год или два. Потом некоторое время трудился в архитектурном бюро и там убедился, что работа архитектора во Франции попросту скучна (это был тяжелый период бесконечного строительства односемейных домиков). Как только появилась возможность, я принял решение сменить профессию. Получил место лектора русского языка в школе, затем на факультете русистики, потому что в это время, около 1971 года, я начал изучать русскую литературу. Через шесть лет я защитил диссертацию о советской научной фантастике. Еще до защиты коллега принесла мне газету с объявлением университета в Лозанне, что они ищут кого-нибудь на четверть ставки. У меня уже было опубликовано несколько статей, кроме того я приложил копию диссертации, так что меня взяли.

— *С 1969 года ваша семья уже постоянно проживала во Франции — а не было ли у вас или вашего отца желания поискать другое место? В переписке отца с Ежи Гедройцем мелькает сюжет с переездом в Соединенные Штаты.*

— Насколько я знаю, отец подумывал об отъезде в Америку, но так и не решился. Он был там несколько раз, потом получил стипендию для работы над книгой «Семьдесят лет, которые потрясли мир» и поехал собирать материал — несколько месяцев просидел в Гарварде. Кажется, он не вел никаких занятий или лекций. Мы оба сосредоточились на устройстве

жизни во Франции, и теперь — с перспективы прошедших лет — я думаю, что вполне в этом преуспели.

— *Я хотел спросить еще об одном важном деле, а именно о сотрудничестве с парижской «Культурой». На протяжении двадцати семи лет ваш отец писал для журнала Гедройца ежемесячные обзоры советской периодики. Как вы и ваш отец относились к журналу польской эмиграции?*

— Цикл в «Культуре» — явление исключительное, это была единственная столь продолжительная публицистическая форма в жизни моего отца и, кажется, единственный случай в истории западной периодики, когда рубрику так долго вел один публицист. Сразу после приезда во Францию отцом заинтересовались такие люди, как Ежи Гедройц и Зигмунт Херц, и он немедленно приступил к сотрудничеству.

Отец ни с кем не сотрудничал так долго и так гармонично. У него была своя рубрика в «Культуре» и другую он вести не хотел. Не только из-за нехватки времени — отец тогда еще писал научные труды и работал в университете — но и потому, что он был слишком привязан к «Культуре». Кроме постоянной работы в журнале Гедройца отец регулярно сотрудничал со многими русскими и другими изданиями, но ни с одним не был связан так, как с «Культурой».

Лишь выйдя на пенсию — в конце восьмидесятых он перестал работать в Сорбонне — отец смог писать больше. Ирина Иловайская-Альберти давно уже уговаривала его вести свою рубрику, но на сотрудничество с журналом «Русская мысль» он решился, лишь закончив преподавать. Иловайская отцом была очарована (смех). Я бы вообще сказал, что отец был дамским угодником — он очень любил женщин, и они его любили. Он был прекрасным слушателем, давал собеседнику возможность выговориться. Так он «обаял» всех пожилых дам русской эмиграции.

Что касается меня, мое сотрудничество с «Культурой» было весьма скромным. Для Гедройца я перевел один русский номер, где были самые разные тексты — вот и все, да и за этот номер я взялся, главным образом, ради подработки. В то время я так зарабатывал — переводил, в том числе, технические тексты, перепечатывал рукописи. Я не стремился к сотрудничеству с «Культурой», может, им казалось иначе, не знаю. Может, отец предлагал мне перевести еще что-то, точно уже не помню. Меня это не привлекало, поскольку политикой я не занимался принципиально. Я ставил перед собой другую задачу: критика, детальный анализ и, по возможности, корректировка советской версии истории литературы, реконструкция прошлого. В Мезон-Лаффите я был лишь несколько раз, почти всегда с отцом. Но «Культура» для всех, в том числе для меня, была чем-то прекрасным и очень важным. Деятельность

Гедройца, всего издательства, изменила мир, в котором мы жили, самым фундаментальным образом. Я горжусь тем, что отец сыграл в этом столь значимую роль.

Разговор состоялся 3 мая 2017 года в Варшаве.

*Леонид Геллер — родился в 1945 г. в Москве. Изучал архитектуру в Варшаве. Эмигрировал во Францию в 1969 г. Защитил диссертацию на факультете русистики в Сорбонне. С 1977 г. преподавал историю русской литературы в университете в Лозанне. С 2010 г. — *profesor emeritus*. Занимался научной фантастикой и утопией, творчеством Е. Замятина, социалистическим реализмом, а также проблемами интермедиальности, научным, псевдонаучным и технологическим контекстом в эпоху модернизма и авангарда, полагая все эти вопросы тесно связанными друг с другом. Последние темы исследований в области русской культуры: изображение животных в литературе и искусстве, экзотика, экзотичность и ориентализм, дендизм и либертинизм. Автор нескольких монографий и многочисленных статей, редактор сборников научных трудов. Руководит изданием сочинений отца, Михаила Геллера (издательство «МИК», Москва).*

1. В оригинале — по-русски. — Примеч. пер.

Выписки из культурной периодики

На страницах выходящего раз в два месяца журнала «Топос» (№ 4/2017) появился обширный очерк краковского поэта Яна Польковского «Поэт и его место на земле». Это одно из немногих высказываний такого типа, не носящее чисто литературно-критического характера, причем сконцентрированное на конкретном вопросе — а именно на проблеме укоренения творчества в пейзаже, а еще конкретнее — в картине места, с которым связана экзистенция поэта. Польковский пишет: «Я хорошо запомнил утверждение Милоша: „Сегодня судьба поэта — изгнание”, — и, соглашаясь с ним, задумываюсь: только такой вот пилигрим, устремленный к тайне, повсюду и в никуда, часто изгой, обреченный на отчужденность, отлученный от уважения и веры, но и обожаемый, который одиночество выбирает суверенно, по-господски, — он одновременно обязан или вынужден порвать с местом, где произвела его на свет мать и где в первый раз самостоятельно ступил ногой на землю? Ведь правда, заключенная в мысли Милоша, не подвергает сомнению и не аннулирует естественную привязанность, не стирает из чуткой памяти оставленный, отобранный или преображенный до неузнаваемости край, который, несмотря на превратности бытия, остается умирительно и волнующе твоим собственным. (...) Правда, многие поэты могли и могут не проявлять греха сентиментальности, капитуляции разума перед трудно контролируемым взрывом чувств, поступиться чистотой формы перед необузданной стихией тоски или любви, порушить канон современности из-за экзальтированной ностальгии. И я догадываюсь, что во время написания их творений им хотелось остаться верными своим убеждениям и вкусу. Могло быть и опасение, что вдруг окажутся поэтами «локальными», которых не увидит серьезный мир и которых не прижмут к сердцу члены жюри престижных премий. Однако такой выбор холодного дистанцирования от ближайшего окружения, отстранения от иных, нежели глобально-интеллектуальные, связей, ограничение до рациональной точности и почти научной сжатости языка, то есть, более жестко говоря, отречение от своего места на земле, от семейных, утробных вод не приведет ли случайно (иногда невольно) к комплексу сиротства, не истощит ли воображения,

не лишит ли поэта существенной доли чувствительности, не заставит отказаться от участия в таинстве людского со-бытия, которого мы ведь не в состоянии в полной мере объять разумом и точно описать рациональным языком? Среди поэтов есть группа холодных наблюдателей, элиминирующих эмоции, чуждающихся метафизики, избегающих ловушки чувств, доверяющая только рациональному описанию, проникновенному раздумью и достоинствам ясного языка, стоящая на безопасном расстоянии от лирического «я». К таковым можно отнести Шимборскую, Баранчака и раннего Херберта. Однако не требует ли подобный выбор слишком большого подвига от поэта? Отвержение малой родины или детства — не слишком ли большая жертва? И все это во имя чего?»

Можно удивляться, но вновь появляется ряд критических высказываний, более или менее откровенно требующих от литературы какого-то общественного или политического служения. К такого рода высказываниям относится текст Польковского, означающий словно бы возврат к принципу, превращающему писателя в человека *glebae adscriptus*^[1]. Скрытое послание, твердящее о том, что отсутствие привязанности к тому самому эмоционально приковывающему родимому краю должно завершиться сиротской болезнью, что отсутствие реальных, связанных с местом рождения и жизни, означает погружение в непостижную вселенскость и отрыв от действительности, очень уж напоминает стремление связать поэтическое творчество с обязанностью дани в пользу... собственно, чего? Признаюсь, что не очень меня убеждает образ поэта, погруженного в «семейные окоплодные воды», да и почему отказ от такой купели я должен счесть за «отказ от участия в таинстве людского со-бытия»? Зато я легко представляю себе политика, который, подхватывая и заостряя аргументы Польковского, начнет обвинять поэтов, не склонных отправлять таинство кондовости, в отступничестве. Что ж, у нас свобода слова; пока все это словами только ограничивается, — гуляй душа, ада нет.

Однако имеет смысл напомнить, что в польской литературе после 1989 года и отмены цензуры зародилось длившееся, как минимум, десятилетие динамичное литературное движение, обозначившее возврат к «малым родинам», продвигающее регионализм, заявлявшее о культурной разнородности страны (злые критики окрестили это явление «ароматизированной литературой о корнях»), что по сути своей обозначало отход от утверждаемого в ПНР принципа культурно-политического

«народного единства». Особенно сильно это направление проявилось (и в прозе, и в поэзии) в таких регионах, как Силезия, а также Вармия и Мазуры, то есть на «постгерманских» территориях, подвергшихся в прошлом сильному давлению «реполонизации». Одним из писателей, который культивировал традиции малой родины, был недавно умерший поэт и прозаик Эрвин Крук (1941–2017). Пространный очерк, посвященный его творчеству, опубликовал Мечислав Орский во вроцлавском журнале «Одра» (№ 7–8/2017) под заголовком «Страна, которой уже нет»: «Крук без обиняков пишет правду о военной и послевоенной истории Мазурского края и его народа, который в годы ПНР подвергся беспрецедентной акции выселения, а после 1989 года по-прежнему относился к нелюбимым властями этническим сообществам. Выступая за справедливость и права местного населения на землях, называемых теми, кто сплотился вокруг ольштынского Центра «Боруссия» [«Borussia» — латинское название давней Восточной Пруссии — Л.Ш.], «Атлантидой Севера», — землях, которые когда-то были под властью Пруссии (а в глубоком прошлом прославились истреблением племени ятвягов), — Крук в Народной Польше столкнулся со многими неприятностями, даже унижениями и оскорблениями: его изгоняли из издательств и редакций, вызвали для дачи показаний, а его произведения часто попадали под запрет в региональном цензурном списке. (...) Казалось бы, что личная ситуация писателя диаметрально изменится после Круглого стола, в новой политической действительности. Изменилась лишь на минуту, после чего все вернулось к прежнему «мазурскому стандарту», о чем Крук высказывался в своих последующих произведениях и публичных выступлениях. После того как в 1989 году увидела свет важнейшая в его эссеистическом наследии «Хроника с Мазур», то в начале 90-х он дождался признания, уважения и даже на какое-то время славы — как известный поэт, деятель тогдашней «Солидарности» и сенатор первого «контрактного» Сейма Третьей Речи Посполитой. Однако через несколько лет оказалось, что надежды на изменение политического климата и норм сосуществования в этой стране развеялись, что в результате нашло отражение в содержании изданного незадолго до смерти Крука поэтического сборника под выразительным названием «Отсутствие». (...) «Отсутствие» и «молчание» — это ведущие мотивы его стихов. Автор не скрывается ни в стихах, ни в прозе за фигурами введенных в нарратив героев. Он сам выносит свои ностальгические, однако очень взвешенные суждения о положении земли, на которой ему довелось жить, обогащая повествование все новыми свидетельствами и литературными иллюстрациями,

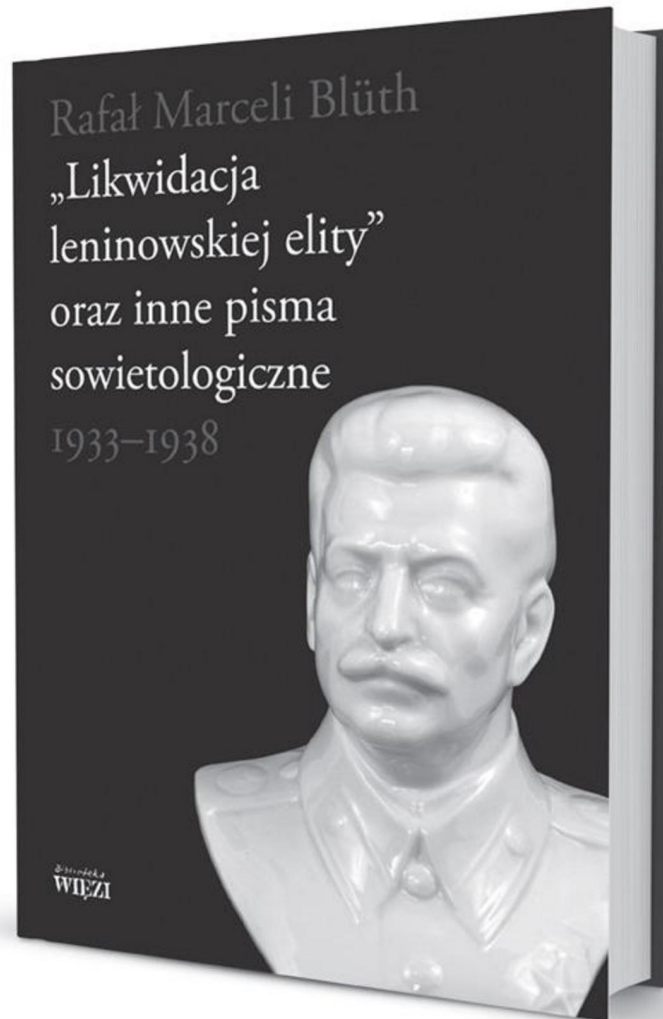
почерпнутыми из собственного опыта, из собственных наблюдений. С инвентарной скрупулезностью документирует утраты, замеченные во время походов по окрестностям. В своей последней, прощальной книге он осуществляет поверку такого каталога «отсутствий»: «Когда-то здесь текла жизнь / И были евангелистские, потом католические могилы, / Но так давно, что никто уже не помнит. / Деревни Еглунь тоже давно уже нет...» (...) Как теперь известно, в период ПНР свыше 90% потомственных жителей Мазурско-Варминского края (а они даже во время жестокой германизации перед войной не отказывались от своих польских корней) были вынуждены — силой или шантажом — покинуть свои семейные гнезда. Непрерывная, последовательная (часто скрытная) война против населения Вармии и Мазур была для местной клики и поддерживающей ее администрации, чаще всего, возможностью для извлечения собственных бытовых и материальных выгод. Обычно мероприятия местных аппаратчиков завершались захватом оставленных выехавшими на Запад коренными жителями владений, а также вакантных, после «зачистки», должностей и постов. Тому же служила, конечно, политика истребления, осуществляемая после войны восточными «союзниками», во главе с печально знаменитым специальным представителем Временного правительства Республики Польша при 3-м Белорусском фронте полковником Якубом Правинном. (...) Как доказывал Крук в своей, пожалуй, главной книге эссеистической прозы «Хроника с Мазур», ситуация после перемен Круглого стола выправилась в незначительной степени и ненадолго. В этой своеобразной эпической ламентации автор воздает почести памяти предков — прежних хозяев этой «Атлантиды Севера», исчезнувшей на глазах уже в 80-е годы. «Хроника...» Крука содержит наиболее добросовестную, объективную, дополненную малоизвестными документами картину судеб коренных жителей Мазур. (...) Комментируя рассказы о судьбах тех, кто «стоял на своем» и в результате должны были покинуть Польшу, писатель искренне признается, что, когда хотел побеседовать по душам в кругу друзей, знакомых, близкой и дальней родни, он говорил, что едет в Германию (когда-то это было еще или ГДР, или ФРГ). (...) Даже когда пишет самые горькие слова, Крук концентрирует боль непонимания и отвержения в себе самом, уменьшает резкость критики, которая может быть направлена против конкретных лиц и институций. Он не стремится свести счеты или требовать люстрации тех, еще живущих сановников и чинуш (одновременно, скорее всего, и агентов), которые и теперь, в нынешних политических условиях, при должностях и чувствуют себя и недурно, и сытно. В «Хронике с Мазур»

нередко слышится обескураженность тем, что известный в стране писатель, некогда влиятельный польский сенатор, так немного может сделать для улучшения судьбы Мазурской земли и признания роли этого края в истории страны. И не о том речь, что сам Крук возлагает на себя всю тяжесть несправедливостей и обид. Прежде всего он добивается реабилитации идеи — той идеи, которой он вместе с другими приверженцами «Атлантиды Севера» посвятил большую часть своей жизни».

-
1. Приписанный к земле, прикрепленный к земле (лат.)

Тайны сталинских чисток

О книге Рафала Блюта

Эугениуш Собоь

Рафал Блют известен, прежде всего, как автор глубоких литературных эссе о творчестве Адама Мицкевича, Джозефа Конрада, Федора Достоевского и др., которые в межвоенное двадцатилетие он публиковал на страницах католической периодики. Сборник избранных эссе вышел лишь в 1987 году. Другая сторона интересов Блюта — его публицистическая деятельность: политологические аналитические работы,

посвященные Советской России, составившие книгу «Ликвидация кремлевской элиты и другие труды по советологии 1933–1938 годов», которая вышла в 2016 году в издательстве «Вензь». Кроме того, исследование Петра Митцнера «Варшавский „Домик в Коломне“» содержит важную информацию о том, что в тридцатые годы Блют являлся экспертом по делам СССР в Министерстве иностранных дел и в Министерстве внутренних дел, то есть, возможно, эти тексты представляют собой, так сказать, побочный продукт его служебной деятельности. Поэтому имеет смысл задуматься о том, как складывались отношения между Блютом-литературоведом и Блютом-политологом.

Блют получил блестящее образование. В Варшавском и Львовском университетах учился у Юлиуша Клейнера, Владислава Татаркевича и Тадеуша Котарбиньского. Судя по текстам, он относился к тому типу интеллектуалов, которые постоянно находятся в поиске истины. Блют происходил из еврейской семьи, в 1921 году обратился в католичество, став одним из наиболее активных участников движения католического модернизма в Польше. Общий знаменатель его литературных и политологических текстов — разумеется, интерес к России, но не менее важной чертой наследия этого ученого представляется попытка выразить иррациональный опыт при помощи рациональной аргументации. Об этом свидетельствуют хотя бы эссе о Джозефе Конраде, в которых Блют пытается объяснить тайну этого писателя, утверждая, что в его произведениях воплощен конфликт личности и враждебных стихий. Такая перспектива представляется необычайно плодотворной применительно к бурному XX веку, в котором бал правила функционировавшие в парадигме иррациональности тоталитаризмы.

Отношение Блюта к СССР было достаточно противоречивым. С точки зрения католической доктрины, он утверждает, что политический строй этого государства представляет собой крайнюю степень насилия над человеческой природой, с другой — стремится обнаружить в нем какие-то положительные аспекты. Автор считает, что Европа пережила абсолютный крах «антропоцентрического гуманизма», то есть либерализма и демократических ценностей, а потому ищет союзников на левом фланге политической сцены. Тексты Блюта выдают определенное увлечение троцкизмом и попытку христианизации ориентирующихся на коммунистические идеи левых. Подобные сомнения на пути от увлечения Советским Союзом до разочарования им, пережил также Андре Жид, и посвященное ему эссе «Крах большевистского мифа»

следует читать в автобиографическом ключе, как свидетельство колебаний самого Блюта. Свою позицию по отношению к большевистской России автор определяет как «освобождение от априорического негативизма», что, с одной стороны, привело к приукрашиванию фигуры Ленина на фоне запятнавшего себя Сталина, а с другой — публицист утверждает, что эксперименты вождя Октябрьской революции, например, в области ликвидации института семьи, потерпели крах, отступив перед непоколебимыми биологическими законами человеческой природы, на которую опирается католицизм. Сегодня эти тексты могут показаться утратившими актуальность, поскольку автору еще неведомы были масштабы сталинских преступлений, однако Блют пытается сформулировать собственный прогноз относительно судьбы советской империи. В одном эссе он уверяет, что в период сталинизма наступила нормализация общественной жизни, а в другом, например, отмечает полное выхолащивание коммунистической доктрины, идейное безразличие граждан СССР и предсказывает скорый распад государства. Эти нестыковки — не недостаток книги, а свидетельство остроты полемики в межвоенной Польше. В излишней легкости прогнозирования падения империи в результате бунта народных масс можно также усмотреть влияние российских эмигрантских публицистов, о связях же Блюта с соответствующими кругами в Польше говорится в вышеупомянутой книге Митцнера.

Автор подробно воспроизводит ход сталинских показательных процессов, проходивших в 1936–1938 годах, уподобляя их поджогу Рейхстага гитлеровцами. Это были демонстративные спектакли с целью устрашения общества, но кроме того, на основании скудных сообщений в периодике о событиях в России, Блют приходит к выводу, что в то время в окружении Сталина действительно шла острая борьба. В этом смысле эссе Блюта имели практический смысл: он стремился убедить польских политиков, что следует искать связей с антисталинской оппозицией, в существовании которой Блют был убежден. Он замечает, что московские процессы буквально шокировали Европу, жаждавшую видеть в СССР союзника по борьбе с Гитлером и страну, реализующую благородные идеи прогресса и социальной справедливости. То, что Сталину удалось заставить закаленных в революционной борьбе большевиков признаться в самых абсурдных преступлениях, морально их раздавить, автор объясняет отчаянным жестом самих подсудимых, посылавших таким образом своим единомышленникам что-то вроде зашифрованного призыва к свержению диктатора. Блют интерпретирует московские

процессы как закулисную борьбу ленинских революционеров, происходивших из интеллигентского слоя, с новой советской бюрократией — вчерашним пролетариатом и сельской беднотой. Кроме того, автор анализирует действия советской власти в области культуры, литературы, воспитания, религии, отмечая неудачу экономических и сельскохозяйственных реформ. Стоит подчеркнуть, что часть вошедших в книгу текстов — это рецензии на публикации в области советологии, печатавшиеся в Польше, Германии и Франции.

Автор «Ликвидации кремлевской элиты...» был расстрелян в ноябре 1939 года, став одной из первых жертв среди гражданского населения после вступления гитлеровских войск в Варшаву. Его сын, профессор Томаш Шарота, родившийся уже после смерти отца, в послесловии к данной книге описывает обстоятельства его ареста. Во время рутинной проверки квартир, расположенных в домах на Уяздовских аллеях, где должен был состояться парад, принимаемый самим Гитлером, гестаповцы случайно заметили на столе Блюта пьесу Элеоноры Кальковской «Дело Якубовского», которую тот переводил с немецкого — сатиру на германский национализм. Но следует задуматься, не являлась ли главной причиной смертного приговора публицистика Блюта, в которой он смело сравнивал сталинскую Россию и гитлеровскую Германию.

Марек Радзивон

Книга Блюта содержит восемнадцать обширных текстов по советологии, публиковавшихся на страницах журналов «Пшеглэнд вспулчесны», «Дрога» и «Вербум». Все они написаны в 1933–1938 годах и посвящены Советскому Союзу и большому проекту перестройки государства и общества. Блют анализирует различные сферы советской политической системы — это определяет построение сборника. Первый, самый обширный раздел озаглавлен «Ликвидация ленинской элиты», во втором собраны эссе, касающиеся «Новой советской интеллигенции», третий описывает «Борьбу с религией», два заключительных повествуют о Комсомоле и Коминтерне, а также о попытках критики Сталина.

Задача создания нового советского человека, то есть покорного, бездумного раба, требовала прежде всего уничтожения

возможных конкурентов и политических оппонентов — это содержание текстов, открывающих книгу. Остальные статьи — анализ дальнейших событий.

Такая композиция представляется логичной, хоть и противоречит хронологии. Составившие первый раздел обширные эссе или, как мы бы сказали на сегодняшнем политологическом жаргоне, «экспертные мнения», — это подробный анализ переломных событий 1936 и 1937 годов: Первого московского процесса в 1936 году над так называемым Антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром, когда членов мнимой группы обвинили в подготовке убийств важнейших фигур в партии: Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, самого Сталина; пресловутого пленума Центрального комитета ВКП(б), на котором под Большой террор была подведена идеологическая база; Второго московского процесса в январе 1937 года и, наконец, процесса над Тухачевским в июле 1937 года. Тухачевского, напомним, обвиняли в принадлежности к антисоветской троцкистской группе, сотрудничестве с арестованными уже к тому времени Бухариным и Рыковым и передаче немецкому генеральному штабу тайных военных планов Советского Союза.

Крупномасштабные политические убийства производят огромное впечатление, но Блут замечает нечто гораздо более важное — не только изменение масштабов террора, но и поразительное изменение качества. Именно по этой причине процессы эпохи Большого террора предстают перед нами в совершенно новом ракурсе. Блут говорит: «Последнее изобретение советского гуманизма, как выясняется, заключалось в том, что люди, которых обвиняют в не совершавшихся ими преступлениях, не только признают свою вину, не только отказываются от защиты и сами поливают себя грязью и бичуют оскорблениями, но еще и требуют себя казнить. Ни одному из тиранов-инквизиторов не удалось до такой степени растоптать человека, как это сумел сделать Сталин». И другая важная цитата: «Что нового вносит московский процесс в постоянно совершенствовавшуюся технику унижения человека? Два момента делают его уникальным: 1) никогда еще жертвы, позорившие себя публично, не требовали собственной смерти; 2) никогда еще комедия публичного бичевания не заканчивалась реальной казнью». Или: «обвиняемые удивительным образом играют роль обвинителей».

Эти важнейшие замечания мы обнаруживаем в первых абзацах большого эссе, написанного в 1937 году. На проблему

самоуничтожения жертв со временем обратят внимание многие наблюдатели, в том числе авторы художественных текстов, например, Артур Кёстлер в своем знаменитом романе «Слепящая тьма», но все это придет позже. Роман Кёстлера вышел в 1940 году, польский перевод Тимона Терлецкого — в 1949 году в Лондоне.

Советология не была единственной специализацией Рафала Блюта — он был историком литературы эпохи романтизма, выдающимся знатоком творчества Адама Мицкевича, писал о классической русской литературе. Блют играл, таким образом, на разных «клавиатурах». В области советологии ему пришлось столкнуться с проблемой доступа к источникам, тем не менее, его статьи свидетельствуют о глубине исследований и наблюдений. Рафал Блют пользовался, прежде всего, информацией из зарубежной периодики, читал также официальную советскую прессу — как известно, официальная пропагандистская трактовка позволяет опытному читателю почерпнуть немало ценных сведений. При этом в одном из текстов Блют пишет, что многочисленные эксперты-советологи страдают «избыточным желанием строить прогнозы» — это говорит в пользу разумной сдержанности исследователя.

Rafał Marcelli Blüth, *Likwidacja kremłowskiej elity oraz inne pisma sowietologiczne 1933 — 1938*, opracował M. Kornat. Biblioteka „Więzi”, Warszawa 2016.

Цена доброты

Несколько размышлений о системе ценностей на материале рассказа Джозефа Конрада «Все из-за долларов»

В ночь с 14 на 15 апреля 1912 года затонул «Титаник». Конрад был возмущен реакцией средств массовой информации и общества. Писатель устоял перед бурей эмоций, продемонстрировав здравый рассудок, сдержанность и, так сказать, жизненный прагматизм. Любая экзальтация вызывала в нем раздражение. В этой атмосфере он и начал писать новеллу, которая долгое время носила название «Доллары» и главным героем которой был господин Дж. Берг. Текст все разрастался, в результате появилось два произведения: «Ради долларов» и «Победа». Между ними ощущается связь не только в плане времени создания, но и с формальной точки зрения: в обоих произведениях на события мы смотрим глазами честного капитана Дэвидсона, а в качестве главного женского персонажа фигурирует женщина с непростым прошлым и запятнанной репутацией, втягивающая героя в опасную ситуацию, а затем ради его спасения жертвующая жизнью. Судя по письмам Конрада, новелла была закончена до 8 января 1914 года. Писатель колебался между названием «Доллары» и «Погасшая улыбка» и, в конце концов, остановился на «Все из-за долларов».

Публика восприняла произведение как излишне схематичное, поверхностное и обрекла на забвение. Однако сегодня оно уже не производит впечатления поверхностного. Предположения, проекции переплетаются в рассказе с реальностью столь прихотливо, что начинает казаться, будто вымысел и факты обуславливают друг друга, а случайность приобретает масштабы рока.

Действие происходит на Малайском архипелаге «в большом азиатском порту». Конструкция повествования подобна шкатулке: повествователь — моряк, «предающийся праздности на суше» — излагает историю, рассказанную его другом Холлисом. Холлис поделился ею, когда один из ее героев, моряк Дэвидсон, проходя мимо, ответил на его поклон. Ситуация правдоподобная и, в общем, естественная: друг

рассказывает другу историю встреченного ими знакомого. Однако интересно, как вводится этот герой — при помощи позитивной валоризации: сперва персонаж обращает на себя внимание повествователя и участника событий (и одновременно героя) своей одеждой из светло-серой фланели, усиками, припорошенными сединой, и крепкой фигурой. Комментарий же Холлиса прежде всего оценочный, он касается не внешности, занятий или национальности, ограничиваясь утверждением, что это «в самом деле добрый человек». Поражает этот разговорный акцент «в самом деле», словно добрым человеком можно быть по-разному, в том числе и «не на самом деле». Правдивость этого суждения призван гарантировать работодатель Дэвидсона, богатый китаец, отличающийся основательностью во всех своих предприятиях. Читатель, однако, не узнает ни имени, ни фамилии, ни даже происхождения и статуса этого человека, который в изображаемом мире явно представляет собой авторитет. Он называется «китаец Дэвидсона» — и будучи работодателем Дэвидсона и вполне значимым персонажем — остается одновременно образом собирательным. Кроме того, определение «китаец Дэвидсона» заставляет думать, будто это китаец является подчиненным Дэвидсона, зависит от него, «принадлежит» ему. Неважно, кто он такой — китаец существует лишь как дополнение к Дэвидсону: это источник средств к существованию и источник хорошей репутации. Конрад мастерски показывает сложный процесс выстраивания собственного статуса и общественного признания, репутация Дэвидсона базируется на мнении его работодателя, которое никто не ставит под сомнение, эти своеобразные рекомендации открывают для него все двери.

Структура повествования постепенно усложняется: это уже не только ретроспекция с перспективы главного героя, но и — в истории, рассказываемой Холлисом — ретроспекция на двенадцать лет назад, т.е. мы имеем дело с конструкцией-шкатулкой. Холлис не говорит, в чем заключается доброта Дэвидсона, он трактует это суждение как своего рода аксиому. Холлис также сообщает некоторые подробности, касающиеся решения правительства о выводе из обращения старых долларов и эмиссии новых. Для сюжета эта информация, казалось бы, не имеет особого значения, однако крайне важна для понимания смысла произведения.

На пароходе «Сисси» Дэвидсон по поручению китайца собирает у купцов по самым дальним уголкам архипелага вышедшие из обращения банкноты. Это отличный бизнес, а поскольку Дэвидсон всегда делает то, что хочет, он получает согласие

китайца на то, чтобы зайти в колонию Миррах и забрать оттуда партию ротана. Однако дело не в этом грузе, а в обещании, которое Дэвидсон дал Бамтсу, сочувствуя Хохотушке Анне («Louthing Anne»), о бурном прошлом которой Холлис не хочет рассказывать больше, чем это необходимо, и ее сыну Тони. Он знал эту женщину много лет назад и теперь встретил случайно, когда один, пассажир, явнец, заплатил ему, чтобы Дэвидсон довез его до колонии. Тот согласился и, в ожидании прилива, сошел на сушу. Там он, к своему удивлению, и встретил Хохотушку Анну. Это отступление оборачивается ретроспекцией на два года назад, то есть — всего — на четырнадцать лет с того момента, когда Холлис ведет свой рассказ. Тщательно разъясняются переплетения случайных встреч и событий, совпадений. Дэвидсон легкомысленно проговаривается о своем бизнесе — сборе вышедших из оборота долларов — в одном из ресторанов, когда иронизирует по поводу опасений жены, умолявшей его отказаться от этого рейса. Его подслушивает Фектор и, вместе с сообщниками, безруким французом и неким Никлаусом неизвестного происхождения, отправляется к Бамтсу, чтобы устроить на Дэвидсона и его ценный груз засаду. Преступники знакомы с Бамтсом, который возвел лень в ранг искусства, презирают его, но имеют свое мнение также и о Дэвидсоне, наивность которого наполняет их чувством уверенности и безнаказанности. Это не смелые пираты, а обыкновенные трусливые преступники, действующие при помощи лжи и мошенничества.

Появляется второй женский персонаж: жена господина Дэвидсона, которую терзают дурные предчувствия, которая обижается и не хочет, чтобы муж отправлялся в этот рейс. Госпожа Дэвидсон слывет особой обаятельной и прелестной, но также упрямой, повествователь признается, что всегда считал ее человеком несколько ограниченным. Читатель, однако, так и не узнает ее имени. Приехав в Миррах, Дэвидсон застаёт у Бамтса головорезов, которые притворяются играющими в карты гостями, и Анну, находящуюся в отчаянии из-за болезни сына, но все же сохраняющую присутствие духа настолько, чтобы предупредить Дэвидсона. Тот, не поддаваясь панике, приносит малышу лекарства. Анна сообщает ему планы разбойников. Безрукий француз заставил ее привязать к культе своей правой руки семифунтовую железную гирю и расспрашивал о привычках Дэвидсона.

Дэвидсон возвращается на «Сисси», готовится к обороне и вскоре видит, как француз подкрадывается, собираясь его убить, как он бьет гирей по тому месту, где должна была

находиться его голова. В шоке он стреляет, француз бежит и всю свою ярость обращает на Анну. Та пытается скрыться, но безуспешно — в конце концов, француз разбивает ей голову гирей, которую она сама привязала к культе. Дэвидсон стреляет наугад, ранит бегущих, но никого не убивает. Ему удается спасти сына Анны, но детали Холлис не сообщает, считая их несущественными. Это один из авторских приемов — демонстративный отбор открываемых читателю фактов, который арбитрально совершается героем-повествователем. Дэвидсон хочет взять сироту на воспитание, полагая, что жена не станет чинить препятствий. Однако не говорит ей всей правды, чтобы скрыть степень опасности, которой подвергся и не подтвердить опасения, которые она питала перед рейсом. Однако жена не принимает уклончивые объяснения Дэвидсона и, наслушавшись сплетен, малодушно требует отослать мальчика прочь. Супруг отказывается, отправляет Тони в школу отцов-миссионеров, но и это решение жену не устраивает. И не доллары являются причиной конфликта — плата за школу не слишком обременяет семейный бюджет. Охваченная холодной яростью, госпожа Дэвидсон заявляет мужу, что он ей отвратителен, и тот отправляет супругу к родителям. Тони благополучно заканчивает школу и решает стать священником, Дэвидсон же остается в одиночестве. Таковы последствия бизнеса героя — скупки вышедших из оборота долларов — для всей его жизни.

Являются ли доллары подлинными героями рассказа? На этот вопрос наводят не только заглавие и последние слова, подводящие итог рассказа и жизни Дэвидсона. Доллары — материальные блага — являются объектом вожделения всех персонажей, все хотят заработать, разбогатеть. Это относится к китайцу, Дэвидсону, Бамтсу, а также повествователю и Холлису. Однако доллары с самого начала демифологизируются как объект обмена, это нечто преходящее, условное, не являющееся ценностью «самой в себе», существующей объективно. Ценность долларам придает — или меняет ее — правительство, действуя в своих собственных интересах. Люди же пытаются использовать перемены, которых не понимают, в своих целях, оказываясь в результате пешками в неведомой им игре. Интересно, что в произведении отсутствует описание того, что можно купить, образ вожделенного богатства. Желание иметь показано как архаический инстинкт, который люди, особенно белые, не умеют реализовать. Создается ощущение, что богат только исполненный достоинства «китаец Дэвидсона» — местные жители не участвуют в борьбе за деньги, лишь белые герои соперничают друг с другом и ради прибыли готовы пожертвовать всем.

Быть может, они не умеют владеть. Владение материальными благами всегда ставит их в положение этически двусмысленное и опасное. В тексте не говорится однозначно, жаждут ли они денег как таковых или же вещей, которые можно за эти деньги приобрести, или стремятся к власти и влиянию, которые те способны дать, то есть трактуя доллары как орудие, а не как самостоятельную ценность. Напрашивается следующий вывод: деньги — всего лишь деньги, гораздо важнее договоренность между людьми, вроде договора между китайцем и Дэвидсоном, между Дэвидсоном и Хохотушкой Анной, или даже договора между головорезами. Ценность договоренности определяет не столько ее этичность, сколько ее эффективность, причем эти две категории зачастую переплетаются. Очевидно, что брак Дэвидсонов также опирается на договоренность, которую супруги нарушают: господин Дэвидсон не считается с женой, не относится к ней серьезно, считая при этом «добрым человеком». У господина Дэвидсона просто есть жена, среди моряков он один из немногих, кто женат «явно». Госпожа Дэвидсон живет в собственном мире, занимаясь исключительно самой собой, не разделяя с мужем ни тягот, ни успехов. Для нее ценностью является репутация, к вопросу которой она относится очень болезненно, что трудно назвать иначе, нежели мелочностью и эгоцентризмом.

Владеть — это искусство, заключающее в себе секрет свободы — так я интерпретирую данный аспект рассказа. Владеть — значит не делать все ради чего-то, чем владеешь, а делать то, что хочется; тогда субъект владеет сам собой, является хозяином самому себе, делает все для себя, не ради долларов, репутации или власти. В мире Конрада субъект, дабы владеть, должен сначала определить, кем он является и что для него важно, ради какой цели он живет. Если взглянуть с этой точки зрения на героев новеллы, ситуация Хохотушки Анны, во всех отношениях плачевная, оказывается наиболее честной и рациональной: она делает все ради ребенка, зная, что без нее он обречен на гибель. Мать соглашается на все, чтобы обеспечить Тони условия жизни и развития — даже если приходится отдать его на воспитание чужим людям или связаться с подозрительным человеком потому лишь, что тот полюбил мальчика и может, скрывая от него прошлое, создать некое подобие семьи. У Анны нет ничего, кроме ее жизненной цели: она существует ради ребенка. Капитан Дэвидсон такой цели не имеет и одновременно очень напоминает свою жену: он живет своей доброй репутацией, которой умело пользуется, добываясь расположения людей и дополнительных барышей. В результате единственное, чем он владеет — это репутация «в самом деле доброго человека», что безусловно не то же самое, что быть

просто добрым человеком. Его безупречность ничем не подтверждается, среди моряков он выделяется лишь тем, что женат, больше ничем — никаких геройских действий или достижений в навигации, даже особого состояния не нашёл. Отсутствует также более подробная информация о повествователях — Холлисе и его друге, об их статусе и мотивах.

Кроме проблемы владения и связанной с ним власти, появляется важный вопрос, касающийся доброты — что значит быть добрым человеком? Это выражение повторяется так часто, что, кажется, вконец обесмысливается, а если попытаться реконструировать этот смысл, окажется, что он столь же относителен и условен, как ценность обмениваемых правительством долларов. Ценность представляет собой суждение, что кто-то добр, но в чем заключается эта доброта — определяется всякий раз особо. Как Дэвидсон, так и Хохотушка Анна считаются добрыми людьми, хоть по совершенно разным причинам. Разыгрывающиеся трагедии — непосредственное следствие «доброты» героев. Дэвидсон не хочет беспокоить жену и не говорит ей всей правды о запланированном рейсе, а затем о случившемся. Из деликатности он не ставит условий Бамтсу, договариваясь, что раз в месяц будет заходить в Миррах — хотя мог и должен был заявить, что ждёт от Бамтса хорошего отношения к Анне и ребёнку, поскольку именно ради них соглашается удлинить свой маршрут. Дэвидсон, осознавая смертельную опасность, действует недальновидно, не встречает опасность с открытым забралом, пытается вести с убийцами свою игру. Выбирая такой способ защиты, избегая конфронтации, он предаёт Анну, которая по доброте, а может, преследуя собственные интересы, предостерегла его перед опасностью. Всю жизнь она была доброй спутницей мужчин, с которыми связывалась. Для Дэвидсона, которого она знала, но любовницей которого не была, Анна становится причиной целого ряда катастроф: покушения на его жизнь, распада семьи, исчезновения улыбки с его лица, которая прежде его не покидала. Именно Хохотушка Анна заставляет его улыбку погаснуть.

С одной стороны, Конрад показывает, что быть добрым в мире, полном зла — значит сознательно подвергать себя опасности, в категориях нашего мира — это проявление слабости, но как Хохотушка Анна, так и Дэвидсон вызывают симпатию, сочувствие. Трагедии, ставшие их уделом, парадоксальным образом подтверждают их ценность, инаковость. Однако возникает также другой вопрос: не путаем ли мы доброту со слабостью? Конрад указывает, что недостаточно быть слабым,

чтобы быть добрым. Слабость, санкционирующая окружающее зло, не является добром. Пассивная жизненная позиция, покорность по отношению к своему положению, мнению окружающих, попытка уйти от проблем, отсутствие настойчивости — это проявления слабости, страха, порой оппортунизма или конформизма, которые зачастую принимаются за добродетель сдержанности или доброту. Повторяющееся утверждение, будто кто-то является добрым человеком, начинает в конце концов, звучать как скрытое обвинение: если это добрый человек, стоит ли утверждать об этом на каждом углу? Не является ли это формой оправдания, отведения от себя каких бы то ни было обвинений? Конрад показывает, что не существует внешних правил, объясняющих реальность, сложный характер которой не позволяет с легкостью разбрасываться оценками, требует внутреннего компаса и честности по отношению к самому себе, которую ничем не заменишь. Обмен долларов случайно становится испытанием на доброту, которая оказывается не жизненной целью и не мотивацией поведения, а испытанием, проявляющим последствия пассивности героев, напоминая, что человек несет ответственность не только за совершенное зло, но также и за несовершенное добро.

Перевод Ирины Адельгейм

Лем — причудливый гений

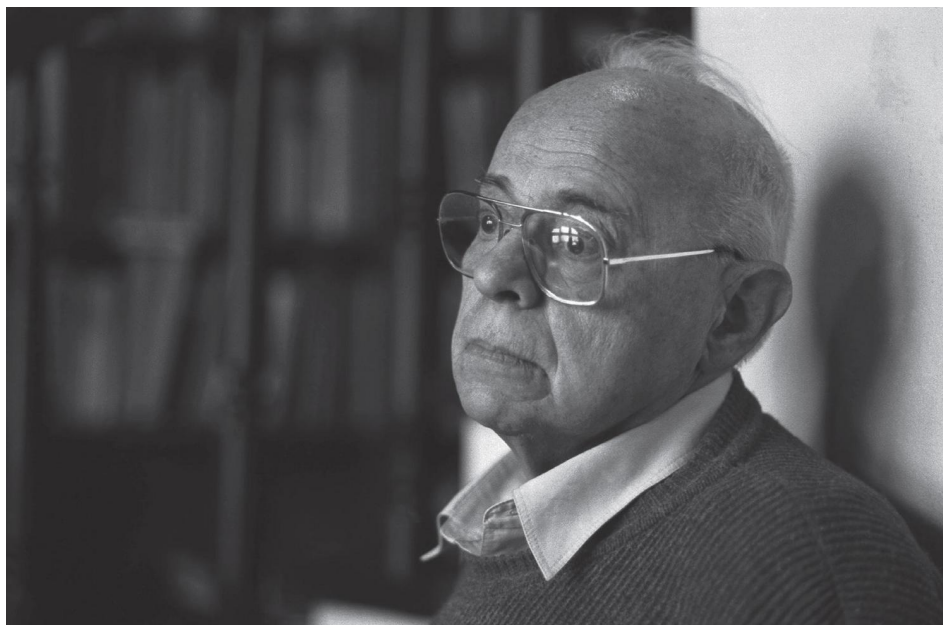

Фото: Э. Лемпп

Создавая свои лучшие романы, он считал, что исписался, но больше всего расстраивался, если ломалась машина: Войцех Орлиньский выпустил замечательную биографию Станислава Лема.

Издательство «Выдавництво литерацке» недавно подсчитало, что за последние десять лет продало более миллиона экземпляров книг Станислава Лема. Принимая во внимание удручающую статистику чтения книг в Польше, а также факт, что речь идет об авторе давно покойном, а значит, крайне сложно рекламируемом — цифра гигантская.

Если есть на свете человек, которому суждено было написать биографию Лема, то это, несомненно, Войцех Орлиньский — настоящий лемоман, автор вышедшей десять лет назад книги «Что такое сепульки? Все о Леме». Орлиньский умеет доходчиво и — что важно — остроумно объяснить все интеллектуальные и научные перипетии, не разрешив которых сложно понять творения Лема. Ведь это был не только выдающийся автор *science fiction*, но и философ, мыслитель, футуролог, предсказания которого на удивление часто сбывались.

«Лем. Жизнь не с этой планеты» (премьера 2 августа) — это, с одной стороны, классическая биография, с другой — к счастью! — повествование очень субъективное. Если Лем в своих романах так любил предсказывать будущее, то почему бы его биографу не поспекулировать на тему прошлого самого Лема? Особенно если игра в «если бы да кабы» никогда не отрывается от фактов. Реконструкция жизни человека настолько скрытного и так ловко путающего следы, честно говоря, не оставила Орлиньскому другого выбора.

Замалчивание и тайники батончиков

Помимо собственных разносторонних знаний и воспоминаний о встречах с Лемом Орлиньский пользуется рассказами из книг интервью с автором «Кибериады», изданных Станиславом Бересем и Томашем Фиалковским, а также необычайно богатой корреспонденцией Лема с такими выдающимися деятелями польской культуры, как Славомир Мрожек, Ян Юзеф Щепаньский, Ян Блоньский. Хотя Лем был фигурой сложной, если не сказать причудливой, он, если не считать военного времени, оставил после себя огромный материал для биографов.

Мрачный период жизни Лема, о котором он не хотел говорить, — это война, немецкая и советская оккупация, погромы украинских националистов во Львове, где он рос, и Холокост, жертвой которого он не стал только чудом. Это время он старался вытеснить из памяти, неохотно публично отвечал на вопросы о нем, а если и отвечал, то увиливая, отмахиваясь, ссылаясь на склероз и искажая факты. Юношеская травма была так сильна, что всю последующую жизнь он старался делать вид, что ничего не было, а если и было, то совершенно иначе.

История раннего периода биографии Лема полна неясностей. Книги о нем пестрят ложными сведениями, потому что их авторы слишком доверяли писателю. Орлиньский предостерегает: «Обратите внимание на языковое мастерство, с которым Лем умеет и не соврать, и правды не сказать». Поэтому, если собрать воедино все, что написано о Леме до книги Орлиньского, большинство фактов и дат не будут сходиться.

Орлиньскому удалось сделать еще одну важную вещь: описывая гения, он показывает нам не просто человека из плоти и крови, но и человека с сердцем и душой. До сих пор, думая о Леме, мы представляли себе, скорее, мощный компьютер,

вмонтированный в небольшое тело лысого человека в очках, укрытого в своем домике на окраине Кракова и оттуда каким-то образом управляющего миром. Тем временем эта феноменальная машина была часто клубком нервов, ее мучила апатия, злость, ярость, она не раз была на грани нервного срыва. Лем болел почти всю жизнь, во взрослом возрасте неоднократно собирался отправиться в мир иной, а однажды лишь благодаря невероятному стечению обстоятельств выбрался живым из очередной болезни.

Он уклонялся также от различных запретов, например, когда ему запретили сладкое, он бегал в подвал, где у него были спрятаны марципановые батончики. Только после его смерти за шкафом обнаружили гору фантиков.

С Блоньским на спине

Станислав Лем и Ян Блоньский были соседями и друзьями, однако во время их встреч доходило до стычек, потому что Блоньский считал, что Лем зря тратит время на халтуры об инопланетянах, на то, что не является настоящей литературой: литература — это Марсель Пруст. Лем, будучи энтузиастом науки и прогресса, ожесточенно спорил с ним. Финал был неизменным — раздраженный Блоньский уходил, хлопнув дверью, а Лем садился писать, изображая друга скептиком Клапауцием, известного по «Сказкам роботов», а себе оставляя роль энтузиаста Трурля.

Впрочем, дружба у Лема с Блоньским была специфическая, в основном по той причине, что известный литературный критик, как вспоминают свидетели дружеских эксцессов, обладал «агрессивным чувством юмора» и плохо переносил, если собеседники не восхищались его бонмо. Ссоры приятелей, говорят, доходили чуть ли не до рукоприкладства. Жена писателя была свидетельницей ситуации, которую описывает Орлиньский: «Ян Блоньский запрыгнул Лему на спину. А тот из-за военной травмы терпеть не мог физического контакта с чужими людьми, поэтому, вместо того, чтобы оценить шутку, старался изо всех сил сбросить Блоньского, который, в ужасе от такой реакции друга, еще сильнее в него вцеплялся. Тогда Лем начал ударять приятеля об мебель. Только появление Барбары Лем успокоило обоих литераторов».

Из книги Орлиньского однозначно следует, что Лем никогда не примыкал к коммунистам, что у него никогда не было иллюзий по отношению к этой системе, а те, кто вменяют ему

социалистические идеи в первых романах «Астронавты» и «Магелланово облако», невнимательно читали. Впрочем, понятно, что если бы таких мотивов в книгах не было, они бы не увидели свет. Кстати, Лему доставалось от партийных литературных критиков за недостаточный энтузиазм по поводу лучшего на свете политического устройства. Лем насмехался над коммунизмом, видя его в самом мрачном свете: он справедливо подозревал, что система держится вовсе не на идее, а на насилии и политической полиции.

Уникальность и проницательность Лема основаны на том, что он очень серьезно относился к науке, а не только давал волю фантазии, помимо писательской деятельности, он постоянно читал общественные, научно-популярные и научные журналы, постоянно обогащал свои знания и благодаря своей убийственной логике мог предвидеть развитие технологии. Одним словом, если бы Лем столько не читал и не учился, то не стал бы известен на весь мир. С чем я и оставляю всех, кто презирает чтение.

Деньги и шедевры

Если в некоторых эпизодах жизни Лема Орлинский сомневается, то в анализе творчества своего героя он хирургически точен: «Если ставить вопрос, в какой момент Лем-ремесленник пера превратился в Лема-гения, то случилось это где-то в середине 1956 года». Именно тогда «Пшекруй» опубликовал «Путешествие четырнадцатое», фрагмент «Звездных дневников» — шедевр Лема. Предыдущие его романы были удачными в разной степени, но с этого момента он официально стал выдающимся писателем. «В гения Лем превращается в год оттепели. Удивительно, что важнейшие даты польской истории XX века — 1939, 1945, 1956, 1968, 1981 — это также и важнейшие даты его биографии».

Положения модного писателя «Лем впервые добивается летом 1956 года именно благодаря рассказу о сепульках. Он приносит ему ту известность, какой сегодня пользуются Витковский, Масловская, Пильх или такие авторы нон-фикшн, как Филипп Спрингер или Магдалена Гжебалковская. Каждый держащий руку на пульсе интеллигент считает своим долгом составить мнение об их новых книгах». Именно эта свобода, с которой Орлинский рискованно, но доступно для каждого отсылает к современности, делает его книгу увлекательной. Достаточно подумать о сегодняшней популярности Масловской или

Пильха, чтобы понять, чего внезапно добился в 1956 году некий второстепенный писатель-фантаст.

В биографии Лема, как и в биографии его друга — Славомира Мрожека, есть один поучительный момент: 1956 год и доклад Хрущева о сталинизме не потрясли их потому, что они никогда не обманывались на этот счет, в отличие от многих неожиданно протрезвевших писателей. Оба пережили перелом в стороне, не участвуя в эйфории оттепели. Сегодня оба — железные классики, а ангажированные произведения тогдашних «утративших иллюзии» и наивную веру в коммунизм покрылись пылью. Зато аллюзии Лема, его умение высмеять абсурд коммунистического строя или указать на советские преступления так, что даже цензоры не знали, к чему прицепиться, остаются удивительно актуальными и прекрасно считываются.

А как появились серийные шедевры Лема — «Рукопись, найденная в ванне», «Возвращение со звезд» и, наконец, «Солярис», роман, принесший ему мировую славу? Лем купил дом в краковском районе Клины и начал вкладывать в него огромные деньги — дом был в ужасном состоянии и требовал генерального ремонта. Ничего не оставалось, кроме как подписать договор с издателем на три романа. Отлично понимая, что и так не успеет к сроку, он надеялся благодаря авансу хотя бы временно залатать дыры в бюджете. Как замечает Орлинский, это способ, которым пользовался еще Достоевский. Только Лем не осознавал, что пишет шедевр — он просто выстукивал на машинке по шесть страниц в день, как того требовал договор, а сюжетные линии придумывались по ходу дела. Работая над «Солярисом», он сам точно не знал, о чем пишет, по крайней мере, не знал, как закончится роман. Может быть, именно так создаются эпохальные книги.

Золотые времена Гомулки

Как всякий писатель, живущий в ПНР, Лем сталкивался с материальными трудностями, а также периодически впадал в депрессию, хотя бы из-за нехватки должного внимания. Из книги Орлинского, однако, следует, что не политический гнет или отсутствие внимания мучили его сильнее всего, а проблемы с автомобилями. Лем был фанатом моторизации, иномарки увлекали его больше, чем космические путешествия, но личные финансы и условия социалистической экономики обрекали его на ГДР-овские, чешские или итальянские

подержанные развалюхи, которые глохли на каждом шагу и в какой-то момент просто распадались на части.

Как каждый хороший писатель, Лем интересовался вопросом гонораров за свои романы, только, как известно, получить и потратить деньги в соцблоке было непросто. Если книга издавалась в ГДР, Чехословакии или Советском Союзе, нужно было туда ехать и на месте все тратить. Тот же механизм действовал, конечно, и в обратную сторону: если книга зарубежного автора выходила в Польше, то ему надо было приехать в Варшаву, чтобы получить и потратить гонорар. Это совершенно маргинальная линия в биографии Орлинского, но стоило бы из нее сделать если не отдельную книгу, то хотя бы большой репортаж. В частности, своей небывалой популярностью латиноамериканские писатели (которых мы все читали запоем) обязаны были, оказывается, тем, что охотно приезжали в Польшу, радостно забирали гонорар и широким жестом прогуливали его в Варшаве или Кракове, причем до последнего гроша — так, что одному из них пришлось еще занимать денег на обратную дорогу. Тратили на девчонок, алкоголь и одежду (один, говорят, уехал в пяти дубленках), а кто-то даже купил... коня. Фамилии, к сожалению, не называются, так что здесь открывается обширное поле исследований для настоящего репортера.

Уникальность Лема состояла еще и в том, что под оболочкой абсурдных историй о роботах и инопланетянах он критиковал политическую систему, что принесло ему массу хохочущих обожателей, а цензуре доставляло головную боль. Сегодня трудно себе представить степень популярности эзопового языка, ведь мы живем в мире однозначных, топорных сообщений. Может быть, возвращение цензуры и правда пошло бы нашей литературе на пользу?

«Люди, живущие в золотом веке, как правило, об этом не догадываются. Не знали об этом древние афиняне и флорентинцы эпохи Возрождения. Не осознавали этого и польские литераторы в 60-е годы, хотя это был, несомненно, золотой век польской культуры», — пишет Орлинский и в доказательство перечисляет: «Кабаре джентльменов в возрасте», сериалы «Домашняя война» и «Ставка больше, чем жизнь», «Картотека» Ружевица, «Страсти по Луке» Пендерецкого, фильмы «Нож в воде» Поланского, «Пепел» Вайды, «Рукопись, найденная в Сарагосе» Хаса и, конечно, произведения Лема и Мрожека. Последние как раз тогда считали, что исписались и ничего из того, что они пишут, никому не будет интересно. Впрочем, «Танго» Мрожека не

понравилось Лему, а сам Мрожек сомневался в ценности книг Лема.

Может, когда-нибудь, лет через 50, какой-нибудь будущий Орлиньский напишет так о первой или второй декаде XXI века? Назовет это время очередным золотым веком польской культуры, и укажет, что современники совершенно этого не замечали? Знаю, звучит как фантастика, но ведь фантастика, как следует из книги Орлиньского, удивительно часто сбывается.

Культурная хроника

В августе оформилось гражданское движение «Независимая культура» — неполитическая инициатива творческой интеллигенции. В списке подписавших соответствующий манифест сначала было несколько сот имен (среди них, в частности, художники Мирослав Балка и Катажина Козыра, актеры Магдалена Целецкая, Петр Фрончевский, Богуслав Линда, Даниэль Ольбрыхский, Майя Осташевская и Анджей Северин; драматург Павел Демирский, писатели Юзеф Хен и Ольга Токарчук, режиссеры Агнешка Холланд, Гжегож Яжина, Ян Клята, Иоанна Кос-Краузе, Кристиан Люпа и Ежи Сколимовский, историк искусства Анда Роттенберг, историк литературы Мария Янион, музыканты Гжегож Турнау, Уршуля Дудзяк, Михал Урбаняк и многие журналисты). В середине сентября список подписавших насчитывал более 8 тыс. фамилий.

В манифесте движения подчеркивается, что создатели организации не представляют никакой политической партии или идеологии и «их объединяет идея культуры независимой, свободной, открытой, черпающей силы в разнообразии». Как отмечается, движение объединяет «людей искусства, художников и артистов, организаторов и работников культуры в их стремлении защитить право каждого гражданина неограниченно пользоваться благами культуры». Инициаторы движения подчеркивают, что стремятся создать организацию, «поддерживающую культуру в Польше, оберегающую свободу и независимость культуры». Один из постулатов «Манифеста независимой культуры» — создание гражданского совета культуры, который бы составили представители творческой интеллигенции. Этот совет мог бы также функционировать как консультативный орган при министерстве культуры и национального наследия в сфере культурного просвещения.

Свои замечания — касательно главным образом «Манифеста» — высказала на страницах «Жечпосполитой» известная актриса, писательница и фельетонист Иоанна Щепковская: «Дорогая „Независимая культура“, я с большим вниманием стараюсь смотреть на это движение творческой интеллигенции. Получаю интернет-ссылки, где можно записаться. Значит, теперь время таких движений. Но я не присоединяюсь. Стою на пороге. Во-первых, меня беспокоит

декларация аполитичности. Часть тех, кто стоит у истоков движения, представляют совершенно конкретное мировоззрение — назовем его «левым». И как бы на это не смотреть, но движение организовывалось как мировоззренческий противовес культурной политике «Права и справедливости». Меня эта политика тоже беспокоит — да чего там! — ужасает. Поэтому я бы охотно в движение вступила, но как в движение однозначно политическое, оппозиционное по отношению к культурной политике «Права и справедливости». Именно на этой базе можно говорить об эстетическом и мировоззренческом разнообразии — внутри оппозиции. Если, однако, движение предполагает аполитичность, то я, как независимая личность, просто уже с порога чувствую фальшь». Будет ли актриса и далее сохранять дистанцию, неизвестно. «Я бы очень хотела принять участие в праздновании годовщины Независимой Польши, — пишет Щепковская в заключение своего фельетона. — Я хотела бы быть вместе с творческими людьми. Полагаю, что сейчас надо встречаться и поддерживать друг друга, ездить и разговаривать. Вот только не могу подписаться под манифестом. Что поделать? Останусь независимой. Независимость не вписывается в дотации министерства какой бы то ни было культуры».

Польским кандидатом в борьбе за «Оскар» лучшему неанглоязычному фильму в нынешнем году будет картина «След зверя» Агнешки Холланд, поставленная по роману Ольги Токарчук «Веди свой плуг по костям мертвецов». Таково решение польской Оскаровской комиссии. По мнению критика «Газеты выборчей» Павла Т. Фелиса, у картины много козырей. Важнейшим он считает интересный экологический сюжет: «Это попытка другого взгляда на мир природы, далекого от поверхностного экологизма». Важна также фигура автора фильма: «Агнешка Холланд прекрасно известна в Соединенных Штатах, в том числе в самом Голливуде». Кинокритик Оля Сальва полагает, что «След зверя» — это очередное доказательство тому, что в данную минуту наиболее интересны и удачны в психологическом, философском и социальном отношении фильмы, повествующие о женщинах. Причем не только в польском, но и в мировом кинематографе. Критик констатирует: «Это фильм, героиня которого сражается во имя тех, кто сам не может встать на свою защиту. Животных в фильме можно считать метафорой многих дискриминированных и маргинализированных групп». Получит ли определенная как экологический детектив «След зверя» номинацию на «Оскар», мы узнаем в начале 2018 года.

2 сентября по всей Польше прошла акция «Всенародное чтение». Пьесу «Свадьба» Станислава Выспянского, премьера которой имела место в период разделов Польши, в марте 1901 года, в Городском театре Кракова, читали на площадях, в библиотеках и школах, в поездах и трамваях более чем в двух тысячах польских городов и весей. Акация охватила также и 63 площадки (в том числе дипломатические резиденции) в 26 странах мира, в том числе в России, США, Великобритании, Украине (здесь более всего — 41 площадка). Общее чтение открыла президентская чета Анджей Дуда и Агата Корнхаузер-Дуда в Саксонском саду в Варшаве.

Всенародное чтение «Свадьбы» проходит в год, предшествующий 100-летию обретения Польшей независимости. Президент Анджей Дуда подчеркнул, что эта драма — «автопортрет поляков», «поляков рубежа XIX и XX веков, поляков как раз в преддверии возрождения независимости, прекрасно рисующий картину разных слоев общества тогдашнего периода в Галиции, в Кракове и в расположенном в окрестностях Кракова селе Броновице». Традиция «Всенародных чтений» ведет свое начало с 2012 года, их инаугурацию провел президент Бронислав Коморовский. С тех пор по очереди были прочитаны «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича, произведения Александра Фредро, «Трилогия» Генрика Сенкевича, «Кукла» Болеслава Пруса и «Камо грядеши» Генрика Сенкевича.

Ольга Токарчук 10 сентября получила премию проходившего в Познани Конгресса женщин. С поздравительной речью в адрес лауреата выступила политик, деятельница феминистского движения Барбара Новацкая: «Лауреатом стала женщина, которая живет в деревне, которая любит животных, ненавидит охотников, собирает травы, обладает третьим глазом. То есть видит то, чего не видят другие. Волшебница. И одна из самых влиятельных женщин в культуре. Она «мастерица неоднозначных форм»: смешивает беллетристику с эссеистикой, исторический нарратив с магическим, мир воображения с миром фактов. Это писательница, которую ценят литературные критики (что редкость, поскольку женщина), но в то же время она чрезвычайно популярна у обычного читателя. Ее романы завлекают, восхищают, будят воображение, наводят на раздумья. Для нас это мастерица пера и воображения. Она учит нас феминистской чуткости и

экологическому мышлению. Учит нас также тому, что без свободы нет культуры, а без культуры нет нас».

Токарчук — лауреат многих польских и зарубежных литературных премий (в частности, дважды лауреат «Нике») — признала, что впервые оказалась отмеченной подобным образом. «Я могла бы поблагодарить за премию и сказать вам: приветствую в тяжкие времена. Но мне кажется, что это хорошие времена. (...) Мы должны также вспомнить о солидарности, сестринстве. И должны еще вспомнить, что мы созданы не для мелочей. Мы им радуемся, но нацелены на большие, важные дела. Чтобы сказать «нет» конформизму, чтобы пойти войной на лицемерие, которое нас окружает. Давайте научимся бойкотировать врачей, которые не выписывают рецептов на противозачаточные средства», — призвала писательница.

Лауреатом во второй раз присуждавшейся литературной премии им. Витольда Гомбровича стала Анна Цепляк (р. 1988), автор книги «Должно быть чисто». Она активный организатор культуры и городской активист. Премию, присуждаемую за литературный дебют, патронирует Рита Гомбрович, вдова писателя.

По мнению председателя жюри проф. Ежи Яжембского, «Должно быть чисто» — это добросовестно выполненный портрет молодежи, обучающейся в нынешних гимназиях. «Мы присуждаем премию, в частности, за прекрасное знание описываемого автором мира, многоаспектность представленного образа современной молодежи, но также за эмпатию и понимание проблем, которые приходится преодолевать гимназистам и гимназисткам. Проблем, которые, безусловно, не исчезнут с ликвидацией гимназий», — сказал проф. Яжембский во время торжественного вручения премии, которое состоялось 10 сентября в Радоме.

Премия им. Косцельских за 2017 год присуждена Уршуле Зайончковской (р. 1978). Лауреат — поэтесса, художница, музыкант, а вместе с тем ученый-ботаник, адъюнкт Института лесной ботаники Варшавской главной сельскохозяйственной школы. Премия присуждена за сборник под названием «Минимум», в котором, как отметил председатель жюри Франсуа Россе, «с точки зрения биолога говорится о красоте, тайне и муках бытия». Престижная премия Косцельских для

молодых литераторов присуждается с 1962 года Фондом Косцельских — одной из старейших польских культурных институций, действующей в Женеве.

В Варшаве состоялся новый книжный салон на пленере. Это прекрасные, заново аранжированные Вислинские бульвары, где 16-17 сентября проходил «Пикник на Висле». Почти 70 издателей подготовили богатый книжный выбор и организовали встречи с популярными, любимыми авторами. Автографы можно было получить, например, у ксендза Адама Бонецкого, проф. Ежи Бральчика, у Яцека Денеля, Якуба Жульчика, Магдалены Завадзкой, Рафала Ольбинского, у лауреатов литературной премии Столичного города Варшавы Анны Янко, Магдалены Кицинской, Игнация Карповича. На Бульварах можно было также посмотреть выставку, посвященную истории литературной премии Столичного города Варшавы.

По-прежнему неясна судьба «Старого театра» в Кракове. С 1 сентября функции директора этой национальной сцены выполняет театральный критик Марек Микос, избранный конкурсной комиссией, созданной министерством культуры. Часть труппы не согласилась с министерской рекомендацией на пост директора. Первоначально заместителем М. Микоса по художественной части должен был стать Михал Гелета — режиссер, работающий, главным образом, в Великобритании и США, однако он отказался. Во время пресс-конференции 15 сентября М. Микос сообщил, что кандидатом на пост вице-директора по художественной части предлагается режиссер и сценограф Ян Полевка, в 90-е годы директор «Театра гротеска» в Кракове, а заведовать литературной частью приглашен Артур Грабовский, поэт и драматург, научный сотрудник Ягеллонского университета. В пресс-конференции приняли участие также актеры. Они молча стояли, а затем более 20 актеров заявили, что получают взаимоисключающую информацию, касающуюся как художественной программы, так и персоны художественного директора. Артисты выразили беспокойство за будущее театра. И их настроения неудивительны, учитывая, сколь драматично сложилась судьба некогда знаменитого «Театра польского» во Вроцлаве — при новой дирекции театр просто прекратил существование.

Польской премьерой мюзикла «Доктор Живаго» по мотивам книги Бориса Пастернака открылся 15 сентября сезон 2017/2018 в Подляской опере и Филармонии в Белостоке. Спектакль на музыку Люси Саймон был с огромным успехом поставлен в 2011 году на Бродвее. Как полагает режиссер польской версии Якуб Шидловский, в этой вневременной истории о любви на фоне большой революции имеется много соотнесений с нынешними, весьма беспокойными временами. В белостокском представлении приняли участие ведущие польские артисты мюзикла.

Апеллирующий к поликультурным корням города, фестиваль «Лодзь четырех культур» прошел в нынешнем году (8–17 сентября) под девизом «Алфавит диалога». Учрежденный 15 лет назад фестиваль охватывает несколько сфер: театр, музыка, визуальные искусства, литература, кино. В театральной программе нашли место, например, выступление кабаре «Пожар в борделе» со спектаклем «Побег из кинотеатра „Польскость”», музыкальное предложение краковского «Нового театра Проксима» — «Высоцкий. Возвращение в СССР», а также премьеры «Антигоны в Нью-Йорке» Януша Гловацкого, который намеревался присутствовать на спектакле в лодзинском «Новом театре». Неожиданная кончина писателя перечеркнула эти планы, а спектакль в постановке Анджея Щитко стал символическим прощанием с умершим автором. По мнению режиссера, драма Гловацкого сегодня — это не только бытовая зарисовка с насмешкой над представлениями об «американской мечте». «Возможно, нужно было время, чтобы эта „разжалованная трагедия или возвышенный фарс” прозвучала при прочтении как вивисекция заблудшего мира, без эмоций взирающего на миллионы неприкаянных, скитающихся по свету людей, пробующих пробраться в безопасные, богатые страны», — подчеркнул А. Щитко, режиссер, связанный с харьковским Драматическим театром им. Тараса Шевченко, где поставил уже несколько польских пьес. После премьеры в фойе «Нового театра» прошел вернисаж выставки известного фотохудожника Чеслава Чаплинского «Януш Гловацкий в Нью-Йорке».

Музей города Лодзь обогатился очередными работами родившегося в этом городе выдающегося еврейского художника Самуэля Хиршенберга. Музей приобрел их у «Ben Uri Gallery & Museum» из Лондона. Две живописные работы художника представляют фрагменты застройки Лютомерска и

Иновлодзи конца XIX века. А рисунок на бумаге «Набросок семи фигур» показывает группу фигур, окружающих скульптурный бюст, в котором можно угадать изображение Исааха Познанского, покровителя художника. Выставка «Братья Хиршенберги. В поисках земли обетованной» — первая за более чем 80 лет монографическая экспозиция, посвященная Самуэлю Хиршенбергу и его братьям Леону (художнику) и Генрику (архитектору), — проходила в Музее города Лодзи с ноября 2016 по март 2017 года. Затем ее показали в Варшаве, в Еврейском историческом институте. В обоих городах выставка вызвала большой интерес.

После многочисленных пертурбаций в конце концов прошел 54-й Фестиваль польской песни в Ополе — с 15 по 17 сентября. В июне мероприятие не состоялось из-за бойкота со стороны многих артистов, которые воспротивились вмешательству Польского телевидения в отбор участников. Главными звездами Ополе-2017 были Марыля Родович, которая отмечала 50-летие сценической карьеры, и Ян Петшак. Насколько первый день фестиваля с бенефисом Марыли Родович оказался успешным с точки зрения наплыва зрителей (художественный уровень, впрочем, оценивают по-разному), настолько во второй день зрительный зал амфитеатра зиял пустотами. Даже представителей правых кругов, для которых выступал знаменитый некогда артист кабаре, трудно было задержать до завершения концерта. Под конец осталось 200 зрителей, которые устроили Петшаку (его называют бардом «Права и справедливости») шумную овацию. В зрительном зале Опольского амфитеатра более 3,5 тыс. кресел.

Прощания

14 августа в Варшаве в возрасте 66 лет умер Анджей Блюменфельд, актер кино, театра и телевидения. Он выступал в варшавских театрах «Народовы», «Драматычны», «Студио», был также связан с Польским радио. Снялся более чем в 40 фильмах, в числе которых «Корнблюменблау», «Розочка», «Пианист», «Иоанн Павел II», «Перстенок с орлом в короне». Популярность принесло ему участие в сериалах «На Вспульной», «Право Агаты», «Второй шанс». Был одним из актеров знаменитого телевизионного кабаре Ольги Липинской.

19 августа в Египте в возрасте 79 лет умер Януш Гловацкий, выдающийся прозаик, драматург, сценарист, фельетонист и эссеист. Его произведения переведены на множество языков. «Юмор. Ирония. Ум. Этими тремя элементами можно было бы описать все творчество Гловацкого», — отмечено в одном из посмертных высказываний. В течение многих лет жил в эмиграции. В декабре 1981 года отправился в Англию на премьеру своей пьесы «Замарашка», там его застало военное положение. Вскоре он переехал в Соединенные Штаты, где внимание критиков привлекла пьеса «Охота на тараканов» (1986). Большой международный успех снискала «Антигона в Нью-Йорке» (1992). В числе других его пьес «Фортинбрас спился» и «Четвертая сестра». Опубликовал несколько книг прозы, таких как «Водоворот абсурда» (1968), «Последний сторож» (2001), «Из головы» (2004), «Как быть любимым» (2005), «Good Night, Джези» (2010) и «Пришел, или Как я писал сценарий о Лехе Валенсе для Анджея Вайды» (2013). Гловацкий был сценаристом многих известных фильмов, таких как культовый «Рейс» (1970, в соавторстве с Марекком Пивовским), «Охота на мух» Анджея Вайды (1969), «Надо убить эту любовь» Януша Моргенштерна (1972), «Валенса. Человек из надежды» Анджея Вайды (2013). Лауреат многих престижных отечественных и зарубежных литературных премий. В 2011 году Януш Гловацкий стал лауреатом литературной премии Столичного города Варшавы в категории «Варшавский творец».

26 августа в Варшаве в возрасте 61 года умер Гжегож Мецугов — видная фигура польских СМИ, журналист и публицист, редактор Третьей программы радио, продюсер и ведущий программы «Вядомосци» на первом канале Польского телевидения, один из создателей и ведущий программы «Факты» канала TVN, вел также необычайно популярную программу «Контактные линзы» на канале TVN24. Успехом пользовалась также его авторская программа «Другая точка зрения». Родившийся в Кракове, окончивший философский факультет, Г. Мецугов был известен как автор фельетонов и нескольких книжных публикаций, таких, например, как «Случай» и «Тройка, возведенная в степень». Последние десять лет преподавал журналистику, был постоянным сотрудником «Collegium Civitas». Все, кто вспоминают его, подчеркивают, что это был человек, который объединял, а не разъединял людей.

Жанета Налевайк

Вершалин

Репортаж о конце света Влодимижея Павлючука и Петра Томашука

Фотографии из первого варианта постановки. Из архива театра.

Фотографии из первого варианта постановки. Из архива театра.

1. Психоз, неприиспособленность и цивилизационная катастрофа, или Появление новой религии

Начнем, пожалуй, с нескольких красноречивых фактов из выдержанной в жанре репортажа книги Влодимиже Павлючука «Вершалин. Репортаж о конце света», где описаны события, происходившие во время Первой мировой войны, а также в 20-е и 30-е годы XX века на территории Белостокской области — на стыке польской, белорусской и русской культур, т.е. на пограничье не только религиозном, но и этническом.

«В деревне Целушки одна из сектанток, Ольга Д., двадцатичетырехлетняя девушка, сбросила с себя одежду и голая, без платья и рубахи, бегала по улице с криком «Покайтесь!», а потом повыбивала окна в своем доме и в домах других сектантов (...). Несколько дней спустя она с криком «Конец всему старому!» начала ломать кресты на кладбище и вырывать ограды — на кладбище в деревне Пухлы осталось всего три креста, которые она не смогла повалить. В конце концов сектанты заковали ее в железный ошейник и посадили на цепь, в таком положении эта несчастная живет на привязи уже целый год, с июля 1932 года. Иногда в праздничные дни сектанты идут к ней петь религиозные песни — она рвется тогда с цепи и осыпает их грязной руганью, но они считают ее святой и утверждают, что за тридцать четыре дня она ела только три раза...»^[1].

Или вот еще один фрагмент:

«21 октября 1929 года, — пишет дьяка Марчук в озаглавленной «Необъяснимый психоз» хронике событий, предшествующих неумолимо приближающемуся Страшному суду, — в деревню Целушки, бельского повета белостокского воеводства, прибыли две женщины (...). Рассказывали они, что в селе Гжибовщина живет библейский пророк Элиаш, который во времена оны живьем вознесся на небеса, а теперь вернулся с неба, чтобы подготовить народ ко второму пришествию Христа; что построил он храм, проповедует там и творит чудеса (...) Ежедневно весь 1930 год тысячи людей шло поклониться пророку и несли ему, кто что мог».

В книге Павлючука описано еще множество необычных происшествий, имевших место в тех окрестностях. Из рассказов дьяка Марчука, которого цитирует автор книги «Вершалин. Репортаж о конце света», послужившей потом основой для театрального спектакля, поставленного Петром Томашуком, следует, к примеру, что якобы в 1932 году, спустя пятнадцать лет после отречения от престола и четырнадцать —

после смерти, в село Целушки прибыл царь Николай II со своею царицей. В церкви царь крестился на католический манер, говорил в основном по-польски, хотя русский тоже знал, а на староцерковнославянском пел религиозные песни. Поселились они в селе Пухлы. Шил он мужикам сапоги и стал как воплощением утраченного в результате бурных исторических перемен уклада, так и образцом доброго правителя, поскольку явил себя измученному историческими переломами народу в образе, в котором крестьянам больше всего и хотелось видеть царя: как кто-то глубоко озабоченный их судьбой, кто-то близкий и доступный.

Даже после того, как он покинул деревню, местные жители не перестали верить, что царь жив и что он еще когда-нибудь вернется, чтобы дать им землю и назначить на высокие государственные посты.

Вера в посмертное явление царя Николая II не была в это время чем-то уникальным. В книге Павлючука мы можем прочесть, что в деревне, расположенной в нескольких десятках километров от Целушек, появился другой царь, а еще в одной — сын самого императора Вильгельма, который торжественно обещал возродить немецкую империю, а столицу ее перенести не куда-нибудь, а именно в Целушки.

«Царь-батюшка, — объясняет Павлючук, — был символом крестьянского патриархального уклада и гарантом его нерушимости. Крестьянская жизнь текла вне истории, все, с чем человек сталкивался на земле, было — в его понимании — дано при создании мира и не могло измениться до конца света. Старые обычаи, обряды, мифы и легенды, то, как следует вести хозяйство, а как отдыхать, общественный уклад и космический порядок — все это было в понимании крестьян старо как мир. Да, было скудно и бедно, но зато надежно и понятно. Мужик делает свое, помещик — свое, поп — свое; каждый жил, работал, отдыхал и умирал так, как ему было положено по рангу, предписано обычаем и мудростью отцов. В мифах, легендах и примитивном образе мира содержалось объяснение и обоснование всего, что могло случиться.

Вместе с уходом царя, прямо на глазах крестьян, начали твориться вещи, ломавшие их неизменные представления о мире. Происходили события, последствия которых ощущались еще долгое время, события, для которых не было образцов в народной мифологии: война, революция, голод, утрата веры отцов, нигилизм молодежи, ломка старых обычаев и обрядов, потеря всего традиционного устоя крестьянской жизни» (с. 44).

В зависимости от точки зрения можно принять один из трех способов интерпретации описанных необычных явлений: во-первых, можно воспринимать их как проявление коллективного психоза, во-вторых, как следствие неприспособленности местного населения к жизни в новых исторических условиях, возникших в результате потрясений, вызванных внешним субъектом. В-третьих, можно видеть в них результат цивилизационной катастрофы, ставшей итогом столкновения правил и норм традиционного уклада с принципами, управляющими Большой Историей. Именно с этой, последней перспективы, мне хотелось бы взглянуть на описанные в книге Павлючука события и на спектакль, поставленный на ее основе в Вершалине Петром Томашуком.

Цивилизационная катастрофа — это, кроме всего прочего, еще и столкновение двух темпоральных моделей, первая из которых имеет циклический характер, определяемый ритмом из года в год повторяющихся литургических праздников, сменяющих друг друга пор года и связанных с ними сельскохозяйственных работ, вторая модель — линейная, и линейность эту удобнее всего интерпретировать в категориях прогресса, благодаря которому очередные события графически можно представить в виде стрелы, мчащейся ко все более совершенным и, казалось бы, недостижимым целям.

Влодзимеж Павлючук так объяснил исторический фон описанных в его книге событий:

«(...) Рухнул Номос, земной лад. На землях Белостокских это случилось во время Первой мировой войны. Православные крестьяне — частично от страха, частично под принуждением — убегали от немецкой армии на восток. Деревни опустели, а потом были сожжены отступающей российской армией. Когда люди добрались вглубь России, началась Октябрьская революция. Когда в 20-е годы они вернулись в свои дома — это были уже другие люди. (...) Утратившие ощущение божественного присутствия, которое сопутствовало им в повседневной жизни. Исчезло то, что раньше чувствовалось, физически ощущалось, было дано в пространстве, в самом укладе, обрядах, в каждодневном распорядке жизни. Широкие просторы России, на которых многие из беженцев погибали, другие люди, другие обычаи, наконец, большевистская революция со своей антицерковной, атеистической идеологией, а после возвращения — сожженные деревни, изменившееся до неузнаваемости пространство» (с. 7).

Таким образом Павлючук, с одной стороны, указывает на цивилизационные изменения, которые противоречат

правилам жизни, обязательным в традиционной культуре. С другой стороны, он объясняет, что именно поэтому представители традиционной культуры отрицают принципы нового порядка, предпочитая мир пророчеств, чудес и религиозных видений, которые, по их мнению, предвещают Страшный суд, а в более отдаленной перспективе — надежду на восстановление утраченного уклада. Участью сообщества, переживающего крах традиционной системы ценностей, становится кризис сознания, ведущий к полному отрицанию того, с чем приходится иметь дело в реальности. Возникает насущная потребность в действии, которое могло бы иметь созидательный, обновляющий характер.

Примечательно в этом контексте то, что рука об руку с пророком Ильей и его последователями, готовящими мужиков к скорому повторному пришествию Христа, на этих территориях действовали такие радикальные организации, как крайне левая Независимая крестьянская партия или Коммунистическая партия Западной Белоруссии. Похоже, что популярность и движения религиозного обновления, в результате которого появлялись очередные, осуждаемые православной церковью секты, и революционного движения — все это выросло из потребности веры в возможность создания нового лучшего миропорядка.

2. Столкновение традиции с историей — новозаветный апокриф

Что интересно — на пограничье культур и эпох, в ситуации исторических изменений в традиционных сообществах, чувствующих давление разного рода радикальных социально-политических систем, возвращение пошатнувшегося чувства безопасности опиралось среди всего прочего на культ власти, идущий в паре с религиозным фанатизмом. Достаточно упомянуть, что из свидетельств того времени следует, что живущая в селе Пухлы царица, хотя ее и считали немкой, в церкви всю службу прилежно стояла на коленях, а на ярмарках продавала иконы святых, написанные самим царем. Местные жители так усердствовали в постах, что сторонние наблюдатели считали, что их религиозные видения являются результатом голода. Были и такие, которые знали, что в самодисциплине кроется сила их организации, которая в лучшие времена насчитывала около тысячи членов и несколько тысяч сторонников. Ее представители, чтобы спасти от уничтожения свой мир, были готовы на все, включая повторение самых жестоких эпизодов из истории Спасения. Они выбрали из своего числа человека, наиболее преданного

идеалам веры, которого называли пророком Ильей, и решили его распять. В один из жарких дней лета 1936 года они выстроились в процессию, взяли с собой тяжелый крест, большой молот, изготовленный специально для этих целей у местного кузнеца, захватили также горсть гвоздей и другие принадлежности необходимые, например, для того, чтобы проколоть жертве бок, и терновый венец, сплетенный из колючей проволоки, вырванной по дороге из ограда. Процессия направилась к Элиашу Климовичу, чтобы принести его в жертву и таким образом вновь спасти охваченный грехом и порчей мир. Что существенно, паломники, прошедшие вместе десятки километров по дороге, ведущей к месту казни, которое согласно библейской традиции называли Голгофой, воспринимали себя не как будущих убийц пророка Ильи, но как спасителей мира от зла, готовых ради этого взять на себя самый тяжкий грех, который только можно представить — они собирались распять бога, в которого верили. Реализуя свой план, они не знали, что именно так действует механизм козла отпущения, согласно которому социальная группа в момент кризиса и опасности дезинтеграции, чтобы вернуть потерянное равновесие своего мира, выбирает жертву и направляет на нее коллективную агрессию. Наоборот, они верили, что реализация этой концепции — это единственно возможное метафизическое спасение, которое требует от них самих значительных усилий, близких духовному мученичеству. Они были убеждены, что этот жест отчаяния вернет их повседневной жизни утерянную связь с событиями, происходящими на божественном уровне, что течение дней после этого ритуального убийства восстановится, и все события будут верным повторением первообраза. Реализовать план, однако, не удалось, поскольку — как пишет Павлючук — пришедший в ужас от такого оборота вещей пророк Илья ударил по лицу человека, изображавшего Пилата, и каким-то чудом сбежал от фанатичной толпы. Он три дня и три ночи скрывался в лесу, прячась в яме для хранения картофеля, а спустя это время явился миру, но не как воскресший спаситель, а как гротескная его версия — некто спасшийся сам, избавленный от необходимости исполнить свою историческую метафизическую миссию.

3. Как показать конец света?

Вершалинская театральная адаптация в постановке Петра Томашука так же, как репортаж о конце света Павлючука, предпринимает попытку обнажить механизмы, которые приводят к тому, что члены некоего сообщества, вынужденные

вопреки своей воле наблюдать за упадком собственной культуры во всех ее ежедневных проявлениях, болезненно реагируют на этот опыт, укрепляясь в убеждении, что они стоят перед лицом метафизического уничтожения. Охваченные мыслями о скором конце света, они стремятся к его обновлению. Одна из основных причин такого положения вещей — столкновение двух взаимоисключающих — как в бытовом, так и в аксиологическом плане — моделей мироустройства, выражающееся в коллизии образцов культуры, разных представлений о времени, и наконец, в отличии самой парадигмы жизненного опыта. Не случайно, чтобы рассказать об этих событиях, Влодзимеж Павлючук прибегает к жанру репортажа. Интервью с автором, его размышления, наблюдения и впечатления от путешествия по деревням, в которых разыгрались памятные события, дополняют письма, воспоминания собеседников Павлючука и фрагменты из Библии, которую они цитируют по памяти. Здесь мы найдем также диалоговые партии, фиксирующие разговоры со свидетелями тех событий, отрывки из религиозных и военных песен, выдержки из хроники дьячка Марчука, озаглавленной «Необъяснимый психоз». Кроме того, в книге «Вершалин. Репортаж о конце света» отрывки молитв соседствуют с фрагментами социально-политических отчетов Белостокского воеводского управления, из которых следует, что пророк Илья, то есть Элиаш Климович какое-то время был под арестом по обвинению в убийстве неизвестного мужчины. Более того, в книге рядом с отрывками из трактата Александра Данилюка, заглавие которого «Пророк пришел к вдове Польше и поселился у ручья, как старый пророк Илья» частично совпадает с текстом объявления, повешенного когда-то пророком Ильей на дверях построенной им церкви, опубликовано также подтверждение получения письма, отправленного Данилюком правительству Советского Союза, в котором он предупреждал о втором пришествии Иисуса Христа и приближающемся конце света. Нашлось в книге место и для записей рассказов участников тех событий и для цитат из листовки «Пророк Илья строит в Польше город Вершалин», в которой утверждалось, что именно в этом городе будет новая столица мира. Кстати, стоит заметить, что сорок лет спустя после описанных событий, которые должны были привести к возрождению и обновлению действительности, из трех домов в Вершалине остался только один. Разный уровень объективности цитируемых источников, среди которых на одном полюсе находятся документы, а на другом — плохо поддающиеся объективному изложению рассказы о мистических видениях и пророческих снах, помогает Павлючуку показать сложность описанных событий и

позволяет также подчеркнуть разницу в уровнях отстраненности от материала, характерную для разных способов его подачи, что в свою очередь усиливает эффект многоаспектности повествования благодаря чему возрастает убедительность и правдоподобие отдельных рассказов.

В свою очередь Петр Томашук, создавая театральный спектакль, перенес эту гетерогеничную форму репортажа на сцену. В его постановке с чисто повествовательными элементами и монологами, которые часто произносятся не одним, а несколькими актерами, и относительно редкими диалоговыми партиями соседствует чтение вслух отрывков из упомянутого трактата Александра Данилюка, декламация писем и исполнение религиозно-апокрифических и военных песен. В художественном методе открытости и стилистической вседозволенности репортажного текста Павлючука режиссер Петр Томашук увидел большой сценический потенциал и интересные формальные возможности, то есть текст репортажа повлиял, во-первых, на сам принцип сегментации отдельных эпизодов спектакля, во-вторых, на его небывалую полифоничность, благодаря которой сформировался в значительной степени музыкальный характер представления^[2]. Исходным пунктом для создания музыкальной структуры спектакля во многом стали уже упомянутые здесь религиозно-апокрифические песнопения, почерпнутые из песенника, изданного в 1935 году и озаглавленного «Духовные песни второго пришествия Христова», написанные Павлом Бельским, прозванного апостолом Павлом. Раньше Бельский торговал сукном, был церковным дьячком, а потом стал одним из ближайших соратников пророка Ильи и одним из первых назвал его в своих песнях Богом и Богом-Отцом. В песнях этих рассказывается о воскресении Лазаря, о рождении, мучениях на Голгофе и распятии Христа с той лишь разницей, что описанные события происходят не два тысячелетия назад, а — как утверждает автор — все они имели место в 1930 году на Подлясье, жители которого в результате участия в бурных исторических и цивилизационных переменах (мировая война, Октябрьская революция и технический прогресс) и крушения близкой им системы ценностей массово создавали секты и разные их ответвления. В ситуации пассивности создателя они принимали на себя роль библейских персонажей, например, Богоматери. Только в Бельском повете их было в то время несколько. Об одной из них — Ульяне, дочери Яна из деревни Канюки, известной легким поведением, любовью к водке и развлечениям (что в деревне, славящейся на всю округу своими пьянками и драками, не было ничем удивительным)

Бельский упоминает в своей песне. Апостол пророка Ильи представил ее как девицу, мать бога, которая сохранила чистоту до последних дней жизни. Павлючук цитирует эту песню в своем «Репортаже о конце света», а в спектакле Томашука актеры исполняют ее хором в знак поклонения. Звучит она так:

Семья святая в доме была
И Мать Ульяна с нею жила
Чистая Дева, Матерь Творца
Ты сохранила честь до конца.
За жизнь святую Бог наградил
И всех воскресших Тебе вручил
Пять лет прошло, как Бог Тя избрал
Южной Царицей и Духа дал. (стр. 51)

В постановке Томашука исполнению религиозно-апокрифических песней сопутствует громкое коллективное чтение молитв, а также пророчеств и объявлений о том, что пророк Илья как раз пишет третье свое завещание, которое станет дополнением к Ветхому и Новому Завету. Все это происходит под аккомпанемент гимнов и военных песен. Исполняются, например, гимн «Боже, царя храни» и песня «Священная война». Появление в театральном спектакле этих произведений становится опосредованной музыкальной информацией о смене времени действия, которое из дореволюционного периода переносится во время Второй мировой войны. Сосуществование этих произведений с апокрифическими песнопениями указывает на совмещение религиозного фанатизма с верой в идеи революции.

Но вот что интересно — упомянутые песнопения в исполнении представляющих деревенское сообщество актеров носят скорее оргиастический, чем литургический характер. В то время как на сюжетном уровне стремление к обновлению мира уживается с самоуничтожением и экстазом, в музыкальном плане многоголосому пению сопутствует поклонение не только иконам, но и портретам персонажей, которые еще при жизни стали предметом идолопоклонства, что нашло свое отображение также в сценографии спектакля, поскольку некоторые из находящихся на сцене актеров были «оправлены» в светящиеся рамки.

Стоит обратить внимание и на то, что в спектакле театра «Вершалин» многочисленным приемам, служащим усилению правдоподобия рассказанной истории, сопутствуют сигналы

дезиллюзии, создаваемые прежде всего актерской игрой. Среди усиливающих правдоподобие стратегий нужно назвать, во-первых, чтение персонажами книг, объявлений и документов, во-вторых, исключение из спектакля фигуры повествователя — антрополога и религиоведа — присутствующего в книжной версии: его рассказы как от первого, так и от третьего лица в спектакле переданы действующим лицам, чьи реплики часто выдержаны в поэтике повествования. Вместе с тем к главным сигналам, разрушающим сценическую иллюзию, следует причислить прежде всего то, что актеры, играя определенных персонажей, одновременно рассказывают о них в третьем лице. Столкновение приемов, благодаря которым у зрителя складывается впечатление участия в представлении нон-фикшн, с актерской техникой, разрушающей иллюзию, приводит к сценическому эффекту гротеска, в котором земное, повседневное может сосуществовать с тем, что необычно, связано со сферой сакральной, что вырастает из потребности метафорического духовного перерождения, но одновременно соседствует с мошенничеством, желанием повлиять на судьбы сообщества, а то и просто со стремлением к власти.

В спектакле театра «Вершалин» Петр Томашук, можно сказать, переводит репортаж Павлючука с языка текста на язык театра. Творчески используя текст антрополога и лингвиста, режиссер конструирует автономное произведение, которое, не отказываясь от текста-источника, вносит в пространство театральных практик дополнительную эстетическую ценность, рассказывает о духовности потерявшегося на перекрестке эпох и культур сообщества, чтобы подвести итог этому опыту «конца света» в иронической сцене, когда расстрелянные соратники пророка Ильи маршируют к украшенным цветами воротами с надписью: «Ворота в рай».

Театр «Вершалин» в 1991 году основали Петр Томашук, Тадеуш Слободзянек и группа молодых актеров-кукольников. Театр работает в городе Супрасль (Подляское воеводство).

-
1. Włodzimierz Pawluczuk, Wierszalin. Reportaż o końcu świata, Supraśl 2008, s. 15–16.
 2. Театральный критик Томаш Мосцицкий обратил внимание, что с точки зрения музыкальной формы спектакль

напоминает ораторию.

Ванда Хотомская

1929–2017

Фото: Э. Лемпп

Если б пантеры ели эклеры

Если б пантеры ели эклеры,
было бы меньше проблем:
глотали б пантеры
эклеры без меры,
а мяса не ели совсем.

Изумительные были бы манеры
у любой без исключения пантеры!

Пригласила бы она в кино
жирафа,
и жевала б там эклеры
величаво.

Или, будучи общительной
особой,
под эклеры бы болтала

с антилопой.

А на ужин заглянула бы
к газели,
и хозяева бы вмиг
повеселели.

И все бы любили пантер
и ставили их в пример
хулигану и лоботрясу,
если б пантеры
ели эклеры
и вовсе не ели мяса.

Да только вот звери эти
отнюдь не сидят на диете —
у них аппетит такой,
что способны пантеры
все на свете эклеры
слопать за день-другой.

В магазинах появились бы плакаты:
«Эклеров нет. Пантеры виноваты!»

Человек в очередях
разнообразных
за эклерами стоял бы
понапрасну

и, не выдержав подобных
эзекуций,
мог бы выйти из себя
и не вернуться.

А вернувшись, оказался бы
намного
агрессивнее любого
носорога.

За съеденные эклеры
растоптаны будут пантеры
в течение получаса,
если пантеры станут эклеры
есть на обед вместо мяса.

Перевод Игоря Белова

Сто предрассудков

Краткий философский словарь предрассудков

АВТОРИТЕТ. Вокруг авторитета возникло несколько опасных предрассудков. Чтобы понять их коварство, прежде всего следует выяснить значение самого определения «авторитет». Считается, что один человек является авторитетом для другого в определенной области, если все, что к этой области относится, он доведет совершенно отчетливо до сведения другого (например, в процессе обучения, в виде приказа и т.д.) и это будет воспринято и признано последним. Имеется два вида авторитетов: авторитет знатока, специалиста, который по-ученому называется «эпистемичным» авторитетом, и авторитет начальника, шефа, который называют «деонтическим» авторитетом. В первом случае некто является для меня авторитетом тогда и только тогда, когда я уверен, что он разбирается в данном предмете лучше меня и при этом говорит правду. Эйнштейн, например, является для меня эпистемичным авторитетом в области физики, школьный учитель является эпистемичным авторитетом в области географии для учеников школы, где он преподает, и т.д. А деонтическим авторитетом некто становится для меня именно тогда, когда я уверен, что не смогу достичь намеченной мной цели никак иначе, кроме как исполняя его приказы. Мастер представляет собой деонтический авторитет для рабочих в мастерской, командир подразделения — для солдат и т.д. Далее деонтический авторитет подразделяется на авторитет санкции (в этом случае цель авторитета не совпадает с моей, но я подчиняюсь его приказам из страха наказания) и авторитет солидарности (когда у нас общая цель — например, в условиях, когда судну угрожает опасность, у экипажа та же цель, что и у их капитана,).

1. Первым предрассудком, касающимся авторитета, является мнение, что авторитет противостоит разуму. В действительности же подчинение авторитету часто является поведением весьма разумным. Когда, например, мать говорит ребенку, что есть такой большой город под названием «Варшава», ребенок поступает вполне разумно, считая это правдой. Вероятно, и пилот поступает разумно, когда верит

метеорологу, который сообщает ему, что в настоящее время в Варшаве высокое давление и западный ветер дует со скоростью 15 узлов — поскольку знания авторитета в обоих этих случаях превосходят знания ребенка или пилота. Более того, мы прибегаем к авторитету также в науке. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на обширные книжные собрания, имеющиеся в каждом научном институте. Книги, которые хранятся в этих библиотеках, чаще всего содержат рефераты, посвященные результатам научных изысканий других ученых — то есть содержат высказывания эпистемичных авторитетов. Поэтому в определенных ситуациях подчинение авторитету, например, капитану судна, является совершенно разумным поведением. Утверждение, будто всегда и везде авторитет и разум находятся в оппозиции друг к другу, является предрассудком.

2. Второй предрассудок, связанный с авторитетом, это убеждение, что существуют авторитеты, скажем так, универсальные, то есть люди, являющиеся авторитетами во всех областях. Это, естественно, неправда — отдельный человек является самым большим авторитетом в какой-то определенной области или в нескольких областях, но никак не во всех. Например, Эйнштейн несомненно был авторитетом в области физики, но отнюдь не в области морали, политики или религии. К сожалению, признание таких универсальных авторитетов является очень распространенным предрассудком. Когда, например, университетская профессура подписывает коллективный политический манифест, предполагается, что публика будет считать их авторитетами в области политики, каковыми они, конечно же, не являются, то есть это будет чем-то вроде признания универсального авторитета ученых. Между тем эти профессора являются, возможно, авторитетами в области французской революции, китайского фарфора или теории вероятности, но не в области политики, поэтому, делая такие политические заявления, они злоупотребляют своим авторитетом.

3. Третьим, особо вредным предрассудком является здесь смешение деонтического авторитета (начальника) с эпистемичным авторитетом (знатока). Многие считают, будто тот, кто имеет власть, тем самым становится эпистемичным авторитетом и может учить своих подчиненных, например, астрономии. Автор этих строк был когда-то свидетелем того, как офицер в высоком звании, но невежда в этой самой астрономии, прочитал «лекцию» отделению, в котором служил стрелок, оказавшийся доцентом астрономии. Жертвой этого предрассудка становятся порой даже такие выдающиеся люди,

как св. Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, который в своем знаменитом письме португальским монахам требовал от них «подчинять свой разум начальнику», то есть чисто деонтическому авторитету.

АКТИВИЗМ. Суждение, что только движение, деятельность, стремление к цели имеют значение и способны придать смысл человеческой жизни. То есть жизнь будто бы имеет смысл только в том случае, когда человек действует, к чему-либо стремится. Любое наслаждение текущим моментом, любую созерцательность активизм осуждает как «мертвое» и бесполезное дело.

Активизм существует с древнейших времен, но в последнее время его особенно популяризировали экзистенциалисты. Дело в том, что эти философы понимают существование человека (так называемую «экзистенцию») как стремление, напряжение, движение в направлении будущей экзистенции; то есть человек не только действует, но и сам является действием, чистым движением, стремлением.

То, что активизм является предрассудком, легко выявить, если указать на знакомые любому человеку минуты, когда он ни к какой цели не стремится, но при этом его жизнь обладает полным и порой весьма интенсивным смыслом. Это, например, те минуты, когда я после купания в море отдыхаю на песке, наслаждаясь солнцем и ветром. Такую минуту пережил великий немецкий математик, один из создателей неевклидовой геометрии, Риман, о котором рассказывали, что этот ученый — как он сам однажды признался своему другу — интуитивно ощущал целостность своей системы и испытывал при этом такую радость, какую, пожалуй, редко кому доводилось переживать.

Понятно, что в такие мгновения человек ни к чему не стремится, его действия не имеют цели и, тем не менее, он живет очень интенсивно и жизнь его имеет смысл. Впрочем, активизм, отказывая людям в праве на наслаждение мгновениями жизни, лишает смысла само действие — ведь мы действуем для того, чтобы чего-то достичь, а не для того, чтобы бесконечно действовать. Так вот этим «чем-то», которое было смыслом деятельности, должен быть финальный момент пользования тем, чего в результате действия хотелось нам достичь.

Одним из причин распространения этого предрассудка является коллективизм — предрассудок, требующий, чтобы человек жил исключительно для коллектива. С этой точки

зрения, конечно же, необходимо постоянно действовать, а каждое мгновение, потраченное на наслаждение текущим моментом жизни, является своего рода кражей, отниманием у общества того, что мы обязаны ему дать. Но коллективизм является предрассудком.

ЖУРНАЛИСТ. Журналистика — это профессия людей, специализирующихся в области так называемых средств массовой информации, то есть газет, журналов, телевидения, радио и т.д. Как видно из самого названия, задачей средств массовой информации является передача информации массам. А значит, журналист является репортером и никем иным. Он специалист по сбору, оформлению и передаче другим людям информации. Пока журналист действует в этих рамках, его работа полезна и упрекнуть его не в чем. Тем не менее за прошедший век журналисты присвоили себе другие функции, а именно стали выступать в роли учителей и проповедников нравственности. Они не только информируют читателей и слушателей о том, что случилось; им кажется, будто они имеют право указывать людям, что те должны думать и как поступать. А поскольку их взгляды распространяются в массовом масштабе, журналисты занимают привилегированное положение, порой становясь самыми настоящими монополистами по части назидания, что хорошо, а что дурно.

Вера в то, что эта ситуация нормальна, что журналист имеет право себя так вести, что стоит внимать его поучениям, является одним из типичных современных предрассудков. Поскольку в деле нашего воспитания, журналист никаким авторитетом не обладает. Он как таковой не является ни специалистом в какой-либо научной дисциплине, ни моральным авторитетом, ни политическим лидером. Он просто хороший наблюдатель, который при этом умеет писать и, возможно, говорить. И что еще хуже, сама профессия журналиста является для него опасной, поскольку ему приходится писать о самых разных вещах, в которых он обычно разбирается плохо или во всяком случае не обладает глубокими знаниями. Считать его авторитетом, позволять ему учить других, как это происходит в настоящее время — предрассудок.

Если искать причины распространения этого предрассудка, придется со стыдом признать, что, пожалуй, причина только одна — это детская вера в то, что вся напечатанная информация является достоверной, в особенности если она написана красиво.

МЕТАФИЗИКА. О метафизике люди порой говорят с суеверным страхом («метафизический трепет»). Этот предрассудок

является результатом стечения нескольких обстоятельств. Все началось с некоего Андроника Родосского, который, не зная, как назвать пачку оставшихся от Аристотеля записок, озаглавил их «то, что после (мета) физиков». Чего там только нет! Есть, например, маленький словарь философских терминов. Как бы там ни было, этого Андроника поняли настолько превратно, что его «мета» стали воспринимать не как место в библиотеке («после»), а как эквивалент нашего «вне». Таким образом получается, что метафизика — это то, что находится вне физического мира. Поэтому люди считают, например, вампиров метафизическими существами и, естественно, при упоминании о метафизике испытывают трепет.

Но философы понимали метафизику по-другому, а именно как дисциплину, которая занимается предметами, неподдающимися опыту, то есть находящимися вне чувственного опыта. Один из этих философов, Эммануэль Кант, зная, что в этой области царит полная неразбериха и никакого прогресса не видно, пришел к выводу, что рациональная, разумная метафизика невозможна, а эти находящиеся за пределами опыта предметы нужно постигать другим путем. Этими предметами у Канта были (и остаются до сих пор) душа, мир и Бог.

1. Этот кантовский тезис, будто бы разумная метафизика невозможна, поскольку она не вмещается в рамки опыта, является первым относящимся к ней самой предрассудком. Дело в том, что любая достаточно прогрессивная наука как раз-таки много рассуждает о находящихся за пределами опыта предметах. Говорится же в естественных науках о «теоретических предметах». Поэтому нет оснований считать метафизические поиски невозможными по этим соображениям.

2. С этим связан другой предрассудок, а именно мнение, что метафизические предметы можно познать, как это говорится по-ученому, иррациональным путем, т.е. с помощью каких-то чувств, интуиции, тревоги, метафизического трепета и тому подобное. Это явный предрассудок. Чувство, например, действительно может проторить нам путь к более полному познанию (так, например, любовь на самом деле не только ослепляет, но и открывает духовное зрение на положительные качества любимого человека), но само по себе оно никоим образом не может дать нам знания о таких предметах, как мир (в целом), Бог и т.д. Если мы вообще и можем что-то о них узнать, то только путем рассуждения, а не с помощью пресловутых трепета и эмоций.

3. И вот мы подходим к третьему, довольно распространенному предрассудку, согласно которому метафизические предметы, например, Бога, может легко познать любой. На самом же деле метафизические рассуждения относятся к самым сложным и трудным из всех, какие вообще нам известны. Чтобы иметь хоть какие-то шансы на успех, нужно уметь применять очень тонченную математическую логику (так, например, что касается доказательств существования Бога, необходимо освоить сложную логико-математическую теорию рядов, теорию бесконечности и т.д.). Поэтому каждый, кто думает, будто любой человек может с легкостью заниматься метафизикой, находится во власти предрассудка. Оттого современные философы хотя порой и не отрицают возможности метафизики, часто сомневаются, когда речь заходит о том, чтобы самим начать исследования в этой области — настолько она им кажется сложной.

Еще одно замечание: многие смешивают метафизику с совершенно иной дисциплиной, а именно с онтологией, которая является описательной наукой (а значит не рассуждающей) о наиболее абстрактных характеристиках любых существующих предметов (то есть не о Боге, мире и т.д.).

МОЛОДЕЖЬ. В середине XX века распространилось мнение, будто молодые люди и даже подростки во всем лучше, умнее и т.д. людей взрослых. Я даже подозреваю, что нечто в этом роде можно обнаружить уже в «Оде к молодости»:

Пускай годами отягощенный

Склонился старец, уставясь в землю...

(...)

Ты, молодость, прах юдоли отринешь...

(перевод П.Г. Антокольского)

Как бы там ни было, мнение о безусловном превосходстве молодежи является ни на чем не основанным предрассудком. Любой возраст человека имеет свои преимущества и недостатки. У молодых, например, больше энергии, чем у тех, кто постарше, зато у них гораздо меньше опыта, а порой и силы характера. Лучшим для человека возрастом является не молодость и не старость, а зрелость, поэтому только люди в

зрелом возрасте должны занимать руководящие посты. Из чего, естественно, не следует, что они не нуждаются в советах и молодых и (в особенности) старых. Но приписывание молодежи превосходства во всех отношениях является воистину странным предрассудком.

НАЦИОНАЛИЗМ. Взгляды, которые чаще всего выражаются формулировкой «народ является высшей ценностью». Независимо от понятия нации — разного в разных странах — каждый национализм содержит два утверждения: во-первых, что данная нация является чем-то вроде Абсолюта, стоящего надо всем, а значит, и над индивидуумом, который должен пожертвовать этому Абсолюту все; во-вторых, что данная нация лучше, достойнее, что она более ценна, чем другие нации. Здесь трудно совладать с искушением и не процитировать поэта, в данном случае Милоша:

Не выношу людей, у которых народный пенный напиток
Вызывает в голове национальной гордости избыток,
А их о царе Горохе бесконечные причитания
Употреблять бранные слова мне дают основания.

Национализм является идолопоклонством и как таковой представляет собой особо опасный предрассудок, потому что множество убийств и других несправедливостей совершалось в недалеком прошлом и по-прежнему совершаются во имя него.

Кроме идолопоклоннической стороны национализма, его предрассудочный характер связан с тем, что нация является лишь одной из многочисленных групп, к которым принадлежит человек. Ведь человек прежде всего является членом своей семьи, затем — региона, профессионального сообщества, класса. За пределы нации распространяется его принадлежность к культурным и религиозным сообществам. Игнорировать все эти группы, ограничиваясь одной только нацией и приписывая ей безусловный приоритет по отношению к другим народам, является явным предрассудком.

В чем же причина огромной популярности этого предрассудка? Почему люди так легко и охотно позволяют убивать себя во имя нации? Ответить на этот вопрос нелегко. Мне кажется, его следует разделить на две части и сначала спросить, почему

люди вообще жертвуют собой ради какого-то сообщества, а затем — почему этим сообществом чаще всего оказывается именно нация. Ответ на первый вопрос несомненно сложен, а отвечая на второй можно, пожалуй, указать на влияние литераторов, поэтов, пророков и т.д., которые внушили людям, что их народ является достойным обожания божеством, ради которого можно пожертвовать всем, даже собственной жизнью и жизнями близких людей. Можно указать на полезность этого предрассудка для безопасности группы людей, поскольку он мотивирует людей на борьбу для ее защиты.

С национализмом не следует путать патриотизм, который в отличие от него является не предрассудком, а разумной позицией. В результате смешения этих понятий случается, что люди впадают в другой предрассудок, а именно в интернационализм, который отрицает право человека действовать во имя своего народа, провозглашая, якобы класс или все человечество имеет более важное значение по сравнению с прочими сообществами людей.

ХУДОЖНИК. Художник играет в обществе важную роль: он является специалистом в области искусства, он лучше других умеет выражать человеческие чувства и идеалы, он создает прекрасные произведения и т.д. Но как таковой художник не является ни учителем добродетели, ни политическим лидером, ни философом. Если же он считает себя таковым и выступает в роли авторитета в этих сферах, то он становится интеллектуалом. Признание его в качестве такого авторитета является первым относящимся к художнику предрассудком. Это так, поскольку художник, так же, как литератор и журналист, является специалистом и авторитетом только в собственной области, то есть в искусстве, а вовсе не в других сферах. Может, правда, случиться так, что художник одновременно действует в качестве, например, политика или философа — но как художник он не является ни тем, ни другим.

Особенно опасно наделять его правом выступать в роли учителя нравственности. Стоит отдавать себе отчет в том, что и в этом отношении художник ни в чем не превосходит прочих людей, что он не является ни авторитетом в области морали, ни правомочным проповедником религиозной этики. Из того, что художник умеет хорошо изображать поступки людей, не следует, что он является авторитетом в этих вопросах. Наоборот, художники порой провозглашали взгляды, которые шли вразрез с принятыми в обществе нравственными ценностями, и испытывали к простым людям ничем не

мотивированное презрение. Можно даже сказать, что художник, злоупотребляющий своим авторитетом в данной сфере, особенно опасен для общества.

Еще один касающийся художника предрассудок — это мнение, будто ему полагаются права, которыми никто другой не располагает. Так, например, случается, что живописцы или люди, считающие себя таковыми, требуют — во имя мнимой «свободы творчества» — права «украшать» стены чужих домов без согласия их владельцев. С таким же успехом портной мог бы требовать права соорудить туфли из моего портфеля без моего на то разрешения, а мясник — права зарезать моего кота, чтобы «создать» шницель. На самом деле у художника прав не больше, чем у кого-либо другого, и тот, кто наделяет его такими правами, находится в плену предрассудков.

Популярность этих предрассудков можно объяснить следующим образом. Эстетические ценности, которые известны художнику лучше, чем кому-либо другому, и которые он умеет воплощать в своих произведениях, являются очень высокими ценностями. Уважение, которое мы к ним (справедливо) испытываем, переносится нами на авторов произведений искусства, то есть на художников. И тогда случается так, что окруженный уважением художник становится настоящим гуру, абсолютным авторитетом по всем вопросам. Это происходит особенно легко, когда другие авторитеты — в особенности моральные — оказываются ослабленными, что обычно наблюдается во времена падения общественной нравственности.

Издательство «Литературный институт», Париж, 1987

Юзеф Бохеньский, монашеское имя Иннокентий Мария (1902–1995) — философ, логик, католический священник, монах-доминиканец. В молодости был монархистом. В начале Второй мировой войны служил военным капелланом в Войске Польском, затем — в составе польской армии в Италии (1943–1944). После войны был профессором Университета во Фрейбурге, где руководил Институтом Восточной Европы. Известен своими острыми высказываниями и смелостью. В возрасте 70 лет получил лицензию пилота.

Еще до войны начал сотрудничать с Ежи Гедройцем. В 1987 году в издательстве «Литературный Институт» вышла его книга «Сто предрассудков», фрагменты которой публикует «Новая Польша».

Благословенное насилие

Марек Котанский. Фото: Agencja Gazeta

Этот человек был холериком, эгоцентриком, деспотом. А еще — непреклонным визионером. Любил людей и рукоплескания. Сочетал в себе крайние взгляды и черты характера. В книге «Котан. Ты меня любишь?»^[1] Пшемислав Богуш попытался объективно изобразить Марека Котаньского, одного из крупнейших и наиболее спорных польских общественных деятелей конца XX века. В своей работе Богуш приводит фрагменты разговоров, интервью и расшифрованных звукозаписей из фильмов, воспроизводит сообщения сотрудников, пациентов и подопечных Котаньского; цитирует личные дела, доступ к которым можно получить в Институте национальной памяти. Фамилия Котаньского на протяжении многих лет отождествлялась с помощью нуждающимся — алкоголикам, наркоманам, носителям вируса ВИЧ и больным СПИДом, наконец, бездомным... В польском обществе восхищенное отношение к его инициативам переплеталось с неприязнью, презрением и даже страхом. Однако благодаря харизме, нахрапистости и упорству ему все-таки удавалось воплощать в жизнь самые что ни есть безумные замыслы, у него хватало мужества забираться в такие места, куда ранее отваживались проникать лишь немногие.

Алкоголизм

Свою профессиональную карьеру Котаньский начинал в варшавском вытрезвителе — он был там первым штатным психологом. «Мир социальных низов, открывшийся перед юношей двадцати с небольшим лет из профессорской семьи, произвел на него сильнейшее впечатление». И он вступил в бой с давно сложившейся, устоявшейся системой, защищая пациентов от побоев и обворовывания. «Я утопал в грязном болоте полнейшего оподления, низости и крайней нужды», — скажет потом Котаньский об опыте и испытаниях того периода. Однако он не сдавался, организовал клуб встреч для «трудной молодежи», активно втянулся в деятельность структур Общественного антиалкогольного комитета.

«Невзирая на успехи, (...) пребывание на данной должности оказалось самым коротким из этапов карьеры Котаньского. В начале 1974 г. (...) он переходит в коллектив Государственного санатория детской нейропсихиатрии в Гарволине^[2]. И, вероятно, не предполагает, что именно оттуда начнется его путь к славе. Несколькими годами позже (...) Котаньский станет самым знаменитым открывателем и первопроходцем неизвестных до этого в Польше методов лечения наркомании, даст надежду тысяче польских наркоманов и их родителям».

Наркомания

Начало работы Котаньского в предназначенном для наркоманов отделении гарволинской больницы было не из легких. Специфика работы быстро верифицировала пригодность его «школьной» подготовки. «Мои первые впечатления были хуже некуда. (...) Я осознал, что моя предшествующая терапевтическая практика мало чем поможет мне здесь, и что я совершенно дезориентирован в результате столкновения с тем абсолютно другим, ужасающим, не поддающимся охвату и пониманию миром, который создается субкультурой наркоманов. Я ощущал, насколько невелики мои шансы войти в это до чрезвычайности герметичное пространство. Словом, я чувствовал себя, словно жертва кораблекрушения, выброшенная на остров, где живут люди, которые говорят на каком-то непонятном языке, у которых совсем иная культура и непостижимая, повергающая меня в шок иерархия ценностей». Было необходимо отыскать новую формулу работы с наркоманами. Это удалось сделать где-то на рубеже 1970–1980-х годов, опираясь на опыт американской организации «Синанон»^[3], а также таких педагогов, как Януш Корчак и Антон Макаренко^[4]. Котаньский создал собственную организацию — Молодежный центр наркоманов (польская аббревиатура — МОНАР).

«Я мечтал выйти из стен больницы и попробовать жить с ними по-настоящему самостоятельно, жаждал проверить те их возможности, которые интуитивно предугадывал и которые время от времени проявлялись в мелких эпизодах больничной жизни», — напишет позднее Котаньский. И вот в 1978 г. неподалеку от Гарволина в заброшенной помещичьей усадьбе на окраине деревни Глосков размещают первых наркоманов. «С годами это событие вырастет по своей значимости едва ли не до действий Моисея, который вывел избранный народ из Египта».

Формирование центра совершенно нового типа, где пациенты отвыкали бы от своей вредной зависимости, было, несмотря на привлечение опыта других стран, своего рода экспериментом, в котором оптимальные результаты и подлинные успехи в лечении приносил метод проб и ошибок. Новаторский подход Котаньского поражал его окружение, особенно пациентов.

«Приходящий к нам новый человек слегка дезориентирован, ему трудно разобраться, что за игры здесь ведутся; он попадает в такое место, где происходит много вещей, которые не укладываются у него в голове. Он мог ожидать очередной "промывки" организма и мозгов, приюта для бедняков, кутузки или в самом лучшем случае — некой хипповской коммуны. Тем временем жизнь у нас — вовсе не пребывание в убежище либо анклав (поскольку это снова означало бы полную отчуждённость); она представляет собой тренинг перед возвращением в нормальность. Мы организовали ее по образу и подобию обычного нормального дома, где живут, трудятся, совершают покупки, планируют расходы, думают о будущем, совместно решают повседневные проблемы, много разговаривают с другими обитателями. Здешнее сообщество — это семья, в которой все действуют ради ее блага, и где у каждого есть своя роль и свое место. Причем организовано это сообщество словно бы в двух плоскостях, охватывающих две главные сферы человеческой жизни — семейную и общественную», — писал Котаньский.

Обстоятельством, которое с первого же взгляда позволяет отличить от больничного отделения тот дом (а в сущности Дом), который создавался Котаньским, его сотрудниками и пациентами, является роль труда в жизни последних. В больнице пациент — это объект действий других людей, причем не только медицинского персонала, но и нянечек, кухарок, надзирателей (...). Глосков, будучи на первых порах больничным отделением, подчинялся такого рода правилам лишь до известной степени. Соблюдение административных процедур в этом заведении тоже обязательно, но пациентов здесь не обслуживают, они работают сами — готовят пищу, убирают, кормят животных и прибирают за ними, сажают

помидоры, пропалывают грядки с овощами и цветами, занимаются текущими ремонтными работами». Поначалу специалисты, занимающиеся проблемами наркомании (терапевты, психиатры и др.), смотрели на ту ответственность и самостоятельность, которыми Котаньский наделил своих подопечных, отнюдь не благожелательно.

Не находили признания в медицинских кругах и те способы, которыми Котаньский выводил наркоманов из их состояния, отучая от вредного пристрастия. В его подходе было немало жестокости и провокации, задача которых состояла в том, чтобы разрушить базовые структуры личности наркомана. «Котан управлял сообществами наркоманов с помощью весьма эмоциональных, иной раз прямо-таки драматических приемов. В его действиях не было ничего запланированного, он просто наблюдал за людьми, кого-либо задира, вызывал ответную реакцию — и начинался разговор об этом человеке; Котаньский интуитивно чувствовал, кто сейчас в какой форме, у кого какая проблема. Работа с ним представляла собой одно большое неизвестное, никогда не было до конца ясно, каким образом будет выглядеть очередная встреча или следующее сообщество и чем всё закончится. Он бывал очень резким, употреблял сильные слова, зато среди его пациентов не встречалось, пожалуй, никого, кто не питал бы к нему уважения. И, хотя он вытворял разные странные вещи, его подопечные верили, что всё это делается ради их блага»^[5]. Котаньский повторял, что «в терапии нет места для прохладного поведения. Прохладный терапевт — это мертвый пациент»^[6].

«Временами я возмущался, бунтовал, — как можно говорить подобные вещи?! Но теперь понимаю, что его лечебный центр — это на самом деле теплица. Котан отдавал себе отчет в том, что, едва только вот этот молодой человек выйдет отсюда, ему предстоит пройти еще и не через такие испытания. Поэтому Котан доводил конфликтную ситуацию до предела, но о настоящих оскорблениях не было и речи, его действия неизменно оставались в границах допустимого, так как он всё время помнил, что является терапевтом. И у него это получалось, он достигал результатов — при всех его спорных текстах и ухищрениях»^[7].

В 1985 г. в Польше появляется вирус ВИЧ. Под угрозой заражения в первую очередь находятся наркоманы, вкалывающие себе польский героин (так называемый «компот»), а стало быть проблема непосредственно касается пациентов МОНАРа.

«В дальнейшем Марек Котаньский прославится как поборник

толерантности, защитник права на достойную жизнь для носителей вируса ВИЧ и больных СПИДом; ему предстояло многое сделать для просвещения польского общества, — но когда в центры МОНАРа стали попадать первые наркоманы с вирусом ВИЧ даже кадровые сотрудники этого объединения не знали, как с ними поступать. «Вначале не было известно, кто является носителем, — пока кто-нибудь из новичков не заболел, и диагноз выявлялся в больнице. Помню первую девушку, которая приехала к нам с ВИЧем. Мы понятия не имели, можно ли обращаться с нею так же, как со всеми, может ли она работать, пользоваться теми же самыми столовыми приборами и прочее. Интуитивно мы решили вести себя как обычно, так что она жила вместе со всеми»^[8].

Однако Котаньскому и его сотрудникам предстояло помериться силами не только с новой болезнью. По стране прокатывается волна страха перед заражением, жители впадают в панику, когда узнают, что поблизости от их домов должны поселиться ВИЧ-позитивные лица. И это в равной степени касалось как образованных людей (например, врачей), так и простых сельчан.

В своей книге Пшемислав Богуш прекрасно воспроизводит атмосферу начала 1990-х, а главы, посвященные этому периоду, можно читать не только как биографию Марека Котаньского, но еще и в качестве превосходного репортажа. Автор напоминает нам о господствовавших в то время общественных настроениях, описывает эпизоды с блокированием лечебных центров МОНАРа и подъездных путей к ним, повествует о протестных акциях, а также о встречах терапевтов с населением, имевших целью каким-то образом успокоить ситуацию, наконец, приводит тогдашние мифы и городские легенды. «Нам оплели ворота колючей проволокой и установили перед ними баррикаду, так что мы не могли попасть к себе в центр и были вынуждены пробираться задами через поля. Какие-то люди зашвыривали на нашу территорию подожженные чучела. Скандировали, чтобы мы убирались отсюда, что народ не хочет СПИДа. Местные заправила подвозили крикунам пиво и колбасу, а также подзадоривали и вдохновляли их на битву».

Проблема ВИЧ и СПИДа становилась, однако, всё более серьезной, так что МОНАР (а формально — объединение «Солидарные плюс»), создавая очередные центры для зараженных, старался размещать их где-нибудь в отдалении от населенных пунктов. «Когда Котан терпел неудачи, он очень быстро делал выводы. Данная ситуация стала для нас уроком смирения. Мы поняли, что сначала надо просвещать жителей, дать им чувство безопасности, а затем ставить окружающих

перед фактом. Или же действовать другим методом — вообще не говорить об указанной проблеме. (...) Мы въезжали куда-либо и для начала предоставляли соседям возможность узнать нас как полезных людей, которые нужны окружающим, — иными словами, придавали проблеме человеческое лицо»^[9].

Наркоманам Котаньский старался помогать самыми разными способами. Одной из его идей было Пристанище — заведение, размещавшееся в бараке, который был сооружен из модульных контейнеров. Наркоманы могли там жить и делать себе уколы в гигиенических условиях. Котаньский давал им время, чтобы они могли дозреть до готовности к лечению. «Котан выстроил мотивационную лестницу. Наши люди, выходившие на улицы и на вокзалы с целью заменять иглы и шприцы, говорили наркоману: у тебя есть шанс на место в Пристанище. Наркоман получал возможность ежедневно по несколько раз контактировать с терапевтом — так мы организовывали его время. Сначала подобные контакты происходили на вокзале, когда мы меняли шприцы, позднее — в консультации, где он должен записаться в список желающих переночевать, а потом они продолжались уже в самом Пристанище, где, помимо терапевта, дежурила еще медсестра» — вспоминает Ягода Владонь.

Другой идеей Котаньского был мобильный консультационный пункт, располагавшийся в автобусе. Наркоманы получали там чистый шприц, презервативы и дезинфицирующие средства. Ягода Владонь: «Кроме того, мы ездили на нем по всей стране, встречаясь с наркоманами, рассказывая им о том, насколько важно иметь собственный инвентарь, а также раздавая шприцы и листовки. На рубеже 1980–1990-х годов мы совершили таким способом несколько рейсов по тем польским городам, которые были в наибольшей степени затронуты наркоманией. Этот наш автобус существенно опередил профессиональные программы сокращения вредных последствий наркомании, к реализации которых приступили несколько лет спустя».

Бездомность

Последним большим делом Марека Котаньского был МАРКОТ — часть МОНАРа, занимающаяся проблемой бездомности. В 1991 г. в Варшаве обитало около 3000 бездомных. Столица не была, однако, готова к массовому наплыву самых разных людей, которых происходящие в стране изменения социального строя вытолкнули на обочину общества. Создавались ночлежные дома, но в них царили условия, идущие вразрез с понятием человеческого достоинства. «Котан слышал о Повсинской^[10], но раньше никогда там не был. Увидел тамошних обитателей,

пришел в ужас и решил, что с этим надо что-то делать. Он стал первым человеком, который сразу принял решение. На другой день мы были в администрации гмины, на третий — у министра национальной обороны»^[11]. В Варшаве начали возникать центры МАРКОТа, в том числе самый важный из них — Центр выхода из бездомности на ул. Марывильской, на окраине Варшавы. «Первая группа бездомных, 120 человек, прибыла на Марывильскую 13 декабря 1993 г. двумя автобусами с Центрального вокзала. В этом заведении действовали в качестве обязательных три простых принципа: не пить, трудиться в пользу МАРКОТа и уважать друг друга. (...) На Марывильскую попадали не только бездомные, но и нуждающиеся в детоксикации молодые наркоманы, а также носители вируса ВИЧ, дети с ограниченными возможностями, заключенные, которые освобождались из исправительных учреждений, беженцы из охваченной войной Чечни, попрошайничающие на улицах румынские цыгане и даже бесхозные животные».

В 1998 г. при МАРКОТе открывается хоспис, в котором наркоманы ухаживают за умирающими бездомными. «После детокса каждому наркоману выделялся свой умирающий пациент. Он должен был мыть своего подшефного, приносить ему еду и т. д. Марек распорядился давать таким пациентам столько морфия, чтобы они не испытывали боли. Он говорил, что на все правила можно махнуть рукой, потому что нельзя, чтобы человек, умирал от боли. «Блин, тогда на кой ляд здесь устроен хоспис? — спрашивал он. — Ведь на самом деле исключительно ради того, чтобы облегчить страдания этим несчастным!». Ему всегда удавалось откуда-то доставать морфий, и действительно — большинство здешних обитателей умирало без болей. А многие из молодых наркоманов, дежуривших у кроватей умирающих, впоследствии уже не принимали наркотики. Они смотрели на эту смерть, потому что были обязаны присутствовать до самого конца, — и в них происходила внутренняя перемена. Котана обвиняли, что он — де соблазняет наркоманов морфием, искушает их — но в действительности это была очень хорошая терапия. Помню девушку, которая рассказывала, как держала за руку умирающую старушку, — и это заново открыло ей глаза на жизнь, она до сих пор ничего не принимает»^[12].

Еще одна группа, которой адресовал свою помощь Котаньский, — это семьи, выселенные судом из своих жилищ, а также матери-одиночки, которые были вынуждены вместе с детьми убегать из дома от мучителя-мужа. В 1996 г. возникает Центр матерей-одиночек, который получил название «МАРКОТ-

Сказка» и со временем разросся до целого жилого квартала размером с небольшой городок. Формально шесть его домов-бараков перестали существовать в 2009 г. Однако последние семьи покинули «Сказку» и въехали в социальные квартиры лишь в 2016 г.

Сотрудники

О том, насколько трудным человеком был Котаньский в качестве главы МОНАРа, свидетельствуют высказывания его сотрудников, собранные в книге Богуша. Общая схема их повествований, особенно относящихся к начальным стадиям деятельности Котаньского, как правило, однотипна: спустя какое-то время большинство его сподвижников уходит, будучи не в состоянии договориться по самым разным вопросам со своим категорически не терпящим возражений коллегой. Так произошло и с непосредственной руководительницей Котаньского, которой принадлежала идея создать в гарволинской больнице особое отделение для наркоманов, кроме того, именно она помогла организовать дом в Глоскове. А потом д-р Эва Анджеевская «совершенно исчезла — так, словно бы весь этот замысел насчет Глоскова зародился только в одной голове и был реализован благодаря усилиям одного человека. (...) У нее появилось чувство, что ни ее вклад в общее дело, ни тот факт, что ей хватило мужества не отбросить эти задумки, а приступить к их реализации, не оцениваются должным образом». Похожая судьба ждала и учредителей объединения МОНАР, которые либо уходили сами, либо их отстранял Котаньский. «В какой-то момент я стал чувствовать, что мною манипулируют. В стране было военное положение, и вдруг Котаньский ведет какие-то переговоры с Ярузельским, что-то там пробивает, комбинирует. (...) И внезапно наше общее дело, которое действительно было инициативой, идущей снизу, начало управляться извне, сверху — так мне стало казаться. (...) У меня сложилось впечатление, что, насколько Глосков был, безусловно, детищем Котаньского, которое он реально задумал и создал из-за необходимости помогать людям, настолько учреждение объединения МОНАР дало ему возможность начать функционировать в публичной сфере, а он очень любил быть человеком публичным. (...) Марек был сконцентрирован на собственном эго»^[13]. «Он был сложным человеком, в нем словно бы сосуществовали два близнеца. Один из них был всецело вовлечен в полезную деятельность, обладал большим сердцем, был открытым и умел вытаскивать человека с психического дна. А к тому же демонстрировал мужество, шел, как таран, умел говорить с настоящим ораторским пылом, не боялся людей, не боялся партийных бонз. (...) Зато второй близнец, алчный, жаждал почестей и всяческих благ, рвался

быть первым — мол, он один-единственный, и никого больше нет. (...) Котаньский был страшно категоричен, не терпел возражений, и со временем стал авторитарен. Считал, что, если кто-либо придерживается иного мнения, то все — «отрезать ему голову», и вообще — до свидания. (...) Наверняка он был человеком недюжинным, его большая заслуга в том, что тема наркомании сдвинулась с мертвой точки, что он дал жизнь Глоскову (то есть получил разрешение на это), что благодаря ему нашлись деньги на деятельность всевозможных центров. А потом у мужика поехала крыша, он стал великим. А когда он стал великим, выдержать с ним было невозможно. (...) Президент фирмы, все ему кланяются, Ярузельский приглашает на встречи и совещания... По сути дела, у Котаньского не было критиков, о нем никто не написал худого слова. Что бы ни случилось, рядом с ним всегда стоял бедный, несчастный наркоман, а позднее — бездомный. У Котаньского наблюдался совершенно очевидный комплекс отца, он хотел ему показать, что он — великий. И в своем роде этот человек действительно был великим, причем он очень помог многим людям. Ведь, невзирая на то, чем Котаньский занимался после создания объединения МОНАР, если он спас хотя бы одного наркомана, это уже его большая заслуга»^[14].

Котаньский сотрудничал также с другими помогающими организациями, в частности, с Польской гуманитарной акцией, которую возглавляла Янина Охойская. В 1996 г. по причине массового притока беженцев в Польшу (особенно из бывшего СССР) на территории Центра выхода из бездомности на ул. Марывильской поселилось несколько десятков человек, ожидавших предоставления им убежища. «Вначале это были главным образом чеченцы, которым отказывали в получении статуса беженца. До момента окончательного рассмотрения их дел в кассационной инстанции они не могли находиться в центрах для беженцев, им было негде жить. Никто не хотел их тогда принимать (...) Это были чеченские семьи, чаще всего матери с детьми, а позднее также афганцы и лица других национальностей. (...) На Марывильской им было хорошо — они получали возможность находиться среди поляков. (...) Учили польский язык, их дети посещали местные школы, налаживался такой специфический культурный обмен. (...) Через тот дом в МАРКОТе прошло несколько сот человек»^[15].

В центрах МАРКОТа часто работали случайные лица. Котаньский оказывал доверие трезвеющим алкоголикам или бездомным — и некоторые из них фантастически проявили себя во вверенных им учреждениях, нашли там свое место. В тех центрах для наркоманов, которые получали дотации от

государства, случайностей было уже поменьше, хотя и здесь терапевтами нередко становились бывшие пациенты. Сегодня деятельность центров и учреждений, авторитет которых определялся фамилией Котаньского, выглядит для нас поразительной и даже шокирующей. Однако их первоначальный подход к формальным вопросам, который был попросту беззаботным, быстро стал сказываться на репутации нашего героя. Первые нарушения появляются уже на начальных этапах деятельности МОНАРа, в 1980-х годах. Тогда-то и пошла речь о злоупотреблениях и некомпетентности Котаньского. Конфликт среди основателей центра для наркоманов касался главным образом распределения даров, передаваемых этой организации с Запада. Да и в последующие годы в МОНАРе и МАРКОТе на каждом шагу можно было столкнуться с массой нарушений; в частности, с отсутствием соответствующих разрешений, неправильным расходованием государственных дотаций, неуплатой налогов либо взносов в систему социального страхования. Лица, проживавшие в центрах для бездомных, жаловались, что не получают вознаграждения за свой труд, чувствуют себя недееспособными, что они просто-напросто сидят под замком. Критики без обиняков называли Центр выхода из бездомности «гетто для бездомных». «После знакомства с выступлениями ревизоров Высшей контрольной палаты по итогам проверок в 1993 и 1997 годах вырисовывается картина МОНАРа как своеобразного государства в государстве, в котором хаос и пробелы в документации, пренебрежение действующими обязательными правилами или их нарушение, а также отсутствие должной прозрачности финансовых потоков образуют прямо-таки его органический фундамент».

Популярность

Котаньский был личностью весьма медийной и хорошо распознаваемой. С самого начала своей деятельности он использовал средства массовой информации и втягивал их в свои акции и хепенинги. Старался добратсья до широкой публики всеми возможными и доступными каналами, иной раз против воли собственных сотрудников: «Мне, к примеру, было страшно не по душе, что нас силком впихивали в передачу "Приглашаем в 'Тройку'"^[16]. Вроде бы молодежная программа, однако, на режимном СМИ, причем у Котаньского всё как-то канализировалось сходными способами. Меня и мое окружение (...) воспитывали в антирежимных структурах, поэтому хождение на радио и щелканье там клювом — это был не наш мир»^[17]. Вместе с тем без поддержки со стороны СМИ многие из начинаний Котаньского не удались бы, в том числе и те, которые вошли в историю. Одним из них был концерт на

варшавском «Стадионе десятилетия» (в тот момент — крупнейшем базаре Европы), который называли «польским Уэмбли». Это масштабное мероприятие, организованное в пользу детей с вирусом ВИЧ, привлекло на сцену свыше 40 групп и солистов (в том числе самых известных звезд польского рока), а организовал его МОНАР при содействии выпуска новостей «Телеэкспресс» и министерства здравоохранения.

Пожалуй, самой громкой из акций, придуманных Котаньским, была «цепь чистых сердец». В 1986 г. примерно полтора миллиона поляков, держась за руки, образовали протянувшуюся через всю Польшу цепь, которая служила «символом нашей польской общности, символом борьбы против зла и безразличия, а одновременно надеждой на предоставление помощи тем, кто в ней нуждается больше всего». Это движение в дальнейшем сосредоточилось на учебной и просветительской деятельности, а также на организации лагерей, которые готовили молодых людей к самостоятельной жизни, учили справляться со своими проблемами и жить без алкоголя и наркотиков.

Котаньский попробовал использовать свою популярность, стартовав 4 июня 1989 г. на первых свободных выборах как кандидат в сенат. Несмотря на проведенную с размахом избирательную кампанию, он добился довольно скромной поддержки, не достигавшей четырех процентов.

Марек Котаньский погиб 19 августа 2002 г. в автомобильной аварии. У него был выбор: спасти себя или того, кто ехал навстречу. «Только не расфукайте окончательно всего этого после моей смерти», — вроде бы сказал умирающий Котан. Но в итоге сохранить единство созданной им организации не удалось. (...) Однако по-прежнему действуют основанные во времена Котаньского центры и консультации для наркоманов, а также часть жилищ для бездомных — в общей сложности более ста учреждений.

Przemysław Bogusz, Kotan. *Czy mnie kochasz?* Wydawnictwo «Trzecia strona», 2016.

-
1. Przemysław Bogusz, Kotan. *Czy mnie kochasz?*, Trzecia Strona, 2016. Все цитаты, не сопровождающиеся ссылками на другие источники, взяты из этой книги.
 2. Населенный пункт в 60 км от Варшавы.
 3. Организация «Синанон» (первоначально — программа

реабилитации наркоманов) была основана в 1958 г. в Санта-Монике, Калифорния. К началу 1960-х годов она стала также альтернативным сообществом, привлекая людей своей нацеленностью на жизнь в режиме самоанализа, чему способствовали групповые сеансы, в которых участники рассказывали правду о себе — Примеч. перев.

4. «Оба эти педагога, организуя свои учреждения и руководя ими, выходили за пределы известных им ранее схем и создавали воспитательные системы, основанные, с одной стороны, на их естественном и неоспоримом собственном авторитете, а с другой — на участии воспитанников в принятии решений в рамках тех демократических институтов, которые создавались в детском доме (Корчак) или колонии [для малолетних преступников] (Макаренко)».
5. Вспоминает Эльжбета Зелинская, принимавшая участие в создании первого МОНАРовского центра в Польше, которым она руководит с 1998 г. Г-жа Зелинская принимала участие в формировании польской модели лечения вредных зависимостей, базирующейся на методике терапевтического сообщества.
6. Русский перевод книги М. Котаньского «Долгий путь к ближнему» в 1988 г. публиковался в журнале «Смена» — Примеч. перев.
7. Вспоминает Марек Котерский, кинорежиссер, который на протяжении нескольких месяцев снимал в Глоскове документальную ленту «Будущее» (1981) — об изменениях, происходящих в личности наркомана за время пребывания в лечебном центре.
8. Вспоминает Эльжбета Зелинская.
9. Вспоминает Ягода Владонь — в течение длительного времени вице-президент МОНАРа, одна из ближайших сотрудников Котаньского.
10. Ночлежка на варшавской улице с таким названием, устроенная в бывших казарменных бараках.
11. Вспоминает Пшемислав Пшибецкий, бездомный, который заинтересовал Котаньского указанной тематикой. Позднее Пшибецкий стал одним из ближайших его сотрудников. А в 2003 г. основал собственное объединение под названием МАРКОТ, насчитывающее сегодня 11 центров для бездомных.
12. Вспоминает Пшемислав Пшибецкий.
13. Вспоминает Павел Квасневский, художник, кино- и телевизионный продюсер. Был одним из основателей МОНАРа.

14. Вспоминает Эва Дукс-Прабуцкая, журналистка, принадлежащая к числу основателей МОНАРа.
15. Вспоминает Янина Охойская.
16. Одна из самых известных передач Третьей программы польского радио.
17. Вспоминает Павел Квасневский.